Annotation

Переезд в поместье Элливуд-Милл может стать залогом новой счастливой жизни, решили Чарли и Том Уитни, которые уже почти смирились с мыслью о том, что у них никогда не будет детей. Но не успели они въехать в новый дом, как начало происходить нечто в буквальном смысле слова умопомрачительное. Настоящее и прошлое смешались воедино, извергая из себя образы, которые хорошо знакомы Чарли и в то же время чужды. Она в смятении, потому что осознает, что движется к гибели и сопротивление бессмысленно…

- Питер Джеймс
  - Благодарности
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

Питер Джеймс
Возлюбленная

Благодарности

Эта книга вряд ли увидела бы свет, если бы не горячее участие в моей работе многих и многих людей, которые помогали мне, не жалея времени и сил. Среди них Элеонора О'Киффи из Общества исследования психики, Дэвид и Энн Андерсон, которые с готовностью предоставили свой дом в качестве образца для Элмвуд-Милла, Ян Ньютон, адвокаты Дэвид Венеблс и Бил Макбрайд, Саймон Фрейзер из «Фрейзер энд Фрейзер», Вики и Пола Лейхез, полицейский Мик Харрис из Брайтона, Рен Харрис, Мари Хелен Рассел, Линден Хардисти (которой я также обязан своими успехами в теннисе), преподобный Майкл Перри из «Христианина-парапсихолога», доктор Дункан Стюарт, Роберт и Фелисити Бирд, Йен Уилсон, Сарина Ларайв, Сью Анселл, Джил Бремер, доктор С. Домони (благодаря которому я знаю, что значит покрываться холодным потом), Вероника Кин и многие другие.

Отдельно я хотел бы упомянуть мою неутомимую секретаршу Пегги Флетчер и столь же неутомимого литературного агента Джона Тарли, редактора Джоанну Голсуорси, моих мать и сестру Женевьеву за их постоянную поддержку, а также мою жену Джорджину, терпение которой побило все предыдущие рекорды.

– Скажи-ка, голубушка, вот что ты мне:
Не знала ли ты никогда
Дочь пристава из Айлингтона?
– Так нет уж в живых ее, сэр, и давно.

Баллада

1

У заржавленных ворот собака остановилась, а потом неожиданно юркнула под них.

– Перегрин! – позвала женщина. – Перегрин! Сейчас же вернись!

В эти ворота никто никогда не входил, если не считать нескольких местных торговцев, да и те потом признавались, что у них там по спине мурашки ползали. Даже ее собака, любопытная и пронырливая, которая всегда совала нос куда не следует, ни разу не забегала туда раньше.

– Умница моя! Вернись!

Но голос женщины терялся в шуме плотины, что находилась пониже.

– Ну, иди же сюда! – позвала она снова. – Перегрин!

Почти всегда она выгуливала свою собаку по этой дорожке, переходила через железный пешеходный мостик и вела ее вон в тот лесок, всякий раз невольно ускоряя шаг около усадьбы. Она даже старалась не глядеть на заброшенную мельницу с садом внизу и на дом, где обитала загадочная старуха-затворница.

Женщина распахнула створку высоких ворот и всмотрелась в подъездную дорожку. Ее йоркширский терьер как раз взбегал по ступенькам дома. Не задержавшись на верхней ступеньке, он просунул нос в приоткрытую парадную дверь и исчез.

– Перегрин! – в испуге завопила она. – Назад! Перегрин!

Женщина бросилась по дорожке. Рев воды на плотине делал безмолвие дома еще более устрашающим, и гравий, хрустевший под ногами, наводил на мысль, что его положили намеренно, чтобы невозможно было приблизиться к дому бесшумно. Женщина остановилась у ступенек, истекая потом от жары летнего утра. Отсюда дом, возвышавшийся на насыпи, казался еще больше.

– Перегрин! – Теперь ее голос звучал более спокойно. – Ну Перегрин же!

Слыша равномерное настойчивое тявканье терьера внутри дома, она ощущала, как чьи-то глаза наблюдают за ней из темного окна – глаза старухи с отвратительным обожженным лицом.

Поднявшись по ступенькам, женщина остановилась, чтобы перевести дыхание. Собака продолжала тявкать.

– Перегрин! – всматривалась она через приоткрытые дубовые двери в мрачный коридор.

У порога она заметила молоко, целых пять бутылок, да еще картонную коробку с яйцами. За дверью на полу были разбросаны газеты и письма. Дом казался спокойным. Она нажала на звонок, но ничего не услышала, попыталась еще раз, но звонок молчал. Тогда женщина постучала медным ободком потускневшего дверного кольца – сначала осторожно, потом сильнее. Глухому стуку отозвалось эхо, а лай собаки становился все настойчивее.

С усилием она толкнула дверь, отворяя ее пошире, и вошла в дом. Испортившийся блокиратор застрял в покрытой пылью горе почты, громоздившейся на дубовом полу.

В небольшой темной прихожей с низким потолком и каменными стенами неприятно пахло. Недалеко от входа, мимо лестницы, ведущей наверх, шел коридор с дверями по обе стороны. На украшенном витиеватой резьбой столе стоял зловещего вида бюстик с крылышками. Из запыленного, усеянного блестками зеркала на стене на женщину смотрело ее мутное отражение. В конце коридора в темноте лаяла собака.

– Эй! – крикнула женщина, подняв голову. – Есть здесь кто-нибудь?

Оглядевшись в надежде на проявление какой-нибудь жизни, она увидела множество фотографий в рамках, изображавших элегантную женщину. Правда, лицо на них было старательно выжжено, остались лишь изящно подвитые в стиле 40–50-х годов волосы вокруг обугленных дыр. Стены гостиной были увешаны этими фотографиями, и все – без лиц! Женщина ужаснулась: старуха была еще более чокнутой, чем она ее до сих пор считала.

Терьер скребся у двери в конце коридора.

– Да иди же сюда, черт тебя побери, – тихо позвала она.

Терьер жалобно заскулил. Подойдя к собаке, женщина яростно вцепилась в ошейник и тут почувствовала, что какая-то тень упала на ее плечо. Она стремительно обернулась, но это была всего лишь тень от входной двери, колеблемой ветром. Неприятный запах, чувствовавшийся здесь сильнее, вызывал отвращение. Собака снова заскулила и задергалась, словно сообщая ей что-то. Женщине хотелось уйти, выбраться отсюда, но настойчивость собаки ее встревожила. Отпустив собаку, она постучала в дверь костяшками пальцев. Терьер залился лаем.

Женщина повернула ручку, отворяя дверь, и собака стрелой влетела внутрь. Сильное и едкое зловоние, смесь прокисшего молока, несмытого унитаза и сильно протухшего мяса, ударило ей в лицо.

– Тьфу ты, гадость!

Женщина зажала пальцами нос и вошла внутрь, откуда доносилось

жужжание мух. Кроме несносного шума целого облака мух, она услышала и другой шум – вроде слабого шуршания дорогого шелка. Комната выглядела обжитой: старенький стеллаж для сушки посуды висел над столом, на столе стояла пепельница, набитая перепачканными губной помадой окурками, открытая банка тушенки, с растущими из нее волосками плесени, покоилась на сушильной стойке. Дверца холодильника приоткрыта. «Этим-то и объяснялся запах», – подумала женщина с облегчением.

И тут она увидела ноги старухи.

Она лежала ничком на пороге дверного проема, ведущего как будто в котельную, и сначала женщине показалось, что старуха дышит. Мышцы ее ног шевелились, ее рот и левый глаз – единственный, который был виден женщине, – тоже. Шевелились и руки. А шея прямо колыхалась, словно пшеничное поле на ветру.

Женщина отшатнулась в ужасе, накрепко сковавшем ее горло и остановившем рвотные позывы. Непрерывно лая, собака стояла перед трупом. От страха женщина бросилась в дверь и выбежала из дома.

Она чувствовала их на собственной плоти, ощущала, как они колышутся, жуют, и мысленно смахивала их со своих бедер, со своих запястий – миллионы воображаемых извивающихся личинок, падающих на гравий. Женщина торопилась домой, к телефону, жадно глотая свежий воздух; торопилась потому, что ей казалось, будто старуха ковыляет за ней следом, а личинки корчатся, падая из ее уже пустых глазниц, с ее щек и рук, подобно белому дождю… Ей слышался визгливый голос старухи: «Оставь меня в покое! Не мешай им. Дай им поесть. Это всего лишь мое тело, мое отвратительное, покрытое шрамами тело. Моя тюрьма. А они освобождают меня. Ты что же, корова старая, не видишь? Они освобождают меня!»

2

В тот день велосипед Чарли упал, и педаль задевала о кожух цепи с раздражающим «клац-клац-клац», пока она, опустив голову, крутила колеса в насквозь промокшей одежонке; миленький июньский дождичек повис оранжевой дымкой над натриевым уличным освещением. Мимо нее струился поток машин; какой-то грузовичок проехал слишком близко, оттолкнув ее струями грязи из-под колес, как невидимой рукой, к краю тротуара. Чарли вильнула в сторону.

Сквозь дождь пробились глухие звуки музыки: речное судно, украшенное флагами и освещенное как рождественская елка, пробороздило чернильные воды Темзы и скрылось из вида.

По боковой дорожке она поднялась в тишину райончика Тонсли и свернула налево, на улочку, поднимающуюся террасами в викторианском духе. Потом проехала мимо безмолвных припаркованных автомобилей, щеголеватых «Джи-Ти-Ай» и БМВ да парочки «порше». Когда пятнадцать лет назад они переехали сюда, здесь был захудалый райончик, заселенный в основном пожилыми людьми. Подобно начинающим бизнесменам без капитала, они только такое и могли себе позволить. Ну а теперь это был модный район Лондона, с очищенными пескоструйными аппаратами фасадами, изящными парадными дверями и «блюдцами» спутниковых телеантенн, пришпиленных к крышам наподобие значков какого-нибудь недоступного простым смертным клуба.

Чарли слезла с велосипеда и, увидев чуть подальше припаркованную машину Тома, разволновалась. До сих пор она торопилась встретиться с ним каждый вечер, торопилась так же сильно, как двадцать лет назад, когда ей было всего шестнадцать и они только что познакомились… А порой казалось, что еще сильнее. В особенности после размолвок, происходивших все чаще и чаще, так что она даже опасалась, что как-нибудь, придя домой, может обнаружить вместо Тома лишь записку от него.

Дождь ложился на темную мостовую словно глянец. Чарли, отперев входную дверь, прокатила велосипед внутрь и прислонила его к дубовой обшивке прихожей.

Бен приветствовал ее, держа во рту резиновую кукольную головку Нейла Киннока.[1]

– Привет, малыш! – сказала она, опускаясь на колени и энергично потирая обеими руками грудь охотничьей собаки. – Рада тебя видеть! Да,

да, да! Только не прыгать! – Она закрыла за собой дверь и крикнула: – Привет!

– Привет! – отозвался Том со второго этажа.

Чарли стряхнула воду с волос, стащила накидку, швырнула ее на перила и мельком взглянула в зеркало.

– Ах ты, черт подери!

Ее волосы спутались и торчали, вдобавок с правой щеки стекала тушь. С решительным выражением лица воина из племени апачей Чарли потерла щеки, а потом пальцами расчесала волосы.

– Не очень-то здорово, а? – сказала она собаке.

Струйка дождевой воды сбежала с волос и просочилась под ее пуловер, когда она поднималась на второй этаж и шла по коридору в каморку Тома. Следом топал Бен. В темной и уютной комнатке, освещенной чертежной лампой, склонившийся над столом Том изучал пачку документов, соединенных хомутиком розовой резинки. Он поднял голову.

– Привет.

Поверх полосатой рубашки на нем был синий пуловер с треугольным вырезом. Бокал джина с тоником стоял у его правой руки. У Тома был открытый спокойный характер, он редко выплескивал на других свое мрачное настроение. И все же случалось, он пугал ее внезапными вспышками ярости или отчуждением, длившимся иногда целые дни. Вот и сейчас…

– Так поздно работаешь? – спросила она, подходя и целуя его в щеку.

– Кто-то ведь должен зарабатывать деньги.

– Эй! – сказала она. – Это нечестно.

Он снова уткнулся в документы. Она смотрела на него и постепенно успокаивалась.

– Играл в теннис?

– Нет, были проблемы с клиентом. Отец присвоил детишек, так что надо добиться судебного запрета. А как прошел день у тебя?

– Нормально. Ходила на иглоукалывание, помогала Лауре в магазине, а потом смотрели с ней «Ширли Валентайна».

– Мы ведь его уже видели.

– Лаура не видела. Никто не звонил?

Он зевнул.

– Нет. Как прошло иглоукалывание?

– Как всегда, приятного мало. – Она уселась к нему на колени и нежно прильнула, обхватив рукой его шею. – Не грусти.

Он положил руку ей на живот.

– Твой иглоукалыватель считает, что это поможет?

Она пожала плечами:

– Да, считает.

– Ну, получая тридцать фунтов стерлингов за сеанс, он, конечно, будет так считать.

Она посмотрела на его чистые наманикюренные ногти. В отношении своей внешности Том всегда был щепетилен. Даже когда у них совсем не было денег, ему удавалось выглядеть щеголем. Украдкой она бросила взгляд на собственные, искусанные ногти, в очередной раз дала себе слово избавиться от этой дурной привычки. Он вечно ворчал по поводу ее ногтей, особенно если был раздражен.

Том отстранился от нее:

– Господи, да ты промокла!

– Прогноз обещал солнечный день.

– Тебе не следует ездить на велосипеде.

– Да это так, для развлечения. И фигуру помогает сохранить.

– Фигура у тебя прекрасная. Катание на велосипеде по Лондону – занятие не очень-то расслабляющее, а тебе надо расслабиться. – Она ощутила прилив беспокойства, когда он рывком открыл ящик стола, вытащил книгу под названием «Бесплодие» и постучал по ней. – Здесь вот говорится, что переизбыток физических упражнений способствует бесплодию. Они как бы иссушают все внутри. Я бы вообще исключил подобные нагрузки, если хочешь знать.

«Пожалуйста, давай не будем скандалить сегодня», – подумала она, вставая и прохаживаясь по комнате. Она посмотрела на книжные полки, на игрушечную машинку «феррари», подаренную ею мужу на Рождество, на книгу «Национальная игра в гольф». Взяв в руки кубик Рубика, она слегка крутанула его – пыль так и полетела.

– А ты не обсуждала это со своим иглоукалывателем?

За окном прошумела машина. Грани кубика Рубика поворачивались с мягким хрустом.

– У него есть совершенно безумные теории, – сказала она.

– Как и у тебя.

– У меня не безумные.

– А как насчет шоковой терапии? Ты еще ходила туда с Лаурой? Второе рождение, что ли?

– Второе рождение – вещь хорошая.

– Замечательная. Один сеанс «второго рождения» – и никакого секса

на пару месяцев. – Он покачал свой бокал, дребезжа льдом. – Не трахаясь, нельзя ведь сделать ребенка, или тебе никто этого не говорил?

Чарли молчала.

– Тебе надо продолжить ретрогипноз, о котором ты все время говоришь. Возможно, ты бы обнаружила, что в прошлой жизни была монахиней.

– А Лаура говорит…

– Мне неинтересно, что говорит Лаура. – Он отхлебнул немного джина. – Ты в самом деле обсуждаешь нашу сексуальную жизнь с подругами?

На одной стороне выстроились три желтых квадратика. Она снова покрутила кубик.

– А ты разве не обсуждаешь ее с приятелями?

– Да мне и обсуждать-то нечего. У нас с тобой теперь одни научные эксперименты и никакой сексуальной жизни. Когда ты в последний раз *наслаждалась* сексом?

Она поставила кубик обратно на полку, подошла и снова поцеловала его.

– Ну не будь таким, Том. Я всегда наслаждаюсь и чувствую себя, как будто, – она прикусила губу, – это в последний раз.

Голос Тома смягчился:

– Дорогая, все говорят, что ты не беременела раньше, потому что слишком много и напряженно работала. Поэтому ты и оставила работу. Но никто не говорил, что тебе надо отказаться от секса. – Он стиснул ее руку. – Послушай, есть один дом, который мне нравится. Сегодня стали известны детали.

Он щелчком распахнул папку с пачкой бумаг от агентов по продаже недвижимости. Когда она увидела в середине цветную фотографию, ей почудилось что-то знакомое, но ощущение тут же исчезло, как тень. Фотография была нечеткой, к тому же дом скрывал кустарник. Это был большой коттедж в стиле Тюдоров. Нижняя половина – из красного кирпича, а верхняя оштукатуренная. Вдоль стены фасада тянулись небольшие, разделенные вертикальными перегородками окна, венчала дом высокая крутая крыша, нависшая, словно чересчур большая шляпа. Дом выглядел усталым, запущенным и довольно-таки унылым.

> «ЭЛМВУД-МИЛЛ, ЭЛМВУД, ГРАФСТВО СУССЕКС. Очаровательный дом с мельницей XV века в очень уединенном месте, с надворными постройками,

старинной водяной мельницей и большим кирпичным амбаром. Усадьба нуждается в некоторой модернизации. Площадь – около трех акров. Продается по частному договору или с аукциона, дату предстоит согласовать».

– Я думаю, что я… что мне… – Ее голос стих.

– Что?.. – спросил Том.

Она покачала головой:

– Ничего. Я… мне показалось, что я узнала этот дом.

– Так что ты о нем думаешь?

– Он очень мил. – Она просмотрела бумаги. – Ничего не говорится о цене – вероятно, что-то недосягаемое.

– Я им уже звонил. – Он торжествующе улыбался. – Они просят двести пятьдесят, но могут согласиться и на двести двадцать пять.

– Разве это возможно?

– Дом – совершенная развалина.

– Как раз то, что нам нужно! – завизжала она, и Тома неожиданно тронули ее ликование и энтузиазм: в ней словно заговорила надежда.

Капелька дождевой воды упала на щеку Тома, но он этого не заметил. Даже промокшая насквозь, она для него пахла замечательно. У Чарли был чудесный запах, и еще в ней было то, что сразу привлекло его – обаяние девчонки-сорванца: очаровательная мордашка и бесконечные проказы. Тонкая сильная Чарли выглядела в мини-юбке, да и в джинсах просто сногсшибательно. В ней жила откровенная сексуальность, обусловившая их взаимное притяжение с момента первой встречи.

Хотя ему следовало быть терпеливым и понимающим, сочувствующим и заботливым, он негодовал из-за того, что Чарли не могла забеременеть, хотя в этом, возможно, был виноват и сам. В конце концов они решили перебраться в сельскую местность. Уехать из Лондона, подальше от большого дыма и большой суеты. На природе все должно было измениться к лучшему.

– Встреча назначена на завтра. Кажется, кто-то еще проявляет интерес к дому, – сказал Том. – В три часа. Хорошо?

Она кивнула и посмотрела на фотографию. Ощущение узнавания вернулось к ней.

– Ты Бена покормил? – спросила она.

– Угу.

– А Горация?

– Черт, забыл.

– Ты всегда забываешь о Горации.

– Так научи Горация лаять, и я, возможно, перестану забывать. – Он зевнул и закрыл папку. – Мне надо работать.

– Как тебе понравилась пицца?

Он уже читал документы.

– Отличная.

Чарли спустилась на первый этаж. Бен обогнал ее и бросился к входной двери.

– Извини, малыш, но я не собираюсь выходить в такой дождь. Я хочу принять горячую ванну. Ты сам можешь сбегать в сад. – Она прошла на кухню и открыла заднюю дверь. – Давай, малыш!

Усевшись, Бен по-стариковски вздохнул.

– Господи, ну ты и лентяй! – Она подошла к кухонному шкафу. – Эй, Гораций, уж ты-то не боишься намокнуть, правда? – Она прижалась лицом к стеклянному шару. Очаровательная золотая рыбка подплыла поближе и, широко разевая рот, уставилась на нее, словно увидела нечто невообразимое. – Как делишки? – Она открыла его кормушку. – Ты-то что думаешь насчет переезда в деревню, Гораций? Небось и тебе чертовски надоел этот старый Лондон?

Она бросила в аквариум щепотку корма, рассеявшегося по воде, как дождевое облачко от ветра. Рыбка неторопливо всплыла на поверхность и сделала первый ленивый глоток.

Элмвуд-Милл. Что-то забрезжило в глубине ее памяти. Словно чье-то забытое имя всплыло оттуда, вертясь на кончике языка и дразня ее, а потом ускользнуло.

Чарли поднялась в ванную. Когда она, повернув краны, пустила воду, по какой-то непонятной причине ее охватил страх.

3

Усадьба находилась у озера, в конце узкой дорожки длиной с милю, спускавшейся по склону. По дороге им попалось только три дома, последний – более чем в полумиле от цели их путешествия. Сквозь деревья, за обваливающейся кирпичной стеной, верх которой был утыкан битым стеклом, Чарли увидела зелено-белый дом. Солнечные лучи сверкали сквозь перекладины трухлявых деревянных ворот.

Встреча была назначена на три. А часы в автомобиле показывали 3.44.

– Этот педик, должно быть, уже смылся, – сказал Том.

Чарли выпустила Бена наружу. Восемь месяцев от роду, еще щенок, псина неуклюже побежала, отряхнулась, подпрыгнула и задрала лапу у стены. Они приобрели его, когда Чарли перестала работать полный день.

В машине было шумно от работающего мотора. Чарли потянулась, пытаясь стряхнуть с себя сонливость, и мысленно попеняла Тому за то, что он поднял ее так поздно. Всегда что-нибудь не так. Уже более года они охотятся за домом, и всякий раз им не везет. То комнаты слишком малы, то соседи чересчур близко, то вдруг кто-то еще проявлял к дому интерес, и цена подскакивала слишком высоко. Столько раз они начинали все сначала, что научились не слишком обнадеживать себя.

Черные тучи, подобно паровозам, маневрировали по голубому небу. Порывы ветра трепали волосы Чарли. Пышная от долгих проливных дождей листва трепетала на ветру. Мокрая трава блестела под ослепительным солнцем. В туфельки Чарли просачивалась влага.

Окруженное деревьями, вдаваясь причудливыми изгибами в берега, раскинулось озеро. Прямо перед ними какой-то одинокий, перевернутый вверх дном ялик валялся на островке травы под прибитой гвоздями к дереву поблекшей доской с надписью: «Частная собственность. Рыбная ловля запрещена. Только для членов клуба». Прямо за доской обнаруживался металлический пешеходный мостик, перекинутый через запруду, и тропка, ведущая вверх, в лесок.

Над головой пролетела стайка скворцов. Чарли почувствовала холодное дуновение ветра, скорее мартовского, чем июньского, и крепко обхватила себя руками. Она услышала треск ветвей, карканье вороны, похожее на скрежет пилы, рев воды в запруде. Эти звуки только подчеркивали непривычную после лондонской суматохи тишину. Было странно не слышать шума уличного движения, людских голосов.

Когда Том распахнул калитку, раздался резкий лязг металла, и болт проскреб по гравию подъездной дорожки. Глядя на Тома, Чарли подумала, что оба они, наверное, выглядят странно. После суда он не переоделся. Он был в костюме в тонкую полоску и в макинтоше от Барберри. На Чарли были джинсы и мешковатый пуловер, да еще яркая куртка.

Сердце ее запрыгало, когда она разглядела широкую подъездную дорожку и группу зданий, приютившуюся в ложбинке ярдах в ста от них, между мшистыми берегами. Вот он, этот дом, совсем не такой, как на фотографии; вот кирпичный амбар и полуразвалившаяся деревянная водяная мельница.

Признаков жизни там почти не было. Темные окна. Вода, падая из запруды в шлюзовой пруд с кирпичными стенками, сначала сердито пенилась вокруг неподвижного колеса, а потом стремительным узким потоком проскальзывала по саду, под деревянным мостиком с резьбой, мимо амбара и еще дальше – на участок для выгула скота.

Чарли разволновалась, хотя дом оказался меньше, и его состояние было хуже, чем она представляла. Тени собирались на шероховатой крыше, когда ветер пробегал по деревьям, и казалось, что вытянутое в форме буквы «L» одноэтажное здание в любой момент может обрушиться на бункер с углем и на цистерну с нефтью, стоявшие позади дома в зарослях крапивы. Вдруг Чарли насторожилась.

Чего-то не хватало.

Она внимательно огляделась, то и дело замечая что-то новое. Ванночка для птиц, сарай, тачка, загончик для кур… Два вырванных с корнем дуба лежали, прислоненные друг к другу, на передней лужайке, и их ветви переплетались, словно тела сражавшихся и погибших динозавров.

Чарли сообразила, что ложбина была речной долиной, до того как река образовала это озерко. И если не считать газона, как будто бы даже подстриженного, все здесь было диким. Несколько кустов рододендрона, несколько беспорядочно разбросанных группок дикорастущих цветов, небольшой фруктовый сад…

Но чего-то не хватало.

Ее глаза притягивал аккуратный участок травы повыше берега, за амбаром, между идущим от мельницы каналом и леском. Подмышки у Чарли вспотели, она почувствовала головокружение и вцепилась в руку Тома.

– Ты в порядке? – спросил он.

Пряди волос щекотали ее щеки. Чирикала птичка.

Этот плеск волн на озере, эта вода, падающая с запруды, этот ветер в

деревьях, это безмолвие – все это будто прикасалось к чему-то в ней и волновало, словно обрывки старой мелодии…

– Чарли? Дорогая? – Том потряс ее за руку. – Эй, ты дома?

– Что-что? – Она очнулась и на мгновение почувствовала себя сбитой с толку. – Извини, я просто была… – Она улыбнулась. – Это замечательно.

– Ну, ты уж очень-то не надейся. Кто-то еще интересуется домом, да и нам самим, возможно, внутри не понравится.

– Быть такого не может!

Промчавшись по подъездной дорожке, Бен вприпрыжку побежал к заросшему травой берегу.

– Бен! – закричала Чарли.

– Да все нормально, в доме-то пусто.

– Почему бы нам не позвонить агенту и не сказать, что мы уже здесь?

– Давай-ка сначала пойдем и посмотрим.

Шлюзовые стенки глубокого и холодного пруда были покрыты липким илом. Грохот воды становился все громче и громче по мере того, как они брели вниз. Чарли ощутила на лице прохладные брызги.

– Этак нам все время будет хотеться пи-пи, – сказал Том.

Под украшенным резьбой мостиком текла чистая вода, и Чарли представила, как в теплые летние вечера они могли бы ужинать здесь вдвоем, у самого потока. В хорошую погоду можно привезти сюда маму. А если перестроить амбар, то в нем мог бы жить отец Тома. Если, конечно, они с Томом перестанут ненавидеть друг друга.

Вблизи дом казался больше. Детали фасада очаровывали. Стиль времен королевы Елизаветы, один край скошен, а другой – прямоугольный. Штукатурка на верхнем этаже крошилась, деревянные балки прогнили, кирпичная кладка на первом этаже лежала неровно. Окна были маленькими и все разной величины.

Хлопнула дверца автомобиля. Бен с лаем примчался обратно. Невысокий солидный мужчина с голубой папкой под мышкой торопливо прошел в калитку. Руки и ноги его были растопырены, как у пингвина. Он приостановился, чтобы похлопать по спине Бена, и был вознагражден за это грязными отпечатками на брюках. Вот мужчина уже перед Чарли и Томом – запыхавшийся, пухленький, энергичный человек в черных легких мокасинах, отполированных до блеска, со сверкающими авторучками в нагрудном кармане и лицом алебастрового цвета.

– Мистер и миссис Уитни? Виноват, очень виноват, что заставил вас ждать.

Агент слегка отклонился, и ветер приподнял пряди волос,

прикрывавших его плешивую макушку.

– Мы и сами немного опоздали, – сказал Том.

– О да, мудрено отыскать этот дом с первого раза. – На лацкане серого пиджака чопорно посверкивал значок изысканного ротарианского клуба. – Я Бадли, из конторы «Джонатан». – Мясистые пальцы резко потянули вниз руку Чарли, словно дергая дверной колокольчик. – Уезжаете из Лондона?

– Да.

– Знайте, подобные штуки попадают на рынок раз в десять лет.

– Окна выглядят плоховато, – сказал Том.

– Это отразилось в цене. Тут ведь мало что делалось последние годы. – Мистер Бадли покрутил на пальце кольцо с печаткой. – Датируется стародавними временами, едва ли не земельной описью 1086 года. Но, естественно, с тех пор кое-что добавлено.

Чарли внимательно посмотрела на мшистый берег, на ровный участок прополотой травы, на лесок, на радостно играющего Бена, потом на Тома, пытаясь прочитать выражение его лица, но оно было совершенно бесстрастно.

– Замечательное место для детишек, – добавил мистер Бадли.

Чарли перехватила взгляд Тома. Тот привязал Бена к скобе для очистки обуви у нижней ступеньки, и они поднялись по лестнице вслед за мистером Бадли к дубовой входной двери с потускневшим кольцом в виде львиной головы. Ветер трепал куртку Чарли. Она спросила:

– Долго ли дом пустует?

– Всего около девяти месяцев. Мисс Делвин умерла в конце прошлого лета, – ответил мистер Бадли.

– Здесь? – спросила Чарли. – В этом вот доме?

– О нет, не думаю.

– Мне всегда немного не по себе в доме, где кто-нибудь умер, – сказала Чарли.

– Вам, разумеется, известно, кем была Нэнси Делвин. – Мистер Бадли произнес ее имя с благоговейной почтительностью.

Чарли повторила имя и взглянула на Тома. Тот пожал плечами:

– Нет.

– Модельерша, – сказал мистер Бадли, заставив их почувствовать, как они его разочаровали. – В сороковых годах она была знаменита. – Он наклонился к ним и понизил голос: – Шила для королевской семьи. – Он дал им время проникнуться значительностью сообщенного, прежде чем указал на медную дверную табличку, поблескивавшую на солнце, с потемневшей от забившейся пыли загрязненной гравировкой. –

Оригинальная табличка по страховке от пожара 1711 года! Этот дом – прямо-таки живая история.

Он вставил ключ в замок и повернул так, словно открывал раковину с жемчугом. В маленьком холле пахло как в церкви. Справа и слева они увидели закрытые двери с железными засовами, впереди – какая-то узкая лесенка, справа от нее – темный коридор. На столе в прихожей, под покрытым рябью зеркалом, стоял бюстик с крылышками.

Мистер Бадли щелкнул выключателем. Послышался резкий металлический звук, но свет не вспыхнул. Потемневший от сажи абажур был прикреплен к таким низким брусьям потолка, что Чарли могла бы поменять лампочку, даже не поднимаясь на цыпочки.

– Главный выключатель, – сказал мистер Бадли. – Он все время барахлит. Коробка находится в подвале. Мы могли бы начать осмотр как раз оттуда.

Они прошли по коридору; звук шагов Тома, обутого в туфли с металлическими набойками, эхом отдавался от дощатого пола. Покрытые дубовой обшивкой стены нуждались в полировке и, казалось, источали недовольство пришедшими. Десятки крючков и гвоздиков для картин торчали из панельной обшивки. Мистер Бадли остановился у одной из дверей и, заметив выражение лица Чарли, сказал:

– Ценная живопись. Ее нельзя было оставлять в пустом доме – страховка. – Затем он открыл дверь, над которой шли толстые трубы. – Спуск здесь крутой, – предупредил он, включая крошечный фонарик.

Поежившись от сквозняка, Чарли шагнула вниз в кромешную мглу следом за мистером Бадли, запахло углем и сыростью. Он посветил фонариком на запыленный электрический счетчик, потом на металлическую коробку с большой рукояткой и ряд допотопных керамических пробок. Послышалось потрескивание, вспыхнули искры, и жиденький свет залил помещение.

Завизжав, Чарли вцепилась в Тома. Группа лысых, обнаженных манекенов взирала на них со своих подставок.

– Мисс Делвин часто работала здесь.

– Господи, как они меня напугали!

Чарли опасливо осмотрела подвал с кирпичным шероховатым полом, где стояли подставка для вина, деревянное инвалидное кресло на колесах и чугунный сейф. В отверстие дальней стены проглядывала чернота. Том повернулся к неподвижно глазевшим на них манекенам.

– Хорошо, дети, можете сесть.

Чарли принужденно захихикала.

– В рукоятку, – показал мистер Бадли, – встроено реле. Но по неизвестной причине цепь оказалась перегруженной.

– Выглядит весьма примитивно, – сказал Том.

– Тут понадобится новая проводка.

Площадка первого этажа освещалась двумя лампочками в форме свечек в позолоченном настенном канделябре. В узкой нише стояло кашпо с засохшим растением. Пол был слегка перекошен, как и выходящее в сад окно с ситцевыми занавесками. Вместе с деревянными балками и низким потолком все это создавало впечатление трюма старого корабля.

– Кто-нибудь проводил здесь обследование? – спросил Том.

– Нет. Пока что нет, – ответил мистер Бадли, – но я не вижу в этом нужды. Подобные дома могут слегка накрениться, но они прочны, как скала. Я бы предпочел находиться здесь, когда упадет атомная бомба, чем в любом современном доме из наших списков.

Спальня напомнила Чарли загородную гостиницу: деревянные оштукатуренные стены и гигантская дубовая кровать с резьбой, покрытая припорошенным сажей стеганым покрывалом пергаментного цвета. Еще здесь стояли кленовый гардероб, под стать ему туалетный столик с серебряной щеткой для волос, гребнем и хрустальными бутылочками, на всех предметах толстым слоем лежала пыль. Сквозь застоявшийся запах ветхой материи пробивался слабый аромат мускусных духов.

– Восточная сторона, – сказал мистер Бадли. – В этой комнате по утрам светит солнце.

– Здесь много места, – сказала Чарли. – Можно встроить несколько компактных стенных шкафов. И вообще мне здесь нравится, в этой комнате.

Из окна открывался потрясающий вид на озеро.

– Эту мебель увезут? – спросил Том.

Мистер Бадли кивнул:

– Но если вас что-то заинтересует, цену можно обсудить.

Позади них была крошечная дверца, проходя через которую даже мистеру Бадли пришлось пригнуться.

– Пристроенная ванная – одна из особенностей дома, – отметил он. – Превосходный вкус, именно то, чего можно ожидать от женщины, подобной Нэнси Делвин.

В ванной с золочеными кранами преобладал ядовито-розовый цвет, отвратительно пахло карболкой и плесенью.

– Здесь стенной сушильный шкаф и уборная. А это самая маленькая комната для гостей, из нее может получиться превосходная детская, –

продолжал мистер Бадли, шагая впереди. – Зато эта комната куда больше. Это – рабочая комната мисс Делвин. Подумать только, она могла шить одежду для королевской семьи именно здесь, в этой вот…

Голос мистера Бадли оборвался. Его взгляд некоторое время метался вокруг – по подножке швейной машины, по ее поверхности, накрытой обрезками материи, по кусочкам мела и выкройке, придавленной большими ножницами, по столу с блокнотом для эскизов и вазой, полной цветных карандашей. На груди одного из портняжных манекенов Чарли прочла по трафарету надпись «Стокман 12», другой был частично прикрыт лохмотьями черной тафты. Стены украшали беспорядочно пришпиленные эскизы. Рекламный плакат с изображением уткнувшейся в горжетку натурщицы в шляпе, белых перчатках и элегантном платье сообщал, что эта дама – «ИЗБРАННИЦА МОДЫ».

На крюке, свисающем с потолка, слегка покачивалась стопка коричневых бумажных выкроек. В комнате стоял холод, ледяной холод. Чарли поплотнее запахнула куртку.

– Здесь можно устроить отличный кабинет, Том, – сказала она и подошла к окну. Ее глаза притягивал аккуратный участок травы на берегу позади амбара. – Не было ли здесь конюшен, мистер Бадли?

– Конюшен? – переспросил мистер Бадли. – Нет, я… я не думаю. Вы, разумеется, можете их построить. – Он поспешно увел их из комнаты.

Кухня была когда-то выполнена в кремово-желтых цветах. Под потолком, неровно окрашенным охрой с никотиновым оттенком, висел абажур с налипшими на нем дохлыми мухами. Была там и плита. Почерневшая и допотопная, в уродливо отделанной кафелем нише, но как-никак плита.

– Здесь приятно позавтракать, – сказал мистер Бадли.

В кухне имелась также глубокая эмалевая раковина, деревянная сушильная стойка и унылого вида стенные шкафы. Чарли понравилось, что пол кирпичный. С потолка на блоке, оборудованном целой системой шнуров, свешивалась вешалка из перекладинок; на нее было наброшено истертое посудное полотенце. Когда Чарли потянула за шнур, раздался скрип, и вешалка угрожающе закачалась.

– Это позволит вам не вывешивать белье на улице в плохую погоду, – прокомментировал мистер Бадли.

– Было бы мило, если бы мы оставили что-нибудь из старых вещей, не так ли, Том? Сделать из них этакую изюминку.

– Сохранить вообще весь дом, как он есть, и сэкономить таким образом состояние. – Том подмигнул мистеру Бадли и высморкался.

– Да, это возможно, – согласился мистер Бадли. – В самом деле возможно. – С усталым видом он распахнул дверь в столовую. – Владелец мельницы был важной персоной в здешних краях, что отразилось на размерах этой комнаты.

В столовой, оказавшейся просторнее, чем ожидала Чарли, стоял длинный обеденный стол с десятью креслами; впрочем, здесь можно было разместить и больше. Стены с балками сохранили следы штукатурки, как их и предупреждали. У камина была устроена ниша с письменным столом на двух тумбах и креслом. В такую вот комнату неплохо приглашать приятелей на обед. Чарли представила гостей за столом, треск дров в камине… Они пересекли прихожую.

– Гостиная, – объявил мистер Бадли. Возбуждение, казалось, покинуло его.

Следующая комната, главной достопримечательностью которой был камин, когда-то была, видимо, просто замечательной. Светлые шторы, закрывавшие доходящие до самого пола окна в дальнем конце комнаты, рассеивали солнечный свет, и щедрые теплые отблески маскировали сажу и поблекшие краски. Здесь стояли диван персикового цвета с подушками в форме раковин и несколько кресел под стать дивану, а также застекленный шкафчик, будто явившийся сюда из каюты какого-нибудь океанского лайнера, дополняла убранство изящная хромированная стойка для журналов.

Очень странное было у Чарли чувство, когда она шла по гостиной, – чувство узнавания, и, когда она отдернула штору на высоком окне, ей показалось, что когда-то она уже видела эту картину: берег с колеблющейся на ветру травой и с гнедой лошадью на выгуле позади деревянной изгороди. Чувство, казалось, прошло, но осталась растерянность, повергшая Чарли в задумчивость…

А мистер Бадли изучал свои часы.

– Я… хм… меня дожидаются клиенты в другом поместье. Не сочтете ли вы меня бестактным, если я оставлю вас осматривать земельный участок одних? Или вы хотели бы снова пройтись по дому?

Том посмотрел на Чарли и повернулся к агенту.

– Так в какой же сумме вы заинтересованы? Вы упоминали, что кто-то еще, возможно, сделает предложение на этой неделе, не так ли?

Мистер Бадли быстро оглянулся через плечо, словно опасаясь, что за ним шпионят.

– Между нами говоря, я полагаю, что сумма в двести тридцать тысяч фунтов стерлингов оправдала бы продажу этого дома.

– Здесь все надо приводить в порядок, – сказал Том.

– О да! Никто и не спорит. – Мистер Бадли поднял руки. – Но когда ремонт закончится, дом будет стоить четыреста или даже пятьсот тысяч как минимум, с учетом потенциала развития, а потенциал тут большой. Да и где вы отыщете подобное тихое имение, да еще так близко от Лондона? Это же очень низкая цена. Будь мы с женой помоложе, купили бы этот дом без колебаний. Часто ли выпадает шанс купить красоту?

Его глаза снова нервно заметались.

– Я позвоню вам завтра, – сказал Том.

– Вы должны принять правильное решение. Я уверен, что вы из тех людей, которые принимают правильные решения.

Они спустились вслед за агентом по ступенькам, и Чарли прижала к себе Бена, когда мистер Бадли поспешил прочь по подъездной дорожке.

Том выпятил живот и прикрыл рот рукой.

– Нэнси Делвин жила здесь! – сказал он, передразнивая мистера Бадли.

– Бог мой, в самом деле? – подыграла ему Чарли.

– И вы никогда не слыхали о ней?

– Нет.

Чарли отпустила Бена. Он понесся к потоку. Одна из ворон слетела с дерева вниз и устремилась в качестве сопровождения над ним.

– Но ты же привыкла торговать лохмотьями.

– Потому-то я и не думаю, что она была так уж знаменита.

– Ладно, – сказал Том, – как ты считаешь?

– Я считаю, что мистер Бадли – неприятная личность.

– Не представляю, как он разделается с этим домом.

– Это же развалина, – поддержала его Чарли, помолчав.

– Так нам и нужна развалина!

– Тебе это нравится? – спросила она.

– Я уже успел полюбить его! Это совершенно замечательное место. Я хочу жить здесь!

– Я тоже этого хочу. Только вот…

– Только что?

– Я не знаю, как мы будем жить здесь… совсем одни…

– Господи, да здесь куда безопаснее, чем в центре Лондона!

– Наверное, я привыкну к этому, – сказала она.

– Такое место – потрясающее приобретение. Если вдруг оно нам разонравится, через год-другой продадим его с выгодой. Но мы его полюбим. – Том хлопнул в ладоши. – Это как раз то, что нам нужно.

– Да… – неуверенно согласилась Чарли.

Какая-то тень спорхнула на землю прямо перед ней. На мгновение Чарли подумала о вороне, но тут же услышала крик Тома: он прыгнул к жене и резко оттолкнул ее. На земле, рядом с ней, что-то затрещало, словно разламывался упавший стол, и боль обожгла ее ногу.

Побелев от страха, она обернулась. Большой кусок черепицы, разлетевшийся, словно оконное стекло, лежал на том месте, где она только что стояла. Кровь шла из раны на ноге, просачиваясь сквозь разорванные джинсы, и стекала к лодыжке. Том вцепился в ее запястье и быстро поволок от дома, на середину подъездной дорожки.

– С тобой все в порядке? – спросил он, выдергивая из кармана носовой платок и опускаясь на колени.

Чарли взглянула на крышу, на кусок черепицы, и ее сердце бешено заколотилось. Когда Том прижал носовой платок к ране, она поморщилась от боли.

– Тебя могло убить, – сказал он. – Господи, если бы это только попало в тебя…

Молча кивнув, она снова пристально посмотрела вверх.

– Это просто ветер, – сказала она.

Еще одна тень зигзагом ринулась к ней, и Чарли резко отступила. Но это был воробей, слетевший вниз.

4

Чарли открыла дверь кабинки и вынесла оттуда две теплые баночки. Том с пылающими щеками смущенно следовал за ней.

Люди, сидевшие в низких креслах из искусственной кожи, смотрели поверх своих журналов и шепотом переговаривались. Семейные парочки, мужья и жены, двадцатилетние, тридцати- и даже сорокалетние, с нервными, обеспокоенными или удрученными лицами, вцепившиеся в пустые банки, дожидающиеся своей очереди, и все – полные надежд.

Пройдя по застеленному ковром коридору, Чарли постучала в дверь с надписью «Лаборатория».

– Войдите.

На лацкане халата молодой, лет двадцати шести, женщины, что-то записывавшей в блокнот, значилось имя – «доктор Стентон». У нее были короткие светлые волосы и весьма приветливый вид. Чарли передала ей банки.

– Ну что ж, выглядит весьма неплохо, – сказала доктор громовым голосом. – Вам удалось разделить семяизвержение?

Том смущенно кивнул. Ненавидя все это, он заехал сюда сегодня, с неохотой повинуясь чувству долга, подобное тому, что заставляет принять участие в похоронах какого-нибудь дальнего родственника.

Доктор Стентон наклонила одну из банок, чтобы серая жидкость скользнула по краю.

– Вы направили сюда первую же струю? – спросила она.

– Я боюсь, что часть этого… – Чарли покраснела, – пролилась.

Прищурясь, доктор Стентон рассматривала банку.

– Ну, черт возьми, не беспокойтесь. Здесь достаточно, чтобы оплодотворить половину Англии. – Она оценивающе посмотрела на Тома. – Разумеется, если с этим будет все в порядке. А так весьма неплохо, присаживайтесь.

Они сели. Доктор же тем временем отправилась в другую комнату. Зазвонил телефон, издал три последовательные трели и замолчал. Серо-красный кабинет был пустым, видимо специально. На стене висел диплом, заключенный в рамку.

– У тебя сегодня ретрогипноз? – спросил Том.

– Да. – Чарли увидела, как он усмехнулся. – Лаура… – начала было она.

Том поднял брови:

– Что Лаура?

– Она знакома с женщиной, у которой были проблемы с зачатием. Та обращалась к ретрогипнотизеру и выяснила, что в одной из предыдущих жизней ее дети виделись ей убитыми. Вскоре после этого она забеременела.

– Бред какой!

– Попытка – не пытка.

Том достал блокнот и стал изучать записи.

Некоторое время они сидели молча.

– А насчет дома как ты настроен, Том?

– Положительно. А ты?

– Мне он тоже нравится, но его уединенное расположение меня все же беспокоит.

– А я думаю, это замечательно. Мир и покой! Кто сейчас жаждет соседей?

Она неуверенно посмотрела на него.

– Слушай, – сказал Том, – когда у нас появится еще один шанс. Давай, по крайней мере, согласимся на Элмвуд.

– Хорошо.

Вернулась доктор Стентон и села напротив них.

– Ну, это все улетучилось. Около сорока миллионов единиц. Возможно, короткие трусики помогут.

– Я… – Том заскрежетал зубами. – Я до сих пор окунаю их в холодную воду каждый день.

– По всей вероятности, это тоже помогает. Возможно, вы и забеременеете при таком составе спермы. У вас открыта только одна труба, миссис Уитни, это не очень-то хорошо, но шанс есть. Если вы пожелаете снова попробовать искусственное осеменение, мы будем весьма рады его проделать, хотя все заказы до ноября у нас исчерпаны. Я сообщу вашему врачу, – продолжала она. – Уверяю вас, если бы существовала панацея, я бы ее вам предложила. Желаю удачи.

Они спустились вниз на изящном лифте с плюшевой обивкой и ковром на полу.

– Это воодушевляет?!

– По крайней мере, твои-то показатели возросли. – Она взяла его руку и стиснула ее. – У меня отличное настроение. Этот дом. Я уверена, что он мне понравится. Ты позвонишь агенту?

– Да, – огрызнулся он, выдернул руку и засунул в карман куртки. – Я же сказал, что позвоню.

– Если хочешь, я позвоню сама.

– Я ведь сказал! – Он сгорбился и прислонился к стене лифта, словно капризный ребенок. – Я теперь не так уверен насчет дома.

– Почему? Несколько минут назад ты уверял, что это наш шанс.

– Ко мне каждый день являются люди, которые поменяли дом, потому что полагали, будто это спасет их брак.

– Как тебя понимать?

Он промолчал, и она пожала плечами, жалея, что произнесла вопрос вслух, потому что отлично знала, как это надо понимать.

5

Мотор хрипло заревел, когда машина увеличила скорость. Черный капот холодно сверкал в лунном свете хромированным радиатором. Дважды прогрохотала выхлопная труба, когда он переключил передачи, после чего звук мотора выровнялся. Посверкивали тусклые белые огни приборов, и тоненькая игла спидометра резкими толчками металась между цифрами шестьдесят и семьдесят пять. Волнующий трепет от этой скорости, этой ночи возбуждал ее. Ее охватило чувство неуязвимости, когда машина пронеслась мимо ряда деревьев, разделяющих поля, и фары высветили застывший мир света и теней.

Это походило на фильм, и, однако, происходило в реальности, и она была ее частью. Она чувствовала вибрацию автомобиля, ледяной холод ветра, бросавшего ей в лицо ее собственные волосы, видела стальные точки звезд над головой и ощущала ночной запах мокрой травы, стоявший в воздухе.

Она словно боялась, что раздастся щелчок, этот аттракцион прервется, и ей придется опускать еще один пенс в щелку. Она жевала резинку, запах которой уже улетучился, но она все жевала… потому что ведь это он предложил ей ее… потому что девушка в кинофильме, который они только что видели, тоже жевала резинку… потому что…

– *Кто с вами в машине?*

Этот голос явно принадлежал американке, возникая откуда-то издалека и из иного времени.

Звук мотора снова изменился, потому что дорога пошла вниз, затем вверх. Деревья, телеграфные столбы, дорожные знаки проносились мимо. Он резко затормозил. Автомобиль завихлял змеей, взвыв покрышками, когда они круто свернули влево. Она вцепилась в ручку дверцы, потом расслабилась от вновь набранной скорости и откинулась назад, утонув в сиденье. Казалось, и ее тело, и автомобиль, и дорога, и ночь слились воедино. Под ложечкой у нее щемило, и она не могла сдержать улыбки. В смущении она отвернулась, не желая, чтобы он видел это; ей хотелось сохранить свое волнение в тайне. Его рука оторвалась от руля и стиснула ее бедро. Глубоко внутри себя она почувствовала влажность.

Сегодня ночью. Это случится сегодня ночью.

Его рука поднялась, и послышался скрипучий треск от переключения передачи. Потом рука вернулась обратно, более дерзкая, и начала задирать

ее юбку, пока она не ощутила холодные пальцы на своей обнаженной плоти повыше чулок.

– Ох, – вздохнула она, прикидываясь ошеломленной и слегка увиливая, потому что чувствовала необходимость ответа и не желала выглядеть слишком страстной.

Сегодня ночью она была готова.

– Вам известно его имя? Вы можете назвать его имя? Вы можете назвать мне ваше имя?

С визжащими тормозами они повторили изгиб дороги, перешедшей затем в длинную прямую линию, простиравшуюся вперед и блестевшую, словно темная вода канала. Мотор работал на пределе, и казалось, громкое протестующее завывание доносилось иногда откуда-то из-под нее. Тем временем его пальцы скользили по ее влажности, с неохотой отрываясь, когда ему приходилось класть обе руки на руль. После глухого стука переключения передач гул мотора смягчился. Нервный трепет внутри нее усилился, высвобождая животный инстинкт, внешне проявлявшийся как беззаботная развязность.

Его рука снова вернулась, и один палец пробирался все глубже, и, вдавливаясь в кожаное сиденье, она раздвинула ноги, чтобы дать ему больше пространства. Волосы, попадавшие в глаза, слепили ее. Она наклонила голову и откинула их назад.

– Где вы? Вы знаете, где вы находитесь?

Палец выскользнул, они опять повернули, и ее ткнуло в грубый твид его куртки. Покрышки завизжали как поросята, а потом дорога выпрямилась, и ей захотелось, чтобы его рука снова вернулась. Она была опьянена возникшей в ней энергией желания. Змеей просочились они в очередной поворот и теперь почти летели. Лучи фар выхватили сидящего на дороге кролика, и машина с глухим стуком проехала по нему.

– Остановись, пожалуйста, остановись.

– Что с тобой?

– Ты наехал на кролика.

– Не будь глупой курицей! – закричал он.

– Пожалуйста. Ему, наверное, больно. – Она представила валяющегося на дороге кролика: голова бьется в судорогах, лапы и спина вдавлены в гудрон шоссе, а шерсть в крови. – Ну пожалуйста, остановись.

Он нажал на тормоза, и ее качнуло вперед так, что руки, ища опоры, уперлись в приборный щиток. Когда они развернулись в обратную сторону, она уставилась на черную дорожку позади, но ничего не могла разглядеть.

– Да это был просто камень, – сказал он. – Всего лишь камень. Не

наезжали мы ни на какого кролика.

– Я рада, – сказала она.

Он повернулся к ней, поцеловал, его рука, скользнув по бедру, проникла внутрь, раздвигая ее ноги и открывая всю ее. Она ощущала запах паленой резины, кожи, слышала рокот выхлопной трубы, чувствовала, как твидовая материя его рукава щекочет ей лицо. Их губы сомкнулись, языки жадно переплелись, и резиновый шарик жевательной резинки стал кататься во рту по кругу. Она отклонила голову и пальцами выдернула резинку изо рта. Когда их губы снова слились, она дотянулась правой рукой до окна и пошарила в поисках ручки. А его палец проник еще глубже, и она тихо застонала. Тем временем ее рука нашла приборную доску, потом ящичек бардачка, под который она, с глаз подальше, прилепила жевательную резинку.

От двигавшегося вверх-вниз пальца по телу прокатывалась волна удовольствия. Ее левая рука, покоившаяся на фланелевой ткани его брюк, проскользнула внутрь и стиснула взбугрившуюся твердость. Нащупав металлическую петельку «молнии» на брюках, она потянула за нее, потом дернула, и «молния» открылась. Внутри она почувствовала мягкий хлопок, что-то влажное, а потом его напрягшуюся плоть, большую, огромную, более гладкую, чем она могла себе представить. Она просунула большой палец через верх трусов, а указательным пальцем провела вдоль слизистой прорези.

Он выдохнул воздух ей в шею и перекатился на нее, одновременно стягивая с нее трусики. Она приподнялась, помогая ему, и услышала, как расстегнулась пряжка ее пояса. Чулки… Нет, некогда.

Его руки скользнули вверх по обнаженной коже, под лифчик, грубовато приласкали грудь, потом скользнули по ребрам и начали с силой проталкивать жесткий бугор внутрь нее. Он был слишком большим для нее, и она испугалась, что он вот-вот разорвет ее пополам, но он входил все глубже, укрепляясь в ней, вонзаясь вверх. Ее живот сильно вибрировал.

Ох. Ох. Ох. Она тяжело дышала. Ох. Как хорошо. Как хорошо. Она тянула его за плечи, касалась лица, волос, дергала за уши, чувствуя, что он все дальше и дальше проникает внутрь, работая как насос. Миллион насосов работали внутри нее.

Она закричала. Потом еще раз. В ней взорвался вой дикого экстаза, огласивший ночь. А потом – тишина. Она увидела близко смотрящие на нее глаза, улыбающиеся ей губы. Хотя вообще-то это были не его губы. Это была какая-то женщина, смотревшая на нее сверху.

– Чарли? С тобой все нормально?

Голос с мягким американским акцентом.

– Ты в порядке? Здорово отключилась, да?

Чарли ничего не ответила. Все ее тело горело от волнения, и пот струйками стекал по волосам.

Обрамленное копной рыжих волос, лицо американки было большим, как вся она, и покрыто густым слоем косметики. Из ее ушей свешивались гроздья серебристых шариков величиной с хорошую елочную игрушку. Она ободряюще улыбнулась:

– С кем ты была, Чарли? С кем ты была? *Что ты делала?*

– Я… – Во рту Чарли был какой-то мятный привкус. – Я резинку жевала.

Она лежала на кровати. В бумажном абажуре над ее головой горела красная лампочка. До Чарли доносились слабые звуки музыкального инструмента, напоминающего цитру. Язык американки извивался в ее напомаженных губах, словно тычинка розы. Флавия. Теперь Чарли вспомнила ее имя. Флавия Монтессоре. Она внимательно осмотрелась. Гобелены на стенах. Книжные полки. Скульптуры. Довольно большая, богато украшенная комната в восточном стиле.

– Ты занималась любовью, точно? – спросила Флавия Монтессоре.

Чарли поколебалась, а потом кивнула.

– Фантастика! – Лицо Флавии просияло. – Знаешь, у меня с тобой первый оргазм за всю жизнь!

Руки Чарли лежали под одеялом, накрывавшем ее. Она чувствовала, что на ней все еще надето нижнее белье.

– Да не смотри ты так озабоченно, – сказала Флавия Монтессоре. – Ты хорошо провела время. Путешествие в прошлую жизнь – штука забавная.

– Я… у меня раньше никогда не было эротических снов.

Флавия Монтессоре покачала головой, и ее серьги нестройно зазвенели.

– Это не сон, Чарли, все происходило на самом деле. – У нее были зеленые глаза, обведенные ярко-зелеными тенями, и зеленые ногти. – Ты ушла в прошлое. Ты была там, заново переживая его. Это было на самом деле.

– Это просто сон.

– Нет, ты была в глубоком трансе, Чарли. Ты не спала. Ты заново переживала что-то из прошлой жизни. Расскажи-ка мне, а заодно и сама вспомнишь. Где ты была?

– В какой-то машине.

– Что за машина, какого типа?

– Спортивная машина.

– В какое время? Двадцатые?

– Нет, попозже.

– Марку машины знаешь?

– Так я же была все это время внутри нее.

– А где ты была? В какой стране?

– В Англии, – неохотно ответила она. – Где-то в сельской местности.

– Ты можешь припомнить свое имя?

– Нет.

– А имя человека, с которым ты занималась любовью?

– Не знаю.

– Ты жевала жвачку. Какой аромат у нее был?

– Это была «Риглис Даблминт». До сих пор я ощущаю ее вкус. Я вытащила ее изо рта и прилепила под дверцу бардачка.

– И сколько же тебе было лет?

– Не много. Меньше двадцати.

– Когда-нибудь раньше уходила в прошлое?

– Нет.

– Да, ты хороший объект. Думаю, ты многое припомнишь, если мы как следует с тобой поработаем. Когда зимой я вернусь из Штатов, мне бы хотелось с тобой встретиться.

– А я считала, что прошлые жизни были сотни лет назад, уж никак не в этом веке, – заметила Чарли.

На сережках Флавии Монтессоре плясали яркие блестки.

– Здесь нет правил, Чарли. У некоторых людей разрывы между жизнями доходят до сотен лет, у других – до тысяч. А у некоторых в распоряжении всего несколько лет; есть и такие, которые возвращаются немедленно. Все зависит от твоей кармы.

Флавия снова улыбнулась. Чарли было трудно воспринимать слова американки всерьез, потому что она всегда относилась к идее перевоплощения с сомнением, несмотря на энтузиазм Лауры. Лицо этой женщины-гипнотизера с густым гримом напомнило ей о приморской предсказательнице судеб. Но Чарли не оставляло ощущение, что ее просто дурачат.

6

– Вот это подойдет.

Чарли развернула прямоугольный кусок шелковой материи, демонстрируя весь рисунок, а потом обернула его вокруг плеч женщины. Держа этот кусок за уголки, как грязный мешок, та внимательно разглядывала себя в зеркале. Лицо ее вытянулось, под стать длинным волосам. Чарли подмигнула Лауре, но та предостерегла хмурым взглядом.

– Корнелия Джеймс? – Женщина посмотрела на уголок бумаги, ища там подпись.

– Разумеется, мадам, – ответила Чарли.

– По-моему, цвет очень идет мне, вы-то как считаете?

– Исключительно. А с шарфом эффект двойной. – Чарли сняла шарф жестом фокусника. – Без него это обычное дневное платье. – Она снова обернула женщину шарфом, прилаживая его поэффектнее. – А с ним вы одеты изысканно. Превосходно для вечера с коктейлями или для театра. А в жару вам будет в нем прохладно.

– Вы считаете, что голубой в самом деле мой цвет?

Чарли сделала около нее ритуальный круг, словно индеец вокруг тотемного шеста.

– Он определенно вам идет. Вашему мужу понравится.

– Моему приятелю, – уточнила женщина.

– Ему тоже.

Расплатившись карточкой платинового цвета, такого же, как ее волосы, женщина выпорхнула на Уолтон-стрит, в мелкий дождичек. На ее дергающихся, как на веревочках, бедрах красовалась эмблема магазинчика Лауры, которая терлась о крокодиловую чешую сумочки от фирмы «Шанель». Лаура закрыла за ней дверь и по привычке отбросила с лица воображаемые волосы: все еще не привыкла к короткой прическе. Она была по-своему привлекательна, стройная, с мальчишескими чертами лица, и остриженные каштановые волосы еще более усиливали ее сходство с представителями сильного пола, дополняли ее образ. За ее спиной, на сквозняке, раскачивался стеллаж с холщовыми куртками. Выставленные в магазине летние модели выглядели яркими, но не внушающими энтузиазма на фоне неутихающего июньского дождя.

Чарли обрезала полоску с края карточки «Американ экспресс».

– Леди Антони Хьюэр-Уолш, дорогая моя, ни больше ни меньше, –

сказала она. – Ну и коровища.

– Она хороший клиент, – почти холодно ответила Лаура.

Чарли заметила, что в последнее время чувство юмора практически оставило Лауру. Обычно она обращалась с покупателями, которые ей не нравились, куда грубее, чем Чарли, что было вполне понятно, ведь ей приходилось выносить их шесть дней в неделю, тогда как Чарли просто нравилось помогать подруге в магазинчике, это было для нее развлечением, чем-то вроде хобби.

Из шума на улице выделился гудок. Кто-то под красным зонтиком заглянул внутрь магазинчика через окно и поспешил дальше. Из радиоприемника лился страстный голос Эллы Фицджеральд, не гармонирующий с сегодняшним тусклым днем, по мнению Чарли.

– Твое возвращение в прошлое, Чарли, не было сном. Никоим образом. Это определенно была твоя неизвестная прошлая жизнь.

– Все было чертовски волнующе, вот что я тебе скажу. Хотя это всего лишь нечто эротическое. – Чарли открыла учетную книгу продаж и одним движением пролистнула ее на несколько страниц назад. – Э, да у тебя неплохая парочка недель. Возможно, ты и выкарабкалась из кризиса.

– Флавия Монтессоре – знаменитость, и, по слухам, она возвращала в прошлое Нэнси Рейган. Вообще она одна из ведущих гипнотизеров в мире и специалист по возвращению в прошлое.

– А как ты отличаешь прошлую жизнь ото сна? – Уличное движение уползло от их окон. Прошла смотрительница тюрьмы с сумкой. – Почему бы не сказать, что в одной из жизней ты была крестоносцем? Может, это история, которую ты читала в детстве, а потом забыла?

– Да потому, что это слишком реально. Некоторые детали я никак не могла извлечь из школьного учебника. – Лаура принялась выравнивать стопку одежды, перемерянную леди Антони Хьюэр-Уолш. – Я знаю людей, которые под гипнозом говорят на языках, которых никогда не изучали.

– И трахаются с людьми, которых никогда не знали?

Лаура повесила на сосновую вешалку очередную юбку.

– Я никогда прежде не подвергалась ретрогипнозу.

Она накинула на крючок еще какую-то одежду.

– Я вообще не была в прошлом, – сказала Чарли.

– Ты же говорила, что была в старом автомобиле.

– Не таком уж и старом, в послевоенном.

Лаура помолчала.

– Витрина не годится. Думаю, нам следует поменять ее. – Она повесила юбку на стеллаж. – Ты ведь не много знаешь о своем прошлом, не

так ли? Тебе ничего не известно о настоящих родителях, об их предках, да?

– Моя настоящая мать умерла при родах, – сказала Чарли, вспоминая, что эта мысль всегда ее беспокоила.

– А как умер твой настоящий отец?

– Он умер от разбитого сердца.

– *Что-что?*

– Так мне всегда говорила моя приемная мать, – защищаясь, сказала Чарли.

– Разве мужчины умирают от разбитого сердца?

– Умирают. – В детстве такое объяснение выглядело вполне убедительно, однако насмешка на лице Лауры заставила ее вдруг засомневаться, и ей захотелось изменить тему разговора. – А знаешь, что я думаю о штучках с возвращением в прошлое? Это какой-то пошлый сон – только и всего. Мы с Томом и спали-то всего один раз за последние пару месяцев, после того как вернулись с первого осмотра дома. Подобные вещи ведь происходят во сне?

– А чего надеется достичь специалист по иглоукалыванию, налагая на тебя обет безбрачия?

– Она пытается отрегулировать равновесие в теле, чтобы я стала более восприимчивой. Не смейся, Лаура. Ты же сама предложила мне иглоукалывание.

– У них порой бывают странные идеи. Хочешь немного кофе?

– Мне вообще его нельзя. Это тоже штучка иглоукалывателя.

– А чай?

– Тоже ни-ни. У тебя есть сок?

– Может, «Аква либра»?

– С удовольствием. А ты когда-нибудь слыхала о модельерше по имени Нэнси Делвин?

– Нэнси Делвин? Вроде что-то знакомое, а в чем дело?

– Она жила в Элмвуд-Милле?

– В Элмвуд-Милле? О, в этом доме, ну да! Что-нибудь новенькое о нем есть?

– На этой неделе мы должны кое-что предпринять, и если все будет нормально, то потом обменяемся на Элмвуд.

– Волнуешься?

– Да уж.

– По тебе и не скажешь.

– Нет, волнуюсь. Ведь это… большая перемена.

– А я люблю сельскую жизнь. Если бы не это мое заведение, я бы

переехала в деревню.

Она прошла в маленькую комнату в задней части магазина и спустя несколько минут появилась оттуда с кружкой кофе и со стаканом сока. Стакан она передала Чарли, а сама принялась размешивать кофе.

– Флавия Монтессоре беспокоится о тебе, – сказала Лаура. – Она звонила сегодня утром, перед тем как уехать в аэропорт. Вообще-то я не знаю, стоит говорить тебе или нет…

– Что ты хочешь сказать, почему она беспокоится?

– Сама не знаю. Она говорила что-то не очень определенное, сказала, что уловила какие-то плохие вибрации.

– В связи с чем? – спросила Чарли, внезапно встревожившись.

– Она считает, что после возвращения ей следует позаниматься с тобой ретрогипнозом.

– Все это выглядит как откровенное жульничество.

– Нет, она не из таких. Она возвращает в прошлое только тех людей, у которых, по ее мнению, были прошлые жизни.

Чарли улыбнулась:

– Единственный способ продать платье – это в самом деле поверить, что оно кому-либо идет, ведь так?

Улыбка скрывала ее беспокойство, как обои – трещину в стене. Она подошла к окну. Мимо нее, снаружи, проходили фигуры, размытые скользившим по стеклу дождем. Размытые, как ее прошлое.

Это ее беспокойство началось, когда она проснулась в постели у Флавии Монтессоре. Оно оставалось в ней в течение ночи и весь сегодняшний день, словно глубоко внутри нее взбаламутился какой-то осадок и никак не мог улечься.

7

Чарли поменяла цветы в вазе в комнате своей приемной матери, – единственное, что она могла для нее сейчас сделать и делала каждую неделю.

Стряхнув воду со стебельков гвоздик, она выбросила их в мусорное ведро. Из окна, в которое струился солнечный свет, делавший воздух комнаты жарким, удушливым, открывался вид на парк, вид, которого мать никогда не замечала и, похоже, не расположена была замечать вообще. Тем не менее Чарли платила за него частной лечебнице дополнительно.

Седовласая женщина молча лежала в постели, отказываясь покидать ее. Моргание ее глаз примерно каждые полминуты оставалось единственным признаком жизни.

– Твои любимые цветы, мама. Они выглядят очаровательно, ведь правда?

Приподняв розы, Чарли коснулась холодной щеки матери тыльной стороной ладони. Глазная мышца на лице пожилой женщины слабо дернулась. Несколько месяцев назад мать еще могла выговаривать наборы бессвязных слов, но теперь поражение центральной нервной системы отняло у нее даже такую возможность.

Некоторые вещи матери находились в этой небольшой комнате. Два кресла из квартиры, комод и никогда не включавшийся телевизор. На тумбочке у кровати стояли фотографии в рамках: на одной из них была Чарли, в первый раз принимавшая ванну, Чарли с обезьянкой на набережной Брайтона, Чарли в свадебном платье, улыбающаяся во весь рот, а еще подавленный Том в утреннем костюме. Сильные ароматы дезинфицирующего средства и свежего белья не могли заглушить слабый запах мочи.

Чарли поднесла розы прямо к носу матери. Их запах принес Чарли воспоминания о детстве, когда приемный отец подрезал розовые кусты в саду. Потом вспомнилась отцовская оранжерея: отец срывает спелый помидор и дает ей. Она впивается в него зубами, и сок бьет струей по отцовской рубашке, зерна падают на ее платье, и оба они хохочут.

Отец умер от рака, когда ей было семь лет. Лучше всего Чарли помнила его глаза, большие прозрачные глаза, всегда смотревшие на нее так ласково, глаза, которым она полностью доверяла. Когда он лежал при смерти, они одни оставались живыми во всем его высохшем до костей теле,

а теперь вот смотрели из рамки около кровати.

Казалось, тоска так и сочилась из этой хрупкой женщины, много лет трудившейся изо всех сил, присматривая за Чарли, чтобы за все свои усилия получить в награду паралич. Накопленные деньги ушли на лечение отца, и после его смерти они переехали из собственного дома на квартиру. Чарли теперь ложилась спать под стрекот швейной машинки в гостиной: мать зарабатывала на жизнь, делая на дому мягкие игрушки для компании «Уотлтхэм-стоу». А по праздникам мать получала кое-что дополнительно, упаковывая для той же самой компании банты для волос в пластиковые мешки. Дважды в неделю к ним заезжал белый фургончик, привозивший работу и забиравший сделанное. По расписанию фургончика двигалась и их жизнь.

После того как мать взяли в эту частную лечебницу, Чарли поехала убрать квартиру в Стритхэме. Под шум уличного движения и вопли ребенка с верхнего этажа она рылась в ящиках комода, вытаскивая то колготки, слегка пахнувшие духами, то жестяную коробку из-под сигарет «Дю Маурьер», полную шпилек, то какой-нибудь коричневый пакет, набитый давней любовной перепиской ее приемных родителей. Она искала хотя бы газетную вырезку с извещением о смерти… Но не нашла ничего.

Темно-красные и белые лепестки роз, которые Чарли поставила в вазу, напоминали атлас.

– Они прекрасны, мама, ведь правда? – Дочь крепко стиснула слабую, костлявую руку матери, пытаясь отыскать в ней хоть немного теплоты.

Чарли захотелось опять, как когда-то, уютно устроиться на этих руках. Жизнь выглядит унылой, ограниченной и бесцельной, когда можно уложить все имущество одного человека в чемодан, сундучок или ящик. Кажется, что туда можно без труда упаковать и целую жизнь. Жизнь, которая когда-то была, как и ее собственная, полна надежд и бесчисленных возможностей, о чем, наверное, говорилось в тех любовных письмах… И все это кануло в никуда. Чарли заморгала, стряхивая накопившиеся слезы.

– Мы переезжаем, мама, – бодро сказала она. – Мы купили дом за городом. В Элмвуд-Милле. Разве это не романтично? Там есть старинная мельница в саду, с настоящей запрудой для мельничного колеса, есть амбар, посудомоечная машина на кухне, а еще мы собираемся завести кур. Буду привозить тебе яйца. Ты будешь рада?

Рука матери задрожала, казалось, она стала более холодной и влажной.

– В чем дело, мама? Тебе не надо беспокоиться – это всего сорок пять минут на поезде. Я по-прежнему буду навещать тебя, так же часто.

Дрожь руки становилась все сильнее.

– Ты сможешь приезжать и оставаться. У нас там уйма комнат. Как ты на это посмотришь? – Она в тревоге посмотрела на дрожавшую старуху, по побелевшему лицу которой струился пот. – Все в порядке, мама, не беспокойся! Это ведь не расстояние! Мне придется добираться сюда из Элмвуда ничуть не дольше, чем из Уондсворта.

Дверь открылась, и вошла сиделка, крепкая девушка с широкой белозубой улыбкой.

– Не хотите ли чаю, миссис Уитни?

– Кажется, маму немного лихорадит, – сказала Чарли, вставая.

Сиделка поспешила к кровати, попробовала у старухи пульс, а потом положила на ее лоб тыльную сторону ладони.

– С ней проводят какое-то новое лечение. Я попрошу врача прийти.

Чарли понизила голос:

– Думаю, это я расстроила ее. Мы переезжаем за город, и она, наверное, подумала, что я не смогу ее часто навещать.

Сиделка одарила Чарли ободряющей улыбкой:

– Нет-нет, она сейчас вообще ничего не способна воспринимать. Я уверена, что эта дрожь от прохлады или реакция на новое лечение. Я сейчас же позову врача.

Сиделка поспешно вышла из комнаты, и Чарли с тревогой стала ждать. В парке за окном женщина толкала перед собой старенькую черную детскую коляску, слышались шум и гудки уличного движения. Чарли посмотрела на мать. Глаза ее были закрыты, дрожь стихала. Она спала.

8

Они переезжали 12 сентября, в пятницу.

Несмотря на то, что всю жизнь Чарли мечтала жить в сельской местности, сегодня она никак не могла настроиться на отъезд из Лондона, окончательно поверить в то, что теперь она едет туда, где останется надолго.

Громко шумел мотор «ситроена», теплый воздух бабьего лета, лившийся через открытые стекла, не мог охладить лицо Чарли. Обогнав трактор, она медленно переехала гребень холма. Потом мельком посмотрела в зеркало в ожидании, когда подтянется фургон с мебелью. «Ауди» Тома впереди тоже замедлил ход.

«ЭЛМВУД ОБЪЕДИНЕН С БЭЙЗ-ЛЕС-ЭКС». Рабочий на спортивной площадке укатывал поле для крикета. Из-за газетного ларька вышел ребенок с банкой кока-колы. Позади него на ветру колыхался знак «Мороженое „Уоллс“». Чарли уже был знаком этот короткий объезд рядом с бензозаправочной станцией; в конце пологой дорожки открывался вид на церковь, вправо уходило оживленное шоссе, перед лавочкой реставратора продавались безделушки. Она уже присмотрела опрятную на вид лавку мясника и отыскала неплохой овощной магазинчик.

Через милю Том свернул с главной дороги и проехал через ворота к уже видневшимся домам. Чуть поодаль, на столбе, были прибиты в ряд несколько указателей: «ПОМЕЩИЧИЙ ДОМ», «АМБАР ТАДВЕЛЛА», «РОЗОВЫЙ КОТТЕДЖ», «ЭЛМВУДСКИЙ РЫБОЛОВНЫЙ КЛУБ». На нижнем стертом знаке едва различалось – «ЭЛМВУД – МИЛЛ».

В зеркальце у Чарли появился мебельный фургон; пришлось свернуть в облако пыли, поднятое колесами «ауди». Чарли беспокойно взглянула на картонную коробку, лежавшую на коврике под соседним сиденьем.

Тропинка пошла под уклон, а потом выровнялась, миновав большой современный дом из красного кирпича во все еще цветущем саду. Блондинка в высоких сапожках и купальнике-бикини широкими шагами направлялась от конюшни к «ренджроверу». В саду виднелся плавательный бассейн, окруженный белоснежными бюстами на греческих колоннах (позже Том за вычурность окрестил их «башнями юных дарований»).

За заброшенным прудом стоял деревянный амбар, искусно превращенный в дом, с пристроенной к нему полуразвалившейся мастерской из гофрированного железа. Старенький автомобильчик-седан

был припаркован вплотную к дому. Через открытые двери мастерской виднелась пара ног, высовывавшихся из-под приподнятого домкратом автомобиля. Столб пыли из-под колес «ауди» заставил Чарли зажмуриться. Позади с трудом пробивал себе дорогу мебельный фургон.

У стены другого здания, серого кирпичного коттеджа с изгородью из белого частокола и аккуратным садом, стоял старенький велосипед, а рядом, на подъездной дорожке, – допотопный автомобиль «моррис-майнор». Тропинка сузилась и снова пошла под уклон, с обеих ее сторон «ситроен» задевали высокие кусты, словно щетки на автомойке. Чарли почувствовала приступ клаустрофобии. За минувшие две недели кусты буйно разрослись. Ветка ежевики зацепилась за окно, и антенна зазвенела, завибрировала.

Из-за изгороди на них таращилась корова, стоявшая рядом со старой ванной, служившей ей кормушкой. Потом свет потускнел, потому что солнце закрыли сомкнувшиеся ветви деревьев, поднимавшихся по обеим сторонам. Среди деревьев качались провода, протянутые между телеграфными столбами, вдоль тропы. Чарли куснула ноготь. Слишком много она видела кинофильмов про стоящие особняком дома с оборванными телеграфными проводами.

Бен заскулил. Звук донесся словно издалека. Это было началом крайне необычного ощущения собственной удаленности от мира.

– Все нормально, малыш! Мы почти… – Она заколебалась. – Мы почти дома!

Дом.

Прошлой ночью, со своими скатанными коврами и опущенными занавесками, он был чужим. Печально. Печально, что тот или иной дом сегодня может быть твоим, а назавтра принадлежать совершенно чужому человеку. Все в прошлом. И невозможно вернуться назад. Мосты сожжены. Сегодня вечером дом номер четырнадцать по Апстедской дороге получит новых хозяев; здесь зазвучат новые голоса, новый смех, прольются новые слезы. Хозяева, по всей вероятности, изменят цвет парадной двери и замостят ближний сад, и они с Томом будут проезжать там через пару лет, но вряд ли привыкнут к этому.

У следующего поворота дорожка была усыпана обрезками ветвей, покрытых листьями, и побегами ежевики. Кустарник аккуратно, гладенько подстрижен. На очередном уклоне дороги невысокий мужчина в твидовой шапочке, опустив электрические ножницы, прижался к изгороди, чтобы дать Чарли проехать. Она помахала мужчине в знак признательности, а Бен на него залаял.

Когда они остановились, Том с натугой вытаскивал из багажника «ауди» холодильный сундучок, в то время как мебельный фургон осторожно протискивался между столбами ворот. Выбираясь из машины, она услышала шум воды, падающей на мельничное колесо. Возбужденный Бен носился без толку туда-сюда.

Открыв крышку картонной коробки, Чарли увидела, что липкая пленка с отверстиями, накинутая на горловину шара-аквариума, на месте и Гораций оживленно плавает взад-вперед. Камень упал с ее сердца. Если бы во время переезда рыбка умерла, Чарли приняла бы это за дурное предзнаменование.

Двигатель мебельного фургона громко застучал, а потом затих. Воцарилась тишина, если не считать шума падающей воды. Под горячим солнцем стих ветерок. В отдалении проблеяла овца; донеслись два слабых хлопка, вероятно от выстрелов из дробовика. Выводила трель неизвестная птичка. Ноги Чарли хрустели по гравию. По гравию в ее дворе. Бен снова залаял.

Хлопнула металлическая дверца. Послышались голоса. Резко взлетел шмель, и Чарли отшатнулась. До нее донесся жизнерадостный голос Тома:

– Ребята, пивка никто не хочет?

Чарли подошла к ручью. Всего-то около трех футов шириной и, наверное, два глубиной, так что его можно без труда перепрыгнуть. Сквозь быстро текущую воду, чистую и свежую, вырисовывалось устланное галькой и круглыми камнями дно. Тень птицы промелькнула над ручьем.

– Хорошо бы войти туда? – раздался чей-то голос.

С шипением открылась банка с пивом. Чарли смотрела на противоположный берег, на аккуратный участок.

Конюшни.

Это слово возникало каждый раз, когда Чарли приезжала сюда, всплывая из темных, недосягаемых глубин ее сознания, и будто дразнило.

Душеприказчики Нэнси Делвин вывернули все электрические лампочки, даже на потолке.

– Ублюдки! – сердито сказал Том и укатил в деревню поискать магазин электротоваров.

Устроив себе перерыв на обед, грузчики уселись с сандвичами у ручья. Чарли отнесла аквариум с Горацием в дом и осторожно поставила на сушильную стойку.

– Ну как, нравится тебе новый дом? – Поджав губы, она глядела на кремово-желтые стены. – Думаю, нам надо их перекрасить. Есть какие-

нибудь предложения?

Она прошлась по дому, скрипя резиновыми подошвами по незастеленному полу. Без мебели комнаты казались меньше и темнее, потолки выглядели ниже. Светлые прямоугольники на стенах отмечали места, где висели картины или стояли шкафы. Это напомнило ей фильм о Хиросиме, на который ее водила в детстве мать. Там показывали тени на стенах – оставшиеся от людей, чьи тела испарились после взрыва атомной бомбы.

Чарли забралась по крутой лестнице в мансарду. Сквозь пыль, висевшую в воздухе словно снеговая завеса – отчего она почувствовала щекотание в носу и горле, из единственного маленького оконца пробивались лучи света. Стоял неприятный гнилостный запашок. Единственным звуком в жутковатой жаркой тишине комнаты было резкое «тук-тук-тук» капель воды, с интервалом в полсекунды падавших на какой-то металлический предмет. Коробки с хламом, покрытые пыльными газетами, отсюда уже убрали. Когда Чарли подходила к окну, пол из жестких досок прогибался, распрямляясь потом с тупым треском, так что в воздух поднимались маленькие клубы пыли.

Больше всего пыли от человеческой кожи.

Рок. Мысли о чем-то роковом постоянно роились в ее голове. Возможно, это было связано с переездом. Переезд был второй из самых больших травм в ее замужней жизни. Или третьей. Что-то в этом роде говорил ей Том.

Из окон открывался отличный вид на пруд. Примерно в двух милях за леском и ниже, в долине, на дальнем берегу ручья, виднелась крыша какого-то большого дома с дымовыми трубами.

Все должно устроиться. Том прав. Здесь очаровательно. Очаровательно и спокойно.

Какая-то тень пересекла стену, словно кто-то прошел за спиной у Чарли. Она обернулась, но мансарда была пуста. «Наверное, мимо окна пролетела птица», – подумала она. Хотя вообще-то тень прошла в другом направлении. Чарли забеспокоилась и шагнула влево, вправо, убеждаясь, не ее ли это тень.

Треск над головой напугал Чарли, но щебетание птицы успокоило ее. Закричал мужчина, его голос был едва слышен. Другой ответил ему. Снова щелкнула доска пола, будто кто-то наступил на нее. Чарли огляделась. Наверное, доска просто встала на свое место после того, как она прошла по ней, сообразила Чарли, все же поспешно покинув мансарду.

Когда она спустилась на площадку первого этажа, несколько глухих

стуков эхом быстро разнеслись по дому.

Дверное кольцо.

Чарли поспешила к входной двери. За ней стоял высокий мужчина в запачканном рабочем халате с изношенным воротником и истрепанным галстуком. Чарли предположила, что ему лет сорок с небольшим. Несмотря на неопрятную бороду, растрепанные волосы соломенного цвета и запавшие щеки, Чарли сразу понравилось его лицо: в нем угадывался человек, на которого можно положиться, и к тому же благородный: в нем было что-то от русского аристократа. В его жгучих и проницательных глазах проглядывало озорство.

– Я Хью Боксер, ваш сосед. Решил, что неплохо бы зайти к вам и поздороваться. – Его голос звучал непринужденно и вежливо.

Она протянула ему руку:

– Чарли Уитни.

Он обтер свою запачканную ладонь-клешню о штанину брюк и основательно сжал ее руку.

– Добро пожаловать на нашу улочку.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – А где ваш дом?

– Да вот этот амбар. Амбар Тадвелла.

– Со старыми автомобилями?

Когда он улыбнулся ей в ответ, лицо его сморщилось и кустистые брови приподнялись.

– Кто-то в деревне разводит животных, а я предпочитаю автомобили. Их не надо выпаивать молоком.

Она засмеялась.

– Я думаю, что этот амбар… то есть дом… ну, выглядит великолепно.

– Для коровника неплохо, ведь так? По правде говоря, вторая причина, по которой я зашел познакомиться с вами, – это автомобиль. Нельзя ли оставить его здесь на денек-другой?

– Автомобиль? Боюсь, что я вас не понимаю, – сказала Чарли.

– Старый «триумф-родстер» Нэнси Делвин. Я купил его при распродаже имущества. Он стоит в амбаре, позади снопов соломы.

– Я и не знала, что там есть автомобиль. Это что-то очень редкое, да?

Грузчики начинали вынимать из фургона диван.

– Нет, – ответил Хью Боксер, – не совсем. В округе их несколько штук. Вы когда-нибудь видели «бержерак»?

Чарли кивнула.

– Вот что-то похожее. Я думаю, что на нем не ездили уже лет тридцать.

– Вы их коллекционируете?

– Вроде того.

На мгновение взгляд Хью Боксера стал проницательнее, как бы исследуя ее, отчего Чарли почувствовала себя неуютно. В это время за спиной Боксера грузчики с натугой затаскивали диван по ступенькам.

– Мне бы пришлось работать едва ли не целый день, чтобы передвинуть снопы соломы перед автомобилем. Я постараюсь все сделать на следующей неделе.

– Не надо спешить. Мы вообще не собираемся пользоваться амбаром.

Чарли и Хью Боксер отступили в сторону. Боковой валик дивана громко ударился о дверной косяк.

– Куда это нести, мэм?

Чарли показала в сторону гостиной:

– Куда-нибудь туда.

– Не буду вам мешать, – сказал Хью Боксер. – Если я когда бы то ни было смогу быть вам полезным, просто покричите.

– Весьма любезно с вашей стороны… А что за парень подстригает кусты вдоль дорожки?

– Гидеон. Мы тут все его нанимаем. Думаю, он подойдет познакомиться с вами.

– Да, нам говорили.

– А поесть тут лучше всего в трактире «Георгий и Дракон». Повернете с дорожки направо, и еще примерно миля по прямой.

– Спасибо. Вы должны зайти и выпить с нами, когда мы немного разберемся.

– А вам тут много придется делать? – Хью Боксер заглянул во внутреннюю часть дома.

– Да, дел уйма.

– Отличный дом. Я всегда считал его весьма привлекательным.

Он поколебался, словно собираясь сказать что-то еще, а потом повернулся. Чарли спустилась следом за ним по ступенькам, и Бен подбежал к ним.

– Привет, паренек! – сказал Боксер, приостанавливаясь, чтобы потрепать собаку. – Не очень-то ты годишься в сторожевые псы, правда?

Он бодро помахал Чарли и зашагал прочь.

У амбара были двойные двери, причем обе половинки прогнили и удерживались на месте кирпичами. Чарли потянула створку на себя. Что-то маленькое пронеслось по амбару и исчезло в тени. Пахло соломой и машинным маслом. Перед ней стояла допотопная газонокосилка с

сиденьем, купленная у душеприказчиков покойной. Накопитель травы был отцеплен и прислонен к стене рядом. Это была едва ли не единственная вещь из тех, что им хотелось купить, которую душеприказчики согласились продать за приемлемую цену.

Примерно посередине амбара высилась стена из снопов соломы. Узкий ход, в который Чарли ни разу не заглядывала, вел направо. Подойдя поближе, она увидела старый рабочий верстак под высоким окном. В комнате, похожей на заброшенную мастерскую, куда она протиснулась, было темно, свет просачивался лишь через единственное грязное окно.

Посередине амбара под куском брезента, густо покрытым пылью, вырисовывались очертания автомобиля. Ее сердце будто подпрыгнуло к горлу: во всем этом было нечто, вызывавшее тревогу. Какое-то спящее чудовище, лучше было бы его не трогать. На стропилах что-то заскреблось, и оттуда потекла струйка пыли. Крысы? Летучие мыши? Над Чарли высилась соломенная стена. Из мрака в поле зрения возникли новые очертания. Старый металлический стол. Садовая косилка со сломанной рукояткой.

– *Да брось ты это,* – прошептал какой-то голос в ее голове.

– *Я не позволю, чтобы меня пугали привидениями в моем собственном амбаре, черт подери!* – мысленно выкрикнула она.

Приподняв угол брезента, Чарли обнаружила под ним хромированный бампер с тусклыми впадинами и черное крыло с боковым фонарем. Чарли попыталась поднять брезент повыше, но он был слишком тяжел. Она прошла вбок, оттянула брезент на капот, обнажив вертикальный радиатор, зажатый между двумя массивными фарами. Поверху радиатора шла хромированная насадка, а спереди был прикреплен небольшой круглый значок с цветным глобусом и крошечной надписью «Триумф моторс».

Чарли отступила назад, таща грубую материю через весь кузов поверх брезентовой крыши. В конце концов скомканный брезент кучей соскользнул на пол. В ноздри Чарли ударил запах металла, заплесневевшего брезента и выдохшегося бензина.

Машина выглядела знакомой.

Это из-за «бержерака» на телеэкране. Она смотрела детективные сериалы и знала эту модель. Чарли обошла машину. Луковицевидный спортивный тип, с откидным верхом, подножками и как бы обрубленным носом. В задней части крыши виднелось узкое оконце и еще две стеклянные панели со стороны багажника, где располагались складные сиденья. Толстый слой пыли покрывал черную краску. Покрышки спущены. За густой паутиной в углу ветрового стекла различался кружок

талона от налоговой инспекции. Наклонившись, Чарли с трудом разобрала поблекшую надпись: «НОЯБ. 53».

Она надавила на ручку дверцы со стороны пассажира и потянула на себя. Дверца распахнулась, щелкнув, словно надломилась печать времени, и запах старой кожи и истлевшего брезента вырвался изнутри, окутав Чарли.

Воцарилась мертвая тишина. Чарли казалось, что она вторгается в чужие владения. Протиснувшись в дверцу, она уселась на жесткое и прямое сиденье. Из деревянной приборной доски выступали на металлических стержнях выпуклые черные головки, посреди которых были вмонтированы две круглые белые шкалы, а ближе к Чарли – спидометр. Из большого рулевого колеса с перекладинами-спицами, почти касавшегося ее правой руки, высовывалась наподобие антенны крохотная колонка-рычаг для переключения передач. Чарли потянула на себя дверцу, закрывшуюся с глухим стуком. Она почувствовала себя придавленной крышей, находившейся в нескольких дюймах над головой, и ветровым стеклом прямо перед носом.

Отодвигаясь дальше на сиденье, она всем своим существом ощущала напряженную тишину. Сквозь пыль на ветровом стекле виднелись очертания капота и насадка на радиаторе. Коснувшись головки на приборной доске, она сжала ее пальцами и повернула. Тугая головка не сдвинулась. Чарли повернула ее посильнее, и щетка «дворника» на ветровом стекле приподнялась на дюйм, разорвав несколько прядей паутины. В испуге Чарли отпустила головку, и щетка упала. По ветровому стеклу вверх побежал паук. Ощутив от его движения какое-то раздражение, Чарли виновато положила руку на колени.

Ее трясло. Сиденье заскрипело, затрещало, зазвенела пружина. И где-то внутри нее тоже будто распрямилась некая пружина.

Автомобиль был ей знаком. И не только по телевизионным сериалам. Она сидела в подобном автомобиле и раньше, путешествовала в нем. Чарли была уверена, что это была именно та марка автомобиля, в котором она занималась любовью во время ретрогипноза.

Она припомнила все: шершавость твидового пиджака мужчины, ветер, трепавший ее волосы, жесткую езду по неровной поверхности, натужные усилия мотора, стук выхлопной трубы, когда он переключал передачи, мятный привкус жевательной резинки во рту…

Чарли помнила и эротическое ощущение от пальца внутри нее… Как машина, скользя, останавливалась. И запах жженой резины, свежей кожи, громыхание выхлопной трубы, дребезжащие стуки двигателя, тряску

капота, вибрацию, щекочущий ее лицо твидовый рукав. Она вспомнила, как его рот возник над ее ртом, как их губы слились в жадном поцелуе. И тот шарик жевательной резинки, который она вынула изо рта и засунула под крышку бардачка.

Послышался треск вроде выстрела из пистолета.

Чарли рывком села прямо. С нее каплями тек пот, под ложечкой возникло глубокое ощущение страха. Она потрясла головой, но ее волосы, слипшиеся от пота, едва шевелились. Пот ручейками сбегал вниз по шее, из-под мышек; она тряслась. Казалось, что автомобиль вокруг нее сжимался и воздуха становилось все меньше, как будто что-то отсасывало его.

Пошарив в поисках дверной ручки, она почувствовала в руке что-то маленькое и твердое. Спотыкаясь, выбралась наружу, оцарапав ногу о верхушку подоконника, но едва обратила на это внимание. Распрямившись, Чарли пристально посмотрела на маленький твердый предмет, поднесла его к окну, но было слишком темно, чтобы разглядеть.

Она поспешила выбраться из амбара наружу, под ослепительный блеск солнца. И сразу взглянула на предмет. Всего полдюйма в ширину, нечто темно-серое и изрытое впадинами, словно миниатюрный ссохшийся мозг. Крошечная полоска деревянного шпона прилепилась к нему с одной стороны.

Это был старый, засохший кусочек жевательной резинки.

Ее рука затряслась, заставив резинку заплясать, словно капельку слюны на раскаленной сковороде. Резинка выпала из руки. Чарли пыталась разглядеть ее на дорожке, потом опустилась на колени, просеивая гравий, шаря руками взад-вперед. Со стороны дома она услышала какой-то окрик, звук металлического удара, хруст шагов, смех. Она продолжала рыться в гравии, расширяя ямку, но резинка исчезла, поглощенная галькой, точно так же как море поглощает отпечатки ног на песке.

– Миссис Уитни? – окликнул чей-то голос. – Нам нужно узнать, куда вы хотите поставить упаковочные коробки!

– Иду! – крикнула она.

Сотни людей жуют резинку в автомобилях. Тысячи. Миллионы. И не было ничего особенного в том, что в каком-то автомобиле нашлась старая жевательная резинка.

Совсем ничего особенного.

9

Обедая на воздухе, в укромном внутреннем дворике позади дома, неспешно и с бутылкой шампанского в придачу, Том и Чарли смотрели, как за конский выгул опускается красный шар солнца, оставляя после себя сумерки и жару.

Дни становились заметно короче. Через несколько недель светлое время начнет стремительно уменьшаться, но сейчас, в этот благоуханный вечер, зима казалась бесконечно далекой. Медленно чернел, превращаясь в силуэт, каштан у дома; в металлически-сером небе появились звезды; порхали с места на место летучие мыши; летящие к Гатуику самолеты подмигивали сверху огнями.

Скрупулезно обсудив все грядущие проблемы, связанные с домом, Том и Чарли составили перечень дел, которые им надлежит сделать в первую очередь. А потом, в постели, занялись любовью. Но сегодня странным образом это больше походило на ритуал, чем на свободный акт страсти, напоминая Чарли любовь в ночь их свадьбы, после того как они с Томом прожили два года. Оба тогда были усталыми, вымотанными, но знали, что это необходимо исполнить. Осуществить.

И сегодня вечером во имя собственных тайных потребностей они сделали то же самое. Чарли хотелось, чтобы ее держали в объятиях, и хотелось самой держать его, держать что-то настоящее, чувствовать Тома, ощущать жизнь после таинственного открытия – сначала автомобиля в амбаре, а потом жевательной резинки. Ей хотелось ощущать реальность.

Ей очень хотелось знать, что в этот момент происходило с Томом; что проносилось в его сознании, когда он овладел ею так механически, так отстраненно; о чем думал; кого нафантазировал себе на ее месте?

Эти звуки донеслись потом, через открытое окно. Звуки ночи. Из царившего там, за стенами дома, мрака. И она ощутила во рту вкус той мятной жевательной резинки.

Бен неугомонно шлепал по комнате, ворча на визги, крики, на скорбное завывание лисиц.

Было два часа ночи. Чарли выскользнула из кровати и прошла по покатому деревянному полу к окну без занавесок. У поверхности озера от новой луны родилось легкое серебристое сияние. Где-то в темноте какая-то тварь испустила пронзительный крик ужаса, за которым быстро последовали другие, потом донесся последний вскрик, громче и

продолжительнее остальных. В подлеске послышался шелест, и наступила тишина. Мать-природа и богиня Земля играли в свои карты, поддерживая движение в цепи времени. Жизнь и смерть. Новое и новое пополнение. Методичное возобновление цикла жизни и смерти.

Убийцы из телесериалов тоже были там, за окном. В этой чернильной тишине.

Из-за переезда Том взял отпуск на две недели, но утром хотел обязательно съездить в Лондон. Какая-то женщина вылила краскоочиститель на новый автомобиль своего мужа и ослепила его почтовых голубей. Каждый день Том приносил домой подобные истории о жестокости. Порой Чарли даже думала, что нет в мире преступлений более жестоких, чем те, которые творятся под завесой святости брака.

А вода тем временем неустанно скользила через осклизлую кирпичную кладку запруды, обрушиваясь вниз, в темную пену за перемычкой. Ее шум как бы отдавался эхом в этой нереальной тишине. Все казалось Чарли нереальным и страшным, ей хотелось вернуться домой.

И Чарли приходилось постоянно напоминать себе, что она и так дома.

– Черт подери, да что же у вас творится? Тут что, космическая станция?

Глаза мужчины из управления электроэнергии, явно страдающего базедовой болезнью, вылезли из орбит, его выпуклый лоб покрывали бисеринки пота. Он постучал по зубам шариковой ручкой.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Чарли.

Шаги из верхней комнаты отдавались по потолку. Где-то заскрипела дверь. Усталая Чарли с раздражением смотрела на мужчину, держащего блокнот с отпечатанными бланками так, чтобы ей были видны его пометки.

– Средний квартальный уровень за прошедший год равнялся здесь пятистам единицам. А в этом квартале уровень подскочил до семи *тысяч*.

– Это невозможно. Дом пустовал в течение года, а мы въехали сюда только вчера. – Она внимательно наблюдала, как вращается металлический диск. – А не испорчен ли счетчик?

– Нет, я проверил. Он работает превосходно. Видите, как медленно вращается? В данный момент вы не потребляете много электроэнергии.

– Но если там короткое замыкание, то не может ли…

– Вполне может. Видно, где-то утечка. Вам бы следовало вызвать электрика и разобраться. Иначе это слишком дорого вам обойдется.

– Мы заново делаем проводку. Электрики собирались начать сегодня.

Чарли не была уверена, что мужчина расслышал ее. Нахмурившись, он

снова проверял счетчик.

Из всех отверстий плиты шел дым, Чарли подкашливала и терла глаза. На сосновом кухонном столе, рядом с автоответчиком, стоял новый красный телефон, с провода свешивался изящный зеленый медальончик с надписью «Одобрено компанией „Телеком“». Такого же цвета будет и газовая плита, когда они скопят на нее деньги. А пока суд да дело, надежды Чарли заменить имеющуюся плиту, работающую на твердом топливе, значились подпунктом 43 (или, может, 53?) в перечне дел, который они с Томом составили прошлой ночью. В начале перечня шло «центральное отопление», а в конце, под номером 147, – «комната для бильярда в амбаре». За следующий год, если они не обнаружат катастрофических неполадок в доме и если Чарли снова начнет работать полную неделю, им удастся добраться до пункта 21-го – «оконные рамы». Следующим пунктом значились «двойные стекла». Со временем все труды окупятся. Это было хорошим капиталовложением, как правильно говорил мистер Бадли, агент по продаже недвижимости.

Телефонист просунул голову в дверь кухни.

– Ставить на то же место, где был старый, в холле?

– Да, и с длинным проводом, – ответила Чарли, почесывая на плече что-то вроде комариного укуса.

– А телефон без провода в спальню, да?

К его талии было прикреплено какое-то приспособление с большим телефонным диском. Чарли кивнула и закашлялась. Телефонист посмотрел на кухонную плиту:

– Ей нужно много воздуха. Оставляйте дверцу открытой, пока не разгорится огонь. У моей мамы такая же.

– Держать открытой? Спасибо, попробую. Я сейчас приготовлю чай, или, может, вы предпочитаете кофе?

– Чай, только послабее и без сахара, мадам.

Чарли открыла дверцу духовки и отошла подальше от потянувшейся изнутри струйки дыма. Потом взяла чайник и подставила под кран. Ржавая бурая вода выплеснулась в грязную раковину, часть брызг полетела на тенниску Чарли. Кран зашипел, издал короткий всасывающий шумок и умолк.

Черт возьми! Только теперь она сообразила, что приходивший водопроводчик как раз и спрашивал ее насчет запорного крана. Чарли отмахнулась от дыма. Из-за него и лившегося сквозь окна солнца в кухне стояла изнуряющая жара. Надо повесить сюда жалюзи, и Чарли мысленно

добавила к списку пункт 148-й.

На полу вокруг открытого ящика с пометкой «кухня» валялись скомканные газеты; на столе росла груда посуды. В плите потрескивал огонь. Чарли всмотрелась в стеклянный шар с золотой рыбкой.

– Как дела, Гораций? – грустно спросила она.

Пришлепал Бен и тоскливо уставился на нее.

– Хочешь погулять, малыш? – Она погладила его мягкую кремовую шерсть, и пес лизнул ей руку. – Ты сегодня утром здорово налаялся, да? Строители, электрик, телефонист и водопроводчик.

Она наполнила чайник из мельничного лотка, выглядевшего достаточно чистым, и дважды прокипятила воду. Дым из плиты убывал, а огонь, казалось, набирал силу. Пока настаивался чай, Чарли восхищалась цветами, присланными Лаурой, тремя открытками от разных друзей и сообщением на телефонном автоответчике от Майкла Ома, одного из партнеров Тома, вернувшегося сегодня утром.

Не было никаких вестей от овдовевшего отца Тома, лондонского таксиста, которому отчаянно хотелось, чтобы единственный сын добился в чем-нибудь успеха, получил профессию, словом, не походил на него самого. Правда, когда Том добивался успеха, отец обижался, как обижался по поводу всего, чего не понимал. Всю свою жизнь он прожил в Хэкни, в домике, стоявшем за две улицы от того места, где он родился. Когда Том сообщил, что они с Чарли переезжают за город, отец решил, что сын и невестка рехнулись.

Бен бежал впереди по подъездной дорожке. Из грузовика с длинным кузовом строители выгружали материалы. Сбоку от дома стояла алюминиевая лестница. По гравию в тень между домом и амбаром вприпрыжку бежала белка. Чарли слышала мычание коров, гудение трактора, непрерывный рев воды и неистовый стук молотков на втором этаже.

В конце подъездной дорожки Чарли почувствовала прохладную водяную пыль. Запруда вспенивала воду, но пруд был ровным, как натянутая кожа барабана. Около берега резвились в воде дикие утки, и где-то поблизости долбил дерево дятел.

Чарли пересекла железный пешеходный мостик, с опаской глядя вниз, на круглую кирпичную запруду-перемычку, напоминавшую шахту в рудниках. Остатки изгороди среди кустов ежевики на другой стороне моста следовало починить, иначе кто-то может споткнуться и полететь вниз. Сойдя с мостика, она подождала, пока благополучно перебежит и Бен.

Сухая, утоптанная тропа изгибалась вверх и влево, пробираясь через лесок повыше пруда. Подлесок становился гуще, деревья стройнее – в основном граб. Многие деревья, вырванные с корнем, – наверное, в зимние бури или ураганом 1987 года, – лежали там, где упали, привалившись к другим деревьям или скрывшись под побегами ежевики и зарослями подлеска.

Следы кошмара, мучившего ее ночью, еще оставались в сознании: какая-то лошадь вставала на дыбы и разевала с фырчаньем рот, обнажая клыки с прилипшим к ним куском жевательной резинки размером с теннисный мячик. Лошадь дышала на Чарли горячим мятным дыханием, а потом весело заржала. Очнувшись, Чарли снова ощутила мятный привкус во рту.

Жевательная резинка. В том автомобиле. Это же…

Вереница ее мыслей оборвалась, когда Бен остановился прямо перед ней, и Чарли едва не налетела на него. Пес принялся угрожающе лаять, и она забеспокоилась. Когда произошло какое-то движение впереди на дорожке, лай перешел в рычание.

Показался высокий мужчина в стареньком костюме из твида с кожаными нашивками на рукавах и резиновых сапогах. Он был словно возбужден и шел торопливо, то и дело спотыкаясь. Полоска лейкопластыря, приклеенная над правым глазом, и одинокая струйка пота, сбегавшая по его лицу, словно слеза, не мешали ему выглядеть весьма представительно. На вид ему было лет под шестьдесят. Рычание Бена стало громче. Чарли ухватила пса за ошейник.

– Извините, если вам не трудно, может, вы сходите и скажете Виоле, что я буду чуточку попозже, – сказал мужчина, даже и не думая представляться. – Я тут где-то потерял свои часы, черт их подери, так что мне придется вернуться и поискать их.

– Виоле? – без выражения переспросила Чарли.

Мужчина яростно прищурился.

– Моей жене! – воскликнул он. – Миссис Леттерс.

Чарли подумала, уж не слабоумный ли он.

– Я должен отыскать часы, прежде чем кто-нибудь их зацапает. Они, знаете ли, мне очень дороги как память.

– Извините, – сказала Чарли. – Мы только что сюда въехали.

Бен рывками дергал ее вперед.

– Розовый коттедж, выше по этой тропинке! Я был бы вам весьма благодарен. Просто скажите ей, что я приду чуточку попозже.

Подняв палец в знак признательности, он повернулся и поспешил

обратно по тропке. Чарли по-прежнему сдерживала Бена. Он все рычал, шерсть на его загривке стояла дыбом, глаза мерцали всеми красками.

– Что такое, малыш? Ну в чем дело?

Она потащила его, и пес неохотно пошел следом. Подождав, пока мужчина скроется из вида, Чарли решилась наконец отпустить Бена.

Розовый коттедж. Чарли видела это название на табличке у въезда на дорожку. Должно быть, это тот самый каменный коттедж. Бен бежал впереди, радостно обнюхивая все подряд.

Чарли вышла из тени деревьев, и солнечный свет, ударив в лицо, ослепил ее. Бен задрал лапу у куста. Высохшая и пыльная земля была усеяна рытвинами, вокруг кустов плотным облаком висели и жужжали насекомые, рой мошек крутился вокруг ее головы. С резким запахом навоза смешивался аромат вьюна и скошенной травы.

Когда сквозь деревья показалась крыша коттеджа, затявкала чужая собака. Хлопнула дверца автомобиля, и словно сигнальная сирена загремел женский голос:

– Перегрин! Спокойно!..

Чарли завернула за угол. Рядом с допотопным автомобилем «моррис-майнор» на дорожке у коттеджа, позади изгороди из кольев, стояла старуха, под мышкой у нее торчала картонная коробка из бакалейной лавки. Другой рукой она держала за поводок крохотного йоркширского терьера. Бен игриво прыгнул вперед, но терьер ответил очередным залпом тявканья. Чарли сграбастала Бена за ошейник и заставила сесть.

– Вы миссис Леттерс? – стараясь перекричать тявканье терьера, спросила она.

– Да, – крикнула женщина в ответ.

На этой невысокой и пухлой даме деревенского типа, видимо с повышенной любовью к порядку, были прочные коричневые туфли, юбка из твида и штопаный пуловер. Вместо лица – румяное, испещренное прожилками от неумеренных возлияний желе. А еще прямые седые волосы с пробором по-мужски, расчесанные посередине.

– Мы переехали на мельницу. Меня зовут Чарли Уитни.

– Ах да, я ведь знала, что вы переезжаете где-то на этой неделе. – Старуха свирепо посмотрела на собаку и заревела голосом, который мог бы остановить линкор: – Перегрин! – Собака замолчала, и старуха снова посмотрела на Чарли. – Виола Леттерс. Боюсь, что не сумею пожать вам руку.

– У меня есть сообщение от вашего мужа.

Выражение лица старухи было определенно враждебным, и Чарли почувствовала страх. Она показала в направлении тропинки:

– Я просто встретила его, и он попросил меня передать вам, что потерял свои часы и собирается прийти чуть погодя.

– Мой муж?!

– Ну, в твидовом костюме, с рыболовной удочкой, так? В тот ли я дом попала?

– Сказал, что потерял свои часы?

– Да… и я… – Чарли заколебалась. Эта женщина выглядела более чем враждебно, она была свирепа. – Он показался мне довольно растерянным. Возможно, он поранился. На голове у него была полоска пластыря.

Терьер разразился очередным взрывом тявканья, и старуха, резко повернувшись, пошла к дому, волоча собачку так, что ее лапы скользили по покрывавшим дорожку плиткам. Со стуком она захлопнула за собой парадную дверь.

10

Во второй половине дня появился невысокий и жизнерадостный садовник с заячьей губой. Он почтительно приподнял козырек своей шапочки.

– Я Гидеон, – сказал он гнусаво сквозь аденоиды, – совсем как в Библии.

Чарли улыбнулась:

– Вы отлично поработали с живой изгородью.

– Я хотел, чтобы она выглядела получше к вашему приезду, – сказал он, явно довольный комплиментом. – Эта старуха вообще не хотела, чтобы что-нибудь здесь делали.

– А почему?

– Не знаю, я ее и видел-то всего несколько раз. Она оставляла мне деньги у задней двери, чтобы я подстригал кусты и траву.

– И она никогда не выходила из дома?

– Не-а, ей все сюда доставляли.

– А почему она так поступала?

– Она была, как говорится, затворница. Извините, но я и не жалею об этом. Я знаю, что и сам не Роберт Рэдфорд,[2] но она в самом деле не очень-то здорово выглядела. – Он мельком взглянул на дом. – А в саду есть какая-нибудь работа для меня?

Работы нашлось уйма. Они прошлись по территории и договорились устроить делянку между ручьем и изгородью загона, сделать садик при кухне. Почва там оказалась влажная и песчаная, так что все должно хорошо расти. Они могли купить семена весенней капусты и капусты брокколи, да у Гидеона к тому же в запасе оставалось немного лука-порея. Еще до конца зимы, по его мнению, они будут есть собственные овощи.

Только что прочитав книгу «Разведение домашней птицы в современных условиях», позаимствованную ею в библиотеке Уондсворта, Чарли с видом знатока пустилась в разговор о курах. Гидеон знал, где купить хороших несушек, но сначала советовал укрепить курятник, чтобы сделать его недоступным для лисиц. Он обещал заняться этим немедленно и запросил по три фунта в час. Чарли оплатила ему работу с живой изгородью, которой он занимался будто бы восемь часов, что выглядело почти правдоподобно.

Она попыталась выудить побольше сведений о Нэнси Делвин, но он,

кажется, не хотел говорить о ней. За десять лет он видел эту женщину считаные разы, и с него этого было достаточно. А почему так – он не мог или не хотел объяснить.

Телефонист оказался прав – плита действительно разогрелась, дым исчез вместе с затхлыми запахами кухни, и она заполнилась ароматом китайских приправ из картонных коробочек, лежавших в мусорном мешке. Последние три часа Чарли ушли на открывание ящиков, распаковку и передвигание мебели. Мебель скоро придется снова передвигать для работы маляров и обойщиков, для расстилки ковров, но, по крайней мере, сейчас с нею все, хотя и отдаленно, начинало походить на дом. Первой, как только заработал телефон, позвонила Лаура.

– Твои цветы великолепны, – сказала Чарли Лауре, гладя лепестки розовой орхидеи.

– А ты уже опробовала зеленые сапоги?

– Сейчас слишком жарко.

– Тебе повезло, что ты не в Лондоне. Здесь духотища! Никто не покупает зимнюю одежду. Как прошел переезд?

– Отлично. Ты должна приехать на день рождения Тома через две недели в субботу. Если будет тепло, мы будем жарить мясо в саду.

– А не водятся ли там поблизости аппетитные холостяки?

– Есть довольно милый паренек на нашей улочке.

– В самом деле?

– У меня ощущение, что он не женат. Если это правда, я его приглашу.

– То́му будет тридцать восемь, да?

– И его это не очень радует. Кто-то сказал ему, что средний возраст начинается с сорока.

– Пока он не выглядит на средний возраст.

Стук молотков разносился по дому.

– Лаура, – решила спросить Чарли, – ты не знаешь, когда Флавия Монтессоре собирается вернуться в Англию?

– Да где-то осенью, – ответила та с удивлением. – А что такое?

Чарли поиграла зеленой биркой, свешивавшейся с телефона.

– Я… да я просто поинтересовалась, вот и все. – За окном послышался стук и показались ступеньки алюминиевой лестницы. – Я ведь тебе говорила, что была в какой-то машине?

– А, под гипнозом! Ну да.

– И я жевала резинку. Потом вытащила ее изо рта и прилепила под дверцу…

Кто-то поднялся по лестнице мимо окна.

– Я нашла… – Голос Чарли стих, и она почувствовала себя глупо.

– Нашла что? Чарли, что ты нашла?

Лестница затряслась.

– Говоришь, осенью… То есть в октябре? В следующем месяце?

– Обычно она звонит мне. Я дам тебе знать.

«Грубо, – внезапно подумала Чарли. – Эта миссис Леттерс. Розовый коттедж. Очень грубо так захлопывать дверь».

– Если ты хочешь увидеть кого-нибудь поскорее, то я знаю одного очень приятного мужчину, Эрнеста Джиббона. Он проводит частные сеансы.

Ей пришлось свернуть с дороги, чтобы передать миссис Леттерс сообщение, а та, видите ли, поворачивается спиной и захлопывает дверь. Грубо. Если бы в тот момент это не казалось грубым, то по меньшей мере было просто странно. Та женщина выглядела расстроенной. Расстроенной чем-то более значительным, нежели опоздание мужа.

– Могу дать тебе его номер, – сказала Лаура. – Он живет на юге Лондона.

– А он такой же хороший?

– Он великолепный. Дай ему попробовать.

– Возможно, я так и сделаю, – сказала Чарли, рассеянно записывая номер на обратной стороне какого-то конверта.

Том приехал домой вечером и переоделся в тенниску и джинсы. Он согласился, что три фунта в час – вполне приемлемая плата за работу садовника, но за лужайкой он будет присматривать сам, потому что прелесть переезда в сельскую местность отчасти состоит в работе в саду.

Том сходил в амбар и сумел запустить огромную старую газонокосилку. Взгромоздившись на сиденье, он с ужасным грохотом повел ее по гравию к ручью. Двигатель испускал черный бензиновый дым, и косилка некоторое время резала траву, но потом заскакала, подбрасывая Тома, как циркового клоуна. В конце концов раздался резкий стук, двигатель заглох и больше уже не заводился. Том слез на землю, корчась от смеха, и Чарли почувствовала, едва ли не впервые, что все у них здесь будет нормально.

– Давай найдем какую-нибудь забегаловку, – сказал Том. – Я бы не отказался от пива и бифштекса.

– Тот парень с нашей улочки говорил, что поесть здесь лучше всего в «Георгии и Драконе».

Чарли отбросила волосы со лба Тома, и вечернее солнце заплясало в глубине его синевато-серых глаз. Он не выглядел на тридцать восемь лет, и она не ощущала, что ей тридцать шесть. Чарли чувствовала себя лет на двадцать шесть, а может, даже шестнадцать, как тогда, когда она впервые увидела эти улыбающиеся ей глаза и уставилась в них с липкого ковра, на котором растянулась в том трактире. «Привет, Джо Кул»,[3] – сказала она тогда этому незнакомцу, а потом наступила на его сверкающие модные ботиночки фасона «челси».

«Георгий и Дракон» представлял собой старый постоялый двор, и стеклянная доска на двери пестрела рекламой: «Рэлес Рутьер», «Эгон Роней», «Прекрасная пивная», «Отличные сорта пива». Узкая полоска-патент на перемычке двери гласила, что владельцем заведения является Виктор Л. Лэббин.

Когда они вошли внутрь, взрыв хохота кучки работяг, сидевших за столом, оборвался. Те посмотрели на вошедших, и после реплики одного из них смех возобновился. Стоявшая у стены одинокая игральная машина-автомат мигала огнями, вспыхивала разными знаками, меняла цвета и каждые несколько секунд повторяла отрывок одной и той же мелодии. Аудитория машины состояла из старой английской овчарки, лежавшей на полу и сонно наблюдавшей за автоматом, словно скучающий импресарио на прослушивании.

Эта комната с массивными деревянными балками и низким потолком пожелтела от времени и дыма. На стенах, по соседству с кругом – мишенью для метания маленьких дротиков, висели старинные сельскохозяйственные орудия. Еще там были устаревшие пивные помпы и кресло у незажженного камина. В объявлении около круга для дротиков говорилось о распродаже всякой всячины.

В одном из трех посетителей у дальнего конца стойки бара Чарли узнала высокого Хью Боксера, их соседа.

– Привет! – салютовал он, приподняв короткую трубку.

На нем была мятая рубашка в шашечку, вязаный галстук. Дружелюбная улыбка все время играла на его бородатом лице, хотя еще при знакомстве Чарли почувствовала в нем сильный, властный дух.

Чарли представила ему Тома, а Хью Боксер заказал им выпивку и представил своим собеседникам. Джулиан и Зоэ Гарфилд-Хэмпсен жили в конце их улочки, в доме из красного кирпича, с греческими колоннами вокруг бассейна. Джулиан Гарфилд-Хэмпсен, в полосатой рубашке с Джермин-стрит с матерчатыми запонками, был высокий, с громовым

голосом и красноватым лицом пьяницы. Всякий раз, когда он говорил, – разглаживал рукой свои красивые волосы. По всей вероятности, он был ровесником Тома, но выглядел лет на десять постарше.

– Как здорово, что на нашей улочке появилась еще одна молодая пара! – сказала Зоэ тихим, но звонким голосом. Ее речь по замедленности и старательности напоминала ответ школьницы на уроке по дикции. Это была та женщина, которую Чарли видела выходящей из конюшни в бикини и высоких сапогах. – Мы с Джулианом всегда просто *обожали* Элмвуд-Милл, – добавила она.

– И мы его любим, – сказала Чарли.

– Он великолепен! Мы бы и сами его купили, но он расположен слишком низко, и зимой там мало солнца.

– Ваш «спритсер».[4] – Хью Боксер передал Чарли ее бокал. – И пинта лучшего пива из помпы Вика.

– Ваше здоровье! – Том поднял свой бокал, изучая цвет темного горького пива, затем отпил немного и одобрительно кивнул хозяину заведения.

Хозяин, коренастый суровый мужчина с редкими черными волосами, некоторое время не отвечал. Но когда повернулся, чтобы взять высокий стакан из маленькой алюминиевой раковины, спросил с бесстрастным милдлендским акцентом:

– В крикет любите поиграть?

– Да, играл немного, – ответил Том с удивлением.

Хозяин протер стакан салфеткой.

– В ближайшее воскресенье, – сказал он, – в десять утра, в Элмвуд-Грине будет благотворительный матч против Родмелла, и двоих человек не хватает.

– Да я уж забыл все, несколько лет не играл.

– Предпочитаете действовать битой или подавать мяч?

– Да вроде привык отбивать битой.

– Записать вас на первое отбивание?

– Ну, я бы не… хм…

Но хозяин уже заносил его имя в список.

– Уитни? С мягким «т» или твердым?

– С твердым, – ответил Том. – У меня совсем нет снаряжения.

– Вас тут заарканят, – сказал Хью. – И месяца не пройдет, как они вас включат во все комитеты.

– Виола Леттерс готовит к соревнованиям чай, – продолжал хозяин. – Надеюсь, она будет поддерживать с вами связь, миссис Уитни.

– Хорошо, – сказала Чарли несколько ошеломленно, но улыбаясь.

– А вы готовите еду по вечерам? – Том жадно запустил пальцы в большую чашу с арахисом на стойке бара.

– Ресторан вон там, – показал хозяин пальцем. – Последние заказы на еду принимаются в 21.45.

Том сгреб еще порцию орешков и отправил в рот. У них оставалось полчаса.

– Джулиан играл в прошлом году, но зашиб плечо, – сказала Зоэ и спросила у Чарли: – А сколько у вас детей?

– Да пока что ни одного. – При этом вопросе Чарли всегда краснела. – Мы… мы надеемся здесь пополнить семью.

– Здорово! – сказала Зоэ, но выражение ее лица говорило другое: *«В вашем-то возрасте?!»*

У самих Гарфилд-Хэмпсенов было трое детей: Орландо, Гервейс и Камилла. Джулиан (по-домашнему Джу-Джу) занимался компьютерными программами. Зоэ предпочитала конный спорт. И все у них было *здорово*.

Чарли перехватила взгляд Хью Боксера.

– Это ваш там такой миленький «ягуар»? Том влюбился в него, как только мы впервые увидели этот дом.

– Скажите ему, чтобы забегал в любое время, когда дверь мастерской открыта. Я сейчас занимаюсь очаровательным старым «бристолем». – Он легонько постучал трубкой о край керамической пепельницы, и в этом звуке слышалось что-то уютное. Хью коснулся лба тыльной стороной массивной ладони. – А сегодня вечером душновато.

Чарли тоже чувствовала влажную жару.

– Небо все в тучах. Прогноз обещал грозу.

Хью Боксер зажег спичку и сделал несколько глубоких затяжек, а потом, помахав рукой, погасил ее. Под его ногтями все еще была густая смазка.

– Это у вас бизнес такой, старые автомобили? – спросила Чарли.

Он вынул изо рта трубку и выстрелил дымом из ноздрей, поднявшимся вокруг него плотной тучкой.

– Нет. Я вроде полевого охотника. – Он глотнул виски, покачивая рюмку в руке.

– Полевой охотник? – Чарли перехватила озорной огонек в его глазах, будто утренний солнечный свет на покрытом льдом пруду. А под этим льдом, казалось, была большая глубина.

– Хью хорошо известен. Он – наша местная знаменитость, – сказала Зоэ.

Хью протестующе помахал трубкой.

– Неправда. Не верьте.

– Это правда! – Зоэ повернулась к Чарли. – Его показывали по телевизору, по радио о нем говорили, и во всех газетах писали. Про него написано целых полстраницы в «Индепендент», с фотографией. Его называли ведущим британским авторитетом по пограничным линиям между лугами.

Хью пускал из трубки клубы дыма, словно это его не касалось.

– И еще у него вышли две книги.

– Как они называются?

Густой и мягкий аромат трубочного табака нравился Чарли.

– Я не думаю, чтобы вы слышали о них, – сказал Хью. – «Тайный ландшафт» и «В поисках минералов: только факты».

– Он совершенно замечательный. А его книги обворожительны.

Том и Джулиан Гарфилд-Хэмпсен беседовали о собственности.

– Мы пытаемся получить разрешение расширить участок, – сказал Джулиан, и внимание Зоэ перешло на них.

– Ваши книги были бестселлерами? – спросила Чарли.

Хью снова пососал трубку.

– Нет. – Он улыбнулся и приподнял кустистые брови. – Эти книги рассчитаны на специалистов. Я продал немного, всего-то несколько экземпляров.

– И вот так вы зарабатываете на жизнь?

– Я зарабатываю свою корку хлеба в университете. Читаю там лекции.

– А в каком?

– В Суссексе.

– Я и подумала, что по виду вы не похожи на механика из гаража. Лекции вы читаете по пограничным линиям между лугами?

– Нет. По психологии. Луга – это хобби, для успокоения мозгов.

– И старые автомобили тоже?

– Вообще все старое. Старые автомобили. Старые здания. Старые ландшафты. – Он проницательно посмотрел на нее. Голос его понизился, лицо вдруг показалось изможденным. – Старые привидения.

Большим пальцем, похожим на обрубок, он набил трубку табаком; Чарли с удивлением заметила, что он тоже обкусывает ногти. Его глаза, поднявшись от трубки, наблюдали за ней, словно выискивали что-то, пытались стереть некий внешний слой и проникнуть внутрь.

– Что вы имеете в виду под старыми привидениями?

– Прошлые жизни. Я всегда могу узнать, у кого есть прошлые жизни.

– А как?

– Да просто посмотрев на человека.

Чарли ощутила, как по ее телу пробежала холодная струйка, уколовшая ее вроде электрического тока.

– Вы имеете в виду перевоплощение?

Он кивнул.

– И вы верите в это?

– А вы нет?

– Нет, я в это не верю. Я не думаю, что такое возможно.

– А я вот не верю в разводы, – спокойно сказал он. – Но тем не менее моя жена от меня ушла.

Некоторое время они молчали.

– Извините, – сказала она наконец.

Он улыбнулся, но за улыбкой она увидела боль.

– Верите ли вы в ретрогипноз? – спросила она, потягивая свой «спритсер».

– В ретрогипноз?

– Ну да.

Он достал спичку из коробка.

– Знаете, есть много суетливых любителей. Любой может объявить себя гипнотизером и включиться в этот бизнес.

– А «триумф» в нашем амбаре, – спросила она, избегая его взгляда, – он очень старый?

– Первоначальный регистрационный знак пропал. Надо будет проверить шасси и номера на двигателе. – Он чиркнул новой спичкой. – Вы уже познакомились с Виолой Леттерс, этой важной старой дамой с вашей улочки?

За окном блеснула молния, погасив на некоторое время разговор в трактире.

– Из Розового коттеджа?

Он всасывал пламя в чашу трубки.

– Ну да, с ней. Она, как ястреб, следит за всем, что происходит.

Последовало еще три вспышки молнии.

– Она со своим мужем не очень-то ладит, да?

Сначала он был озадачен, но вдруг несколько оживился.

– Я и не знал, что они поддерживают отношения.

Чарли почувствовала, что краснеет.

– Что вы хотите этим сказать?

За окном прогрохотал гром. Хью Боксер поболтал виски в своей

рюмке и немного отпил.

– Она вдова, – сказал он. – Ее муж умер примерно лет сорок назад.

11

На следующее утро после грозы небо прояснилось, воздух казался еще более свежим. С деревьев капала вода, и над прудом висели клочья тумана. Было самое начало двенадцатого.

Бредя в одиночестве вдоль улочки, Чарли услышала впереди громыхание, а затем из-за угла появился трактор, волочивший пустой трейлер. Чтобы пропустить его, она отошла в заросли ежевики и улыбнулась пожилому морщинистому мужчине, сидевшему за рулем. Он смотрел вперед и проехал мимо, не обращая на нее внимания. Чарли удивленно наблюдала, как трактор дребезжит под уклон.

Тот «моррис-майнор» стоял на подъездной дорожке. Еще до того, как Чарли распахнула калитку, затявкал йоркширский терьер. Она нерешительно пошла по дорожке. На стене, рядом с парадной дверью, был укреплен овечий колокольчик. Чарли поискала дверное кольцо и, не найдя его, позвонила. Тявканье усилилось, и голос за дверью принялся успокаивать пса.

Дверь открылась, и за ней появилась Виола Леттерс, почти опустившаяся на колени и державшая терьера за ошейник. Она была в тех же самых прочных туфлях, что и вчера, в твидовой юбке, слишком плотной для такой жары, и в столь же плотной блузке. Глаза настороженно смотрели на Чарли.

– Я зашла извиниться, – сказала Чарли.

Глаза старухи, выглядывавшие сверху из-за щек, делали ее похожей на краба, глазеющего из мокрого песка. Глаза же ее собаки напоминали черные кусочки мрамора, посверкивающие яростными искорками.

– Я ужасно виновата, но я вовсе не желала подшутить над вами. Я не знала, что ваш муж умер.

Женщина потянула дверь на себя.

– Вы не хотите зайти? – Ее голос звучал как резкий лай.

Едва Чарли вступила в холл, собака свирепо уставилась на нее в тревожном молчании.

– Закройте дверь. Тогда он успокоится.

Чарли повиновалась, и собака сердито затявкала.

– Кухня!

Миссис Леттерс оттащила пса за шиворот, слегка шлепнула его по заднице и захлопнула за ним дверь ближней комнаты.

– Извините. Обычно он ведет себя с гостями хорошо. К старости вот стал немного сварливым. – Когда она говорила, ее рот открывался и закрывался, словно потайная дверца в складках плоти.

– Он, по всей вероятности, почуял запах нашей собаки.

Старуха посмотрела на Чарли, и выражение ее лица снова стало подозрительным.

– Вы сказали, что вы миссис Уитни.

– Да. – Чарли явственно почувствовала запах алкоголя. – Боюсь, что вчера я совершила ужасную ошибку. Не знаю, как это получилось. Должно быть, я совершенно неправильно расслышала то, что сказал тот мужчина.

Помолчав, Виола Леттерс спросила:

– Могу я предложить вам выпить?

Пахло полировкой. По всему было видно, что за домом ухаживали. Выкрашенные в теплые цвета стены холла контрастировали с белыми деревянными рамами окон и дверьми. Здесь стояла замечательная старинная мебель, и на стенах висели картины – много картин, в основном морские пейзажи и портреты, было еще несколько любительских работ в дешевеньких рамках.

Чарли последовала за миссис Леттерс в гостиную. На раскладном столике лежал номер «Дейли телеграф» с заполненным кроссвордом. Виола Леттерс указала ей на небольшой продолговатый диван.

– Джин с тоником? – пролаяла она. – Виски с содовой? Шерри? – Старуха говорила на повышенных тонах, похоже, она была глуховата.

Пол гостиной украшали персидские ковры. По покрытым кружевными скатертями столам разбрелись серебряные табакерки и фигурки животных из слоновой кости вперемешку с фотографиями в рамках. На каминной полке стояла старая фотография морского офицера в орденах с бородкой в духе короля Эдуарда.[5] На полу, у медного ведерка для угля, стоял небольшой военный барабан.

– Вообще-то я предпочитаю безалкогольные напитки, минеральную воду или пиво, если можно.

Чарли ощутила странный металлический привкус во рту, который замечала и раньше.

– Воду?! – Виола Леттерс произнесла это слово так, как будто речь шла о болезни. – Чепуха! Солнце уже почти зашло. Пинкерса налить? Или скотча? Чем вы травитесь-то?

– Может быть, немного шерри? – сказала Чарли, не желая обижать старуху.

Она села на диван.

– Надеюсь, мы сумеем утащить бутылочку из корабельных припасов, – сказала Виола Леттерс, направляясь к застекленному шкафчику из красного дерева.

Что-то потерлось о ногу Чарли и мяукнуло. Сначала она опустила руку пощекотать кошку за ушами и под шейкой, а потом посмотрела вниз. Кошка уставилась на нее пустой глазницей.

– Мы тут как на корабле, затерянном в море. Если я могу быть вам чем-либо полезна, просто позвоните мне или заходите в любое время. Нас тут не много. Я стараюсь за всеми присматривать. Здесь редко появляются посторонние, но теперь, видно, дело пойдет похуже: болван журналист расписал наши края в книге о загородных прогулках. Там пониже, у пруда, есть общественная тропа. А вы не знали?

– Она выглядит так, будто по ней ходят не часто.

– Все еще впереди. Боюсь, что скоро здесь повсюду будут сновать орды проклятых туристов.

В старухе было нечто смутно знакомое, но Чарли не могла понять, что же именно. Она спросила:

– А вы давно здесь живете?

– С 1950-го, но меня не признают за местную. Они такие странные, эти сельские сообщества. Здесь не доверяют никому, кто сюда переезжает. Здесь, видите ли, надо родиться. Есть тут два фермера, которые даже не кивают мне по утрам, а я ведь вижу их едва ли не каждый день последние сорок лет.

– Одного я видела сегодня на полпути.

– Но самое странное, – старуха понизила голос, – это скрещивание пород, ну, здесь вокруг много подобных вещей. – Она снова повысила голос: – А вы из Лондона?

– Да.

– Деревенская жизнь покажется вам немного необычной. Если вам кто-нибудь тут понадобится, ну, доктор там, или ветеринар, или еще кто – вы только покричите.

– Спасибо. А возможно ли, чтобы сюда доставляли газеты и молоко?

– Я дам вам телефонный номер молочной фермы. Насчет доставки газет есть один хороший агент в Элмвуде, черномазый, разумеется, но тут уж ничего не поделаешь.

Кошка потерлась пустой глазницей о ногу Чарли, но она не взглянула на животное.

– Нельсон! Пошел вон! – Виола Леттерс промаршировала по комнате, ухватив массивное судно, наполненное до краев. – Иди вон туда. – Она

вернулась к шкафчику, налила бокал неразбавленного джина, расплескав немного, и села напротив Чарли.

– Ваше здоровье.

– Ваше здоровье. – Чарли отхлебнула шерри.

– Ваш муж, я полагаю, не моряк?

– Он адвокат. Специалист по разводам.

Они помолчали. На кухне затявкал терьер. Миссис Леттерс внимательно посмотрела на гостью:

– Извините, если вчера я показалась вам грубой, но вы в самом деле чертовски меня разволновали.

Чарли для храбрости хлебнула еще шерри.

– Я, должно быть, ослышалась… не так поняла адрес… или имя…

Чарли замолчала. А крабьи глаза старухи скользнули вверх.

– Нет. Я думаю, что вы в самом деле видели его, мою старую любовь. – Она наклонилась вперед, лицо ее оживилось. – У вас очень чувствительная психика, дорогая?

– Да нет, я не думаю.

Виола Леттерс принесла из другой комнаты фотографию в серебряной рамке и показала ее Чарли. На черно-белом фото по стойке «смирно» стоял высокий серьезный мужчина в форме морского офицера. Лицо его было отчетливо видно, и сходство с мужчиной, которого Чарли видела накануне, поражало. От его пристального взгляда ей стало не по себе, и она отвернулась. Через край рюмки на ее ладонь выплеснулось немного шерри.

– Как раз лейкопластырь меня и убедил, – сказала Виола Леттерс, садясь на свое место. – Перед тем как уйти навсегда, он ударился лбом о полку, чуть повыше правого глаза.

Чарли вздрогнула. Именно там был пластырь.

– Мы собирались с ним пойти позавтракать, а он ушел ловить рыбу, обещая вернуться пораньше. Кажется, он потерял свои часы. Они принадлежали его отцу, которого наградили ими после Ютландского сражения, так что он ими очень дорожил. Он тоже служил командиром. – Старуха набрала полный рот джина и проглотила, словно заправляясь им, как горючим. – Он попросил предупредить меня, что запаздывает, что вы и сделали. – Она дважды мигнула и тускло улыбнулась. – Он был здоровым человеком, и никогда раньше сердце у него не болело. Несколько часов спустя я нашла его на берегу. Доктор сказал, что к тому времени он лежал мертвый как минимум час.

Ледяной туман закружился внутри Чарли.

– А… кто-нибудь… хоть когда-то… видел его… раньше?

– Нет. Спустя примерно год я ездила повидать одного из спиритуалистов… какого-то медиума… только ничего не прояснилось. Я-то надеялась узнать, не хотел ли он сказать мне чего-нибудь. – Заглотнув новую порцию джина, она продолжала: – Вчерашняя гроза… Возможно, это имеет отношение к атмосферным явлениям… И все-таки это очень хорошо, что на нашей улочке появилась молодая кровь, – сказала она, пытаясь сдержать слезы и улыбнуться. – В ближайшее воскресенье у нас состоится благотворительный матч по крикету. Как вы считаете, вы не смогли бы испечь пару кексов?

– Да, разумеется.

Чарли хотелось продолжить разговор о муже миссис Леттерс, но она не могла придумать, что бы такое сказать.

– Успели вы познакомиться с кем-нибудь еще с нашей улочки?

– В общем, да.

– В том довольно вульгарном доме, наверху, живет очаровательная пара – Джулиан и Зоэ Гарфилд-Хэмпсен. И Хью Боксер, мой сосед, вон в том амбаре. Он славный. Замечательный мужчина, только немного чокнутый. – Она слегка постучала себя по голове. – Все эти университетские профессора такие. Он проводит половину времени, блуждая по окрестностям с парой каких-то вешалок и высматривая границы между лугами или какой-нибудь мусор. Ваше здоровье!

И она осушила свой бокал.

– У вас тут милые картины, – сказала Чарли, чтобы заполнить молчание.

– Среди них есть работы моего мужа. Он любил этот уголок земли и много писал в здешних краях.

– Так вот почему они показались мне знакомыми.

– Есть одна, наверху, которая должна вас заинтересовать. Я принесу ее сию минуту. Это очень милый вид Элмвуд-Милла.

Она рассматривала бокал, мигая крабьими глазками.

– А вы знали Нэнси Делвин? – спросила Чарли.

– Совсем нет.

– Отчего она умерла?

– От паралича.

– Она долго пробыла в больнице?

– В какой больнице, дорогая? – Старуха посмотрела на нее. – Это случилось в доме. Я и нашла ее. В кухне.

Мысли Чарли заметались. Она вспомнила эту уклончивость агента по продаже недвижимости. *«Здесь? В этом вот доме?»* И голос мистера

Бадли: *«О нет, не думаю»*.

– Она была замужем?

Виола Леттерс встала, как показалось Чарли, довольно поспешно.

– Могу я вам подлить?

– Нет, спасибо. Я еще должна…

Старуха забрала рюмку из ее рук.

– Да вы нисколько от этого не опьянеете, ничуточки.

До краев наполнив рюмку, она поставила ее перед Чарли и снова направилась к шкафчику. Молодая женщина в ужасе уставилась на рюмку.

– В самом деле, не много ли… Спасибо. – Чарли определенно чувствовала себя пьяной.

– Дик любил сельскую местность. По правде говоря, он был довольно чувствительным стариканом, хотя обычно говорили, что на флоте он был жестким. Я схожу и принесу картину.

Чарли слышала, как она тащится наверх по лестнице, а потом ее шаги по полу наверху. Снова затявкал терьер, жалуясь, что его забыли, теперь уже более чем сердито. Чарли подумала о человеке на фотографии и о том, вчерашнем, которого она встретила на тропинке.

Попросту посмеявшись над ней, Том скажет то, что и она сама говорила Виоле Леттерс: мол, неверно поняла, что ей сказал мужчина. Но в глубине души она знала, что не ошиблась. Ни с фамилией Леттерс, ни с часами, ни с адресом…

О той жевательной резинке она Тому не рассказывала, зная, что он будет насмешничать еще больше.

Держа в руке небольшую картину в рамке, Виола Леттерс вернулась в комнату.

– Вот она.

Чарли взяла картину. Написанный маслом пейзаж Элмвуд-Милла, из-за моста, был выполнен великолепно, а детали – просто безупречны. Чарли изучала дом и мельницу, заметив, что ее крыша тогда была в лучшем состоянии. Внезапно картина стала неясной, и Чарли прищурила глаза, пытаясь сосредоточиться. Что-то в ней было неправильным, странным, другим…

– Когда он написал ее? – спросила она дрожащим голосом.

– Бог мой, о чем вы спрашиваете! Он умер в пятьдесят третьем, так что, разумеется, *до* этого. До пожара.

Чарли всматривалась, руки ее так тряслись, что картина прыгала у нее перед глазами. Пытаясь успокоиться, сосредоточиться, она поднесла картину поближе к лицу и всмотрелась в участок земли позади амбара, на

другой стороне мельничного лотка, на полпути к берегу. Большой красивый конный двор.

Тот самый конный двор, которого и не хватало.

12

Белдэйл-авеню напомнила о той улице в Финчли, где прошло ее раннее детство, до того как умер ее приемный отец и им пришлось переехать. Тихий закоулок Южного Лондона с непритязательными, построенными вплотную домами из сцементированной гальки. Чистенько. Аккуратно. Двое грузчиков сгружают новую стиральную машину из желтого фургончика. Какая-то мамаша толкает перед собой коляску с ребенком. Трое детишек гоняются друг за другом по мостовой на велосипедах с моторчиками.

Чарли удивилась заурядности увиденного, она ожидала чего-то другого, хотя и не знала, чего именно. Наверное, чего-то более загадочного, зловещего…

У дома номер тридцать девять были стены густо-коричневого цвета, внушительные двойные стекла и чопорный аккуратный садик перед входом, над которым возвышался керамический гномик с ухмылкой нашкодившего ребенка на лице. Рядом с домом стоял старый представительный автомобиль с просевшими рессорами и заклеенным выцветшими флажками английских графств задним окном.

Продираясь сквозь потоки уличного движения, Чарли сердилась на себя за приезд в Лондон. Она припарковала свой «ситроен» на теневой стороне улицы и заперла, оставив окна открытыми, а крышу – полуоткинутой назад для Бена, который лаял, протестуя, что его покидают.

Тома так и не взволновала история с мужем миссис Леттерс, как, впрочем, и все остальное. Чарли, мол, ошиблась насчет имени мужчины, Виола Леттерс приняла желаемое за действительное, сходство же со старой выцветшей фотографией просто кажущееся.

«Призраки незаметно скользят по коридорам домов поздно ночью, звеня цепями, – сказал Том. – Они не слоняются по подлеску в одиннадцать часов утра с рыболовными удочками».

В равной степени скептически отнесся он и к конюшням. «При всех старых домах были конюшни», – сказал он. Они вполне могли быть и в Элмвуд-Милле.

В конце каждой недели Чарли с Томом работали по дому вместе. В будни они закончили обдирать стены в спальне и решили, в какой цвет их лучше покрасить. Том предпочитал голубой цвет в духе фарфора Веджвуд, а Чарли считала, что зимой от них будет веять холодом. Сойдясь на цвете

магнолии, они принялись за самую большую из гостевых комнат, бывшую мастерскую Нэнси Делвин, а теперь – кабинет Тома. Внизу они оставили все как есть, пока не пройдет вечеринка по случаю дня рождения Тома.

В окне раздвинулась занавеска, и Чарли заколебалась, испытывая искушение вернуться в автомобиль и укатить восвояси. Ведь это Лаура убедила ее прийти. Или, быть может, она сама убедила себя. Чарли не знала. Страх прокатывался по ней, страх, любопытство и что-то еще, чего она не понимала. К тому же ее знобило, и во рту снова появился металлический привкус. На ее часах пять минут первого. Она опоздала на пять минут.

Эрнест Джиббон оказался совсем не таким, каким она представляла его, когда говорила с ним по телефону. Никакого драматизма, никакой театральной напыщенности Флавии Монтессоре. На вид это был обычный мужчина, которого оторвали от телевизора посреди матча по крикету. Позвонив ему в пятницу днем, после разговора с Лаурой, Чарли удивилась, что он сможет ее принять уже в понедельник утром.

На звонок дверь открыл высокий крупный мужчина лет около шестидесяти. Вокруг него витал запах вареной капусты, сразу вызвавший у Чарли тошноту.

– Мистер Джиббон? – спросила она.

Смущенное лицо с дряблыми щеками и густыми бакенбардами, мягкие черные, несколько длинноватые волосы, расчесанные на пробор, его внешность вызывала в памяти диккенсовских героев. Он посмотрел на нее сверху глазами, искаженными толстыми линзами его очков в черепаховой оправе. Его темная одежда явно знавала лучшие дни. Клетчатый шерстяной галстук, повязанный чересчур жестко, поднимал торчком кончики воротника рубашки. Несмотря на жару, на нем была шерстяная кофта. Чарли по привычке бросила взгляд на его ноги в вельветовых домашних туфлях вишневого цвета. Мать говорила ей, что мужчину всегда можно оценить по обуви.

– Да, это я. А вы миссис Уитни? – произнес он ровным, спокойным голосом без эмоций.

Тем же тоном он, наверное, комментировал погоду или вторил чьим-то жалобам из-за неудачного расписания поездов. Мистер Джиббон придержал дверь, пока Чарли не вошла внутрь, а потом плотно прикрыл ее. Когда он накинул на дверь предохранительную цепочку, Чарли охватило чувство тревоги.

В прихожей, покрытой светло-оранжевым ковром с коричневым узором, прямо перед Чарли стоял на медном столике на колесиках

фарфоровый испанский ослик в соломенной шляпке. Над ним на стене висело деревянное распятие.

– Боюсь, что нам придется пройти наверх.

По тому, как он это сказал, Чарли определила у него легкую одышку, словно он страдал от эмфиземы. Пока они поднимались по лестнице, одышка проявилась отчетливее.

– Издалека добирались?

– Из Суссекса.

Деревянные таблички-гравюры с пейзажами Швейцарии оживляли мрачные стены лестницы. Чтобы перевести дыхание, Джиббон приостановился на лестничной площадке. На втором этаже дома царил устойчивый запах старых вещей, как бы облегченный вариант нынешнего элмвудского, и это повергло Чарли в уныние. Ее желудок беспокойно завибрировал, и, ощутив возрастающую нервозность, она захотела даже заплатить ему немедленно за потраченное время и тут же уйти.

Пройдя по площадке несколько шагов, он открыл дверь и просунул туда голову.

– Мама, ко мне пришел пациент, так что приготовь себе чай сама. Я поставил тебе поесть в кухне и запер входную дверь, если тебе придется идти открывать. Увидимся попозже. Пока.

Псих какой-то. Не было там никакой мамы. Все это чистое представление. *Господи, да успокойся ты!*

Эрнест Джиббон тяжело преодолел следующий пролет, поскрипывая ступеньками. Потом он свернул на третий этаж, в скромно обставленную мансарду; на полу – такое же оранжевое ковровое покрытие с коричневым узором, что и в остальной части дома. В жаркой и душной комнате стоял диван, а над ним – микрофон на ножке, еще кабинетное кресло на колесиках и беспорядочная свалка высококачественной звуковой аппаратуры и проводов.

– Прилягте на кушетку, пожалуйста, – сказал он. – Располагайтесь поудобнее. Снимите туфли и ослабьте все, что вас сковывает.

Его просьбы звучали так, словно он читал перечень покупок. Чарли сбросила свои белые туфли без каблуков.

– А не нельзя ли здесь приоткрыть окно?

– Скоро вам станет прохладнее. Температура вашего тела очень сильно упадет.

Он вышел и возвратился со сложенным одеялом, которое положил на кушетку. Он все проделывал в том же самом неспешном ритме. Подойдя к окну, он задернул тонкие занавески, и в комнате потемнело.

– Вы раньше подвергались ретрогипнозу, миссис Уитни?

Она вытянулась, чувствуя себя неловко и жалея, что сняла туфли, поскольку это сделало ее, как ей казалось, более уязвимой. Подушка была комковатой.

– Да, один раз.

– Я беру гонорар тридцать пять фунтов, если сеанс будет успешным, и пятнадцать фунтов, если ничего не получится. Одному пациенту из восьми не удается вернуться в прошлое. Это займет два часа, и на первый раз мы должны проникнуть в две или три предыдущие жизни. Они обычно отстоят от нас на расстоянии от тридцати до трех тысяч лет.

Еще один перечень покупок.

Чарли взглянула на микрофон, скрытый в серой губчатой резине. От дивана пахло винилом.

– Я записываю на магнитофон каждый из сеансов и даю вам копию. Это входит в стоимость. Лягте поудобнее. Это очень важно, поскольку вам придется оставаться в одном положении довольно долго.

Псих. Чарли почувствовала, что ее охватывает паника. Эта мать была разложившимся скелетом. Он собирался… тут она услышала снизу звук спускаемой в уборной воды и немного успокоилась.

– Не хотели бы вы спросить меня о чем-то, прежде чем мы начнем? Я вижу, что вы нервничаете. – Он возился с записывающей аппаратурой, распутывая клубок проводов. – Это естественно. Возвращение в прошлые жизни открывает ящик Пандоры глубоко внутри нас.

– У всех людей были предыдущие жизни?

Он продолжал распутывать провода.

– Иисус Христос существовал до того, как явился на землю. Он говорил нам: «До того как был Авраам, был я». Библия полна упоминаний такого рода. Христианство основывается на вечной жизни. В доме Отца нашего много дворцов. В наших собственных жизнях похоронено множество прошедших. – Он вытащил штепсель и воткнул его в другое гнездо. – Наши нынешние телесные оболочки – часть бесконечного процесса. У некоторых людей есть глубокие травмы, перешедшие из предыдущих жизней. Когда они понимают, в чем причина, травмы исчезают. – Он снял футляр с новой кассеты, что-то написал на внешней стороне, а потом посмотрел на Чарли. – У вас есть конкретная травма? Страх перед чем-то?

– Перед высотой, я думаю.

– По всей вероятности, в предыдущей жизни вы умерли вследствие падения с высоты. Ну, мы это выясним.

Простота его суждения вызвала у нее подозрение. Это было слишком уж поспешно. Наконец-то он затолкал кассету в магнитофон.

– Есть ли у вас особая причина желать возвратиться в прошлое, миссис Уитни?

– Я… у меня появляется ощущение дежавю[6] насчет некоторых мест.

– Вы чувствуете себя так, будто вы были там раньше?

Она поколебалась.

– Да.

Он настроил мерцающий огонек звука.

– Бывает, нам удается проследить, как воспоминания проходят через гены. Иногда мы выходим за пределы времени. А порой связываемся с духовным миром. Важно чувствовать себя свободно. Расслабиться. Наслаждаться. Если есть что-либо неудобное или угрожающее, то вы должны рассказать мне.

– Почему?

Гипнотизер нажал на кнопку. Раздался щелчок и громкое завывание. Его и ее голоса повторились: «…или угрожающее, то вы должны рассказать мне». – «Почему?» Он нажал на другую кнопку, и Чарли услышала шуршание перематывающейся ленты, а потом другой щелчок. Он наклонился, чтобы осмотреть магнитофон.

– Потому что вы заново должны пережить все, что происходит. Это должно ощущаться как реальное. Боль должна ощущаться как реальная. Опасность должна ощущаться как реальная. Это должно быть реальным. – Он встал. – Ну, как вам там, удобно? Руки тоже пристройте поудобнее.

Чарли покрутилась, а гипнотизер осторожно накрыл ее одеялом.

– Я буду помещать вас в разные состояния сознания. Вы не будете спать, но это будет походить на сон. После сеанса вы почувствуете себя как после приятного воскресного ланча: ленивой и расслабленной.

Он впервые позволил слабый намек на улыбку и от этого стал симпатичнее. Чарли совсем успокоилась. Тяжелой походкой он прошел к двери и повернул на стене диск. Верхний свет погас, и зажегся тусклый красный свет. Гипнотизер кашлянул и уселся в кресло рядом с Чарли. В отдалении простучал поезд, и Джиббон замер, как бы ожидая, пока пройдет состав, а потом наклонился к ней:

– Скажите мне, как вас зовут.

– Чарли.

– Я хочу, чтобы вы смотрели на микрофон. Сосредоточьтесь на нем. Выбросьте из сознания все, кроме микрофона, Чарли.

Она долго смотрела на него, ожидая, пока гипнотизер заговорит, пока

что-то произойдет. Молчание продолжалось. Микрофон сделался расплывчатым, разделился надвое, снова стал одним. Интересно, подумала Чарли, сколько времени она смотрит на него. Минуту? Две минуты? Пять? Еще один поезд простучал мимо.

– Бархат, Чарли. Я хочу, чтобы вы думали о бархате, мягкий бархат вокруг. Вы находитесь в палатке из бархата. Ваши глаза тяжелеют. Все вокруг мягкое, Чарли. – Его голос был монотонным. – Вы в безопасности.

Она пыталась представить, что находится в бархатном коконе.

– Сколько вам лет, Чарли?

Банальность вопроса удивила ее. Она мельком взглянула на него, но, увидев, что он неодобрительно нахмурился, снова посмотрела на микрофон.

– Тридцать шесть.

– А теперь закройте глаза. Вернитесь к своему тридцатилетию. Припомните, что вы делали в день вашего тридцатилетия.

Чарли напрягла память. Тридцать лет. Да, она могла припомнить тот день рождения, она никогда его не забудет. Она открыла рот, но говорить было трудно. Ей пришлось напрячься, чтобы заставить слова вылетать изо рта, и они выходили оттуда медленно, звучали неразборчиво, почти так, как если бы их выговаривал кто-то другой.

Том привез ее пообедать в новый итальянский ресторан в Клэпхэме, чтобы отпраздновать день рождения. Между ними произошла ссора, одна из самых худших ссор за все время, и Том бросился вон из ресторана, оставив ее оплачивать счет. Она и теперь, шесть лет спустя, переживала то жгучее смущение, видя лица других посетителей, видя женщину с длинными светлыми волосами, презрительно разглядывающую Чарли через весь ресторан. Та женщина что-то прошептала сотрапезникам, и они дружно разразились хохотом. Потом стало еще хуже. Открыв сумочку, она обнаружила, что не захватила кошелек. Хозяин ресторана позволил ей выйти в холл, запер дверь ресторана и приставил сторожа, пока она звонила Тому.

– И он вернулся?

– Да.

Казалось, микрофон сочувственно ей кивает.

– Двигайтесь обратно во времени, Чарли. Возвращайтесь к дню рождения, когда вам исполнился двадцать один год. Вы можете его припомнить?

Ее веки смежились. Она заставила их открыться, но они медленно закрылись снова, и Чарли почувствовала, что проваливается в мягкую

темноту, засыпает.

– Кемпинг. – Это слово показалось тяжелым. Оно выкатилось из ее рта и улетело прочь, в какую-то бездну. – Том и я. В Уэльсе. В Брекон-Биконс. Шел дождь, и костер никак не загорался. Пили шампанское… бутылку шампанского в палатке. Мы дурачились, и бутылка опрокинулась. Вот тогда-то он и сделал мне предложение.

– Теперь возвращайтесь к шестнадцати годам, Чарли. Почувствуйте себя шестнадцатилетней.

Молчание.

– Вам шестнадцать лет. Посмотрите на себя и скажите мне, во что вы одеты.

– В красную мини-юбку. И белые ботиночки.

– Какие у вас волосы?

– Длинные.

– Вам нравится быть шестнадцатилетней?

– Да.

– Почему?

– Потому что я на людях вместе с Томом.

– И это происходит сегодня вечером?

– Да.

– И что вы собираетесь делать?

Чарли начало трясти.

– Там что-то плохое.

– Что вы видите?

– Шарон Тейт.[7] Убитые люди. Это ужасно.

– И вы находитесь там?

– Нет.

– Что вы делаете?

– Читаю газету. Мы с ним идем в кино.

– Что вы собираетесь смотреть?

– «Ловкого наездника».

– Том ваш приятель?

– Да.

– Когда вы с ним познакомились?

– В день моего рождения.

– Когда вам исполнилось шестнадцать?

– Да.

– Давайте вернемся обратно, ко дню вашего шестнадцатилетия. Вы можете его припомнить?

– Да. – Ее голос звучал невнятно.

– Вы устраивали какую-нибудь вечеринку?

– В одной пивной… С Лаурой… и другими девочками, хотели отметить. Я там обмочилась от выпивки.

– А что вы пили?

– Кубинское «Либре». Он смеялся надо мной.

– Кто?

– Да тот парень. С волосами под битлов. – Она захихикала. – Он-то думает, что он такой крутой. Джо Кул! Он смеется надо мной. А меня сейчас стошнит, вот-вот стошнит.

Голова у нее закружилась. Они помолчали.

– Возвращайтесь в день вашего десятилетия, Чарли. Вы можете припомнить день своего десятилетия?

Образы детства проплывали мимо нее, словно дорожные знаки в ночи. Упаковки лука со стрелами в пластиковых мешочках; мать зашивает набивные игрушки; громко включенный телевизор… Улица Эмерджeнс-Уорд, дом 10. Вьетнам. Проигрыватель-автомат. Неожиданный выигрыш. Пэйтон-Плейс. Застрелили Кеннеди. Похоронили Черчилля. Визжащие китайцы сжигают книги. Человек высаживается на Луну. Она чувствовала запах ковра на полу той гостиной, где она пролеживала часами, наряжая куклу, нянча ее, ухаживая за ней. Куклу звали Флоренс. Принцесса Маргарет вышла замуж за Энтони Армстронга Джонса. Кукла Флоренс тоже вышла замуж. Церемония свадьбы у нее была даже величественнее. Кукла Флоренс вышла замуж за Бинки Пивную Кружку, который был предводителем общества.

– День, когда вам исполнилось десять лет, Чарли.

Воспоминание было неясным. Чарли вдруг начала соображать, что она находится в комнате, перед гипнотизером, и ощутила легкое разочарование. Некоторое время она полежала в молчании.

– Думаю, что я проснулась, – сказала она.

– Ваш десятый день рождения, Чарли, – повторил он.

И ее ноздри наполнили разные запахи зверей.

– Зоопарк. Лондонский зоопарк…

Чарли замолчала. Она снова безмолвно парила где-то. Она открыла глаза. Микрофон виделся расплывшимся пятном, и казалось, что на ее тело набросали мешков с песком.

– Вы можете припомнить день своего четырехлетия?

Ты никчемная девчонка! Глупая, тупая, никчемная девчонка!

– Он кричит на меня.

– Кто кричит на вас?

– Мой папа.

– Почему он кричит?

– Я поехала… велосипед… у меня был красный велосипед… въехала в куст. Он хочет отшлепать меня, вот и запер меня в моей комнате. Мама кричит. Она говорит ему, что это же мой день рождения, но он все-таки намерен держать меня взаперти. Это из-за таблеток он так взъярился. Мама говорит, что таблетки, которые он принимает от болезни, делают его сердитым.

Усталость истощала ее. Время стерлось. Она плыла. Было совершенно темно. Чарли испугалась. Она попыталась проснуться, но не могла. Она попыталась сесть, но не могла пошевелиться.

– Расслабьтесь, Чарли.

Ее тело и эта темнота, казалось, слились воедино.

– Сейчас мы возвратимся назад, Чарли, возвратимся значительно дальше. – Его спокойный голос плавал вокруг нее и, казалось, окружал ее, вроде воздуха. – Сейчас мы должны вернуться в прошлое, во время до вашего рождения. Вы плывете в темноте, плывете в пространстве, в вакууме, все спокойно, мирно, у вас нет никаких тревог, Чарли, вы сейчас едины со своей душой, вы свободны, невесомы, свободны от земной жизни.

Мрачное молчание влекло ее за собой.

– Сейчас вы едины со своей душой. У вас есть полный набор воспоминаний. Время бежит в обратном направлении. Вы свободны в поисках воспоминаний о любом времени.

Затягивающим водоворотом кружилась вокруг нее темнота.

– Теперь думайте о предыдущей жизни, Чарли. Вспомните о своей смерти. Припомните, как вы умерли.

Ее объял ужас. Она начала вертеться, беспомощная, крутящаяся в утекающей куда-то воде, все быстрее и быстрее, подобно какому-то насекомому, утягиваемому в отверстие раковины. Она боролась, колотила по воде, ее руки скользили, крутились еще быстрее, а ее все засасывало вниз, вниз…

Потом она оказалась в ослепительно-белом свете. Солнечный свет нещадно бил сверху, истязая ее, прижимая ее к какому-то холму, стараясь вмять ее в холм, растереть об него. Уныние наполнило ее. Безмерная тяжесть уныния и отчаяния.

– Где вы находитесь?

– На каком-то холме.

– Сколько вам лет?

– Н-не знаю.

– Как вас зовут?

– Н-не знаю.

– У вас есть братья или сестры? Родители?

– Н-не знаю.

– Вы узнаете этот холм?

– Нет.

– Какого цвета ваши волосы?

Она выщипнула несколько волосков.

– Коричневые.

– Вы работаете? Учитесь в школе?

– Н-не знаю. Я не хочу быть здесь.

– Я полагаю, что у вас есть какое-то образование? В какой школе вы учились?

Чарли посмотрела вверх. Сквозь деревья ей были видны тучи. Слезы скользили по ее лицу.

– Почему вы плачете?

Под ее ногами почва была мягкой, слишком мягкой. Она погружалась в нее. Чарли шагнула вперед, и ее левая нога с хлюпаньем освободилась, а правая застряла. Чарли потянула ногу, и та выскользнула из туфли. Опустившись на колени, она погрузила руку в болотистую жижу и стала тянуть.

– Моя туфля. На мне не те туфли. Я должна была быть в сапожках.

– Почему вы плачете? Где вы?

– Н-не знаю.

– Сколько вам лет? Скажите мне, сколько вам лет. Когда у вас в последний раз был день рождения?

– Н-не знаю.

Она снова засунула ногу в туфлю и заковыляла дальше. Что-то задело ее руку, что-то острое, с жесткими краями, от чего она не могла избавиться. Она упала, и это нечто острой болью вонзилось ей в ладонь. Чарли переложила это в другую руку, какую-то маленькую металлическую консервную банку, и поднялась, с усилием вытягивая себя вверх, отталкивая от спины небо, словно оно было рухнувшим на нее тентом. Что-то дребезжало внутри банки. А сверху послышался шум струящейся воды, и Чарли заставила себя идти дальше, сквозь деревья, с хлюпаньем пробиваясь вверх.

– Что вы несете?

Среди звуков леса голос был отдаленным. Чарли приостановилась и

огляделась в темноте деревьев. За ней внимательно наблюдал кролик. И ворона. Внезапно щебетание птиц оборвалось, и наступила полная тишина. И вода тоже остановилась. Появилось ощущение, будто все это королевство животных наблюдает за ней. Тропинка раздваивалась, и Чарли знала, что ей надо идти направо. Она шла дальше сквозь густые заросли папоротника, хрустевшего под ее ногами.

Очертание какого-то камня вырисовывалось среди деревьев, но было неясным из-за слез, наполнивших ее глаза и стекавших по щекам. У основания камня тропка стала сухой, идти по ней было легче. Продолжая забираться наверх, Чарли увидела еще один странный отвесный камень, выдолбленный в центре и по форме напоминавший сердце.

Тяжело дыша от напряжения и всхлипывая, Чарли карабкалась к нему. Огромный гранитный камень на краю небольшого обрыва выглядел так, словно мог опрокинуться в любую секунду. А тропинка шла ниже обрыва, а потом, позади обрыва, вокруг, к вершине. С этой стороны камень тоже походил на сердце, хотя и менее отчетливо. Он казался отсюда даже больше, чем снизу. В нем было добрых футов восемь высоты и футов шесть в поперечнике. Чарли хорошо знала его. Камень был покрыт вырезанными надписями, инициалами, и они тоже были ей знакомы.

«П. любит Э. Крис люб. Лени. Мэри и Уилф. Дэн и Рози. Эдвард любит Гвенни. Д. любит Б. Дж.».

– Вы узнаете какие-нибудь из инициалов?

Она сглотнула слюну, уставившись вниз на *«Д. любит Б. Дж.»,* и еще сильнее стиснула банку в руках. Подойдя к кустарнику позади камня, она опустилась на колени, ослепленная на некоторое время слезами. Потом она разгребла увядшие листья и выкопала норку в сырой земле. Когда глубина норки стала около фута, Чарли положила туда банку, забросала ее землей и накрыла листьями.

– Почему вы закопали это?

Поднявшись и утоптав землю ногами, Чарли побрела через кустарник, к крутому берегу, в направлении небольшого водопада. Она уже чувствовала капельки воды на лице, руках и ногах, и по мере того как подходила ближе, вытянув вперед испачканные руки, эти капли превращались в непрерывные и все более плотные, пока она не оказалась у самого водопада. Поток брызг сначала показался приятным, но потом крошечные иголки воды обрели тяжесть, пока, наконец, своей тяжестью не стали причинять ей боль.

Чарли попыталась отодвинуться, но натолкнулась на стену и завертелась волчком. Ее же лицо смотрело на нее из зеркала.

– Комната, – вымолвила она, но странно: ее лицо в зеркале не шевельнулось. – Мне не нравится эта комната, – сказала она.

– В какой комнате вы находитесь?

– Мне не нравится комната. Я не желаю быть здесь.

– Где это?

– Она мне не нравится. Я не хочу быть здесь. Пожалуйста, я не хочу быть здесь. Пожалуйста, заберите меня отсюда.

В зеркале позади нее вырисовывалась какая-то фигура.

– Нет!

Зеркало взорвалось паутинообразными трещинами. Зазубренный осколок упал к ее ногам.

– Заберите меня отсюда! Заберите меня отсюда! Вон отсюда! Пожалуйста, заберите меня отсюда! – Изо всех сил она колотила себя кулаками. Ужас душил ее, зажимая голос. *– Побыстрее, вон отсюда! Пожалуйста, заберите меня отсюда! Пожалуйста! О, пожалуйста!*

…Чье-то лицо с тревогой смотрело на нее.

– Чарли, просыпайтесь. Все в порядке.

Ужас все еще захлестывал ее. Она отчаянно билась на кушетке.

– Чарли, все в порядке.

Это странное лицо с пробором. Бакенбарды. Глаза, похожие на булавочные головки, под толстыми линзами очков. Все исчезло, и раздался щелчок. Яркий свет разлился вокруг нее, а потом над ней снова возникло это лицо.

– Все хорошо, Чарли. Вы в безопасности.

Она чувствовала себя так, словно лежала в воде, и она стекала по ее лицу, по шее, плечам, животу. Чарли вытянула руки и, оттолкнув одеяло, сразу ощутила холод. Она все еще лежала в изнеможении и смотрела вверх, в его близорукие глаза.

– Что… – Ей потребовалось сделать усилие, чтобы заговорить. – Что случилось?

– Вы заново переживали что-то неприятное в вашей прошлой жизни, – мягко сказал он. – Это хорошо. Лишь заново переживая отрицательный опыт предыдущих жизней, мы можем освободиться от травм, воспоминания о которых сохраняются в телесной оболочке.

В горле Чарли стоял удушающий ком страха.

– Это ужасно, – сказала она. – Кошмарно. Не было никакого смысла… как в дурном сне.

– Сна здесь не было. Вы находились в прошлой жизни. – Он посмотрел на часы. – Боюсь, на этом нам придется остановиться. Мы превысили время, и у меня назначен другой сеанс. Я передам вам записи.

– Я думала… у меня в распоряжении два часа.

– Сейчас три часа дня, – сказал он.

– Три?! Это невозможно! Значит, прошло около трех часов? Да я же находилась здесь всего несколько минут… ну, десять минут… не может быть, чтобы…

– Путешествие в предыдущие жизни требует времени. Вы находились здесь довольно продолжительное время.

Чарли покачала головой, сбитая с толку, и попыталась двинуться, но чувствовала себя совершенно опустошенной.

– Необходимо провести еще один сеанс, – сказал он. – Мы не должны оставлять это в таком виде, с открытой раной. Надо выяснить побольше.

Она уставилась на него, с трудом приходя в себя.

– Вы разговаривали не своим голосом. Попробуем выяснить, кем вы были и что вы там зарывали в банке. И что терроризировало вас.

– Почему? – вымолвила она.

Ее голос прозвучал как писк ужаса затравленной твари, застигнутой ночью на открытом пространстве, вдали от своего гнезда, от своего логова, от своей матери…

– Предыдущие жизни – часть нашей души, Чарли. Когда мы возвращаемся туда, мы как бы взбаламучиваем их, переступаем узы времени. Я не хочу, чтобы вы начали блуждать в своих воспоминаниях или внезапно испугались и не знали отчего. Может быть, вы обнаружите, что многие ваши нынешние страхи имеют отношение к происшествию в другой жизни. Если мы поймем, что произошло, выясним причину, то сможем помочь вам.

– А если мы не сумеем этого сделать?

– Мы не должны останавливаться на полпути, – сказал он. – Не думаю, что это было бы мудро.

Он улыбнулся с некоторым самодовольством, чем расстроил ее. Она дрожала, потому что страх продолжал блуждать в ее жилах.

– Я все-таки не понимаю…

– Поймете, – сказал он. – Вы все поймете.

13

– Мы были знакомы раньше, – сказала Лаура. – В одной из предыдущих жизней. – Она приблизила рюмку к своим губам и внимательно посмотрела в его глаза. – Мы были любовниками.

Том покраснел, отвел глаза в сторону, потом снова взглянул: она все еще смотрела на него. Он поднял рюмку и усмехнулся.

– Когда?

– Какое приятное вино, – сказала она заплетающимся языком.

– Тридцать восемь лет бывает только однажды.

– Вы в этом уверены? – Она чокнулась с ним.

Чарли наблюдала за Томом и Лаурой, сидевшими в тени подвесных ламп, в конце двух столов, которые они соединили вместе, и думала, о чем это они столь серьезно разговаривают. Положив локти на стол, Лаура наклонилась к Тому. В белом жакете с большой кварцевой брошью она выглядела прекрасной, и, в сравнении с ней, Чарли почувствовала себя просто замарашкой. Ее огорчало, что она прибавила в весе с тех пор, как они переехали, хотя и совсем немного.

Над столом плавал дым от жарящегося мяса. Из динамика, который Том взял в гостиной, мягко звучал голос Боба Дилана. Том всегда на свой день рождения заводил старые пластинки.

– Летучие мыши обычно висят вверх ногами. Вам это известно? – едва различила Чарли из-за болтовни вокруг голос Ричарда Ховарта.

– Вы просто молодцы, что так быстро устроили прием, – сказал Майкл Ом, сидевший справа от нее.

Его мексиканские усы, как бы компенсируя расширяющееся на макушке пятно лысины, становились все гуще и гуще. Он подтолкнул свои очки в красной оправе повыше на изогнутый нос. Один из партнеров Тома. На вид нетипичный. А архитекторы выглядели как банкиры. Перемены. Жизнь безмолвно утекала, словно песок сквозь пальцы.

Чарли вздрагивала. Дневная жара бабьего лета ушла, и темноту наполнила влажная прохлада. Гости натягивали на себя пуловеры, потирали руки. Скоро им придется перебираться в дом.

Лучший приятель Тома Ричард Ховарт был здесь со своей подружкой Луизой, архитектором-декоратором по интерьерам. Джон Орпен, бухгалтер Тома, и его жена Сью пытались разговорить совершенно пьяного Джулиана Гарфилд-Хэмпсена. В ответ на предложение Чарли пригласить Хью для

Лауры Том подал неплохую мысль о Джулиане и Зоэ. Чарли была рада, что он стремился завести друзей среди соседей.

Лаура не обращала внимания на Хью. Сватовство всегда было для нее трудным делом. Она, кажется, сама не знала, чего хотела. Не желая сохранить брак, который можно было бы спасти, и не объяснив Чарли почему, Лаура неистово сражалась за опеку над двумя своими девочками, отправив их между тем в школу-пансион: ей-де надо заняться собственным магазином.

– Как вы находите это место в сравнении с Лондоном? – спросил Майкл Ом, утерев усы после супа.

– Здесь все чужое, – ответила Чарли. – Но зато приятно познакомиться с матушкой природой. И кроме того, этим утром мы на завтрак ели свои яйца… и это только начало. Мы тут сажаем всевозможные овощи. Некоторые из местных магазинов могут довести до истерики. Здесь продают только один сорт хлеба – белый, ломтиками. Вы можете себе представить такое?

– Джиллер – просто жулик! Настоящий мошенник!

Взрыв смеха донесся из кресла Хью Боксера, с другого конца стола. Он сидел ссутулившись, в смятой парусиновой куртке, глаза его неистово сверкали. На суховатой коже его лица явственно проступали морщины.

– Да как вы можете говорить такое? – Зоэ Гарфилд-Хэмпсен возбужденно попискивала тонким девичьим голоском, и ее груди от негодования едва ли не выпрыгивали из низкого выреза платья. – Я видела его собственными глазами, видела, как он это делал!

Одна из подвесных ламп замигала, на мгновение погасла и снова загорелась, с угрожающим треском. Боб Дилан смолк на полуслове, за столом потускнело. Чарли посмотрела на дом. Огни погасли и там. Потом разом отключились две подвесные лампы, погрузив их всех во мрак. Чарли ощутила порыв холодного воздуха, словно за ее спиной распахнулась дверца холодильника. Кто-то завыл, как призрак.

– Замыкание на всей линии, – сказал Том. – Сейчас я исправлю. Не пройдет и секунды. – Раздался звук разбитого стекла. – Тьфу ты, сволочь! – выругался он.

Джон Орпен чиркнул зажигалкой и приподнял стеклянную крышку подвесной лампы, висевшей прямо перед ним.

– Фитиль слишком низок.

Он зажег лампу и поднял ее вверх. Все одобрительно зашумели, когда в доме разом загорелись несколько огней и снова запел Боб Дилан. Том вернулся из дома.

– Мы здесь поменяли всю проводку, – сказал он, – но электрики что-то напутали.

– Наверно, сделали слишком чувствительное соединение, – пробормотал Майкл Ом.

– Суп был совершенно великолепен, – сказала Сью. – Не могли бы вы дать рецепт?

Чарли принялась убирать со стола. Лаура последовала за ней в кухню с большой стопкой тарелок, которые она рискованно поставила на стеллаж, приспущенный Чарли. Посмотрев на каркас на шкивах для сушки одежды, она потянула за шнур. Каркас поднялся и опустился, закачавшись над ними. Лаура была навеселе, и Чарли удивилась: прежде подруга редко пила много.

– Ка-к-кое отличное место. Тебе повезло! Ужасно завидую! – Она снова потянула за шнур, каркас поднялся и опустился, и Чарли почувствовала легкое раздражение. – Так скажи-ка мне, как у тебя прошло с Эрнестом Джиббоном? Что ты о нем думаешь?

Тени от перекладин каркаса покачивались по полу, пока Чарли загружала тарелки в посудомоечную машину.

– Думаю, что он страшноватый.

– Он замечательный! – с негодованием пробубнила Лаура. – Так-к-кой очаровательный мужчина!

– Том послушал записи… во всяком случае, кусочки из них. Он говорит, что Джиббон подсовывал мне мысли.

– Он никогда такого не делает. У него потрясающая репутация.

– И все же я была шокирована, это похоже на жульничество. После его сеанса я чувствовала себя запуганной, но что странно – хочется вернуться назад и выяснить, что произойдет дальше.

Лаура снова потянула за шнур.

– Нет, я не думаю, что это жульничество.

Каркас жалобно заскрипел и с грохотом обрушился на пол. Лаура с удивительной для пьяной женщины резвостью отпрыгнула, с треском врезавшись в холодильник. В ошеломленном молчании Чарли уставилась на дело рук своей подруги.

– Извини, – сказала Лаура, с досадой глядя на шнур. – Я забыла его закрепить.

Том перевернул над огнем свиные отбивные и сосиски. На красных угольках плевался и шипел жир. Щурясь от палящего жара и дыма, Том проткнул пару картофелин в кожуре и перевернул каждый из сладких

плодов, потом нетвердо отступил назад и сделал большой глоток вина. Отблески ламп и затененные фигуры за столом мелькали от него примерно ярдах в пятидесяти, но темнота и действие спиртного не позволяли разглядеть лица.

Чьи-то руки обвили его талию.

– Привет, – спокойно и просто сказала она.

Он почувствовал запах ее духов, ощутил легкий нажим рук.

– Еще не совсем готово, – сказал он, поворачиваясь.

Глаза Лауры в упор смотрели на него, ее рот изогнулся в улыбке в слабых отблесках угольков. Она прошептала:

– Мне нравится смотреть на тебя.

Он растерянно улыбнулся:

– Я часто замечал твой взгляд с другого конца комнаты на вечеринках. Мне нравится, когда ты смотришь на меня.

Сначала его касались кончики ее пальцев, потом, нежно стискивая, ее пальцы обвились вокруг его тела. Они с Лаурой, должно быть, тоже были в тени. Он на это надеялся.

Лаура вытянулась на носках туфель и прижала свои мягкие губы к его губам. «Куда мягче, чем у Чарли», – подумал он, прежде чем отстраниться, взять ее запястье и повести за дерево. На этот раз их поцелуй длился дольше, и он прижал ее к дереву, внезапно охваченный порывом пьяной похоти. Его рука скользнула под ее жакет, под блузку, пальцы бегали по грудям, в то время как она старательно терлась бедрами о его твердеющую мужскую плоть. Том отстранился и озорно скосил глаза.

– Что мы делаем?

– Балуемся.

Она дерзко улыбнулась и, обхватив его голову, поцеловала. Рука Тома блуждала под юбкой, по нейлону колготок и гладкой коже живота, а потом проскользнула внутрь и прошлась по обнаженной коже ягодиц. Он попытался спустить колготки, на что она закачала головой, все еще целуя его и шепча:

– Ух… Ох… нет!

Оторвавшись от нее, он украдкой посмотрел за дерево.

– Мы могли бы быстренько подрыгать коленками.

– Нет!

Он неумело возился с колготками.

– Перестань! – сказала она. – Ты разве не чувствуешь, там что-то подгорает.

Том повернулся к огню. Пламя плясало вокруг отбивных.

– Черт подери!

– Мне лучше вернуться и присоединиться к остальным, – сказала Лаура. – Где у вас туалет?

– Наименее пещерный наверху лестницы, повернешь налево – и вторая дверь справа.

Все запели заздравную, когда Чарли вынесла испеченный деревенским булочником торт, украшенный для такого случая орнаментом, и надпись *«С днем рождения, Том»,* несмотря на лес свечей, просматривалась. Ветер задул большинство из них, а потом Том загасил остальные. Раздался шум аплодисментов и хриплые крики: «Тост! Тост!»

Его лицо превратилось в колеблющееся пятно. Чарли почувствовала глубокое беспокойство. Запах жареного мяса раздражал ее. Языки пламени с горящих угольков лизали чернильную темноту. Тишина сжималась вокруг нее, постепенно вытесняя улыбающиеся лица, крики и смех.

Она была здесь раньше. И видела вот эти огоньки. Видела того старика, ковыляющего между деревьями по направлению к ней. А девушка карабкалась вверх, к той скале, с консервной банкой в руке и плакала.

– Готов отдать пенни, чтобы узнать, о чем вы думаете.

Она испуганно обернулась. На месте Майкла Ома сидел улыбающийся Хью.

– Извините, – сказала она, вздрагивая и потирая руки. – Холодновато. Не перейти ли нам в дом?

– Скоро перейдем.

– Вы помните, Хью, разговор в трактире, ну, по поводу старых привидений?

– Да, – сказал он, вынимая изо рта трубку. – Ничего, если я…

– Я люблю трубочный дым, – сказала она. – А вы когда-нибудь возвращались в прошлые жизни?

– Под гипнозом?

– Да.

Он куснул черенок трубки и приподнял голову. Глаза его сузились. Он понизил голос:

– Я же говорил вам, вокруг масса любителей. Не ввязывайтесь вы в это.

– А я думала, что вы верите в перевоплощение.

– Я не верю в игры с оккультными явлениями.

– Игры?

Будто остатки сухого льда крутились в ее венах. Хью беспокойно

оглядывался.

– Извините меня за автомобиль, – сказал он, внезапно меняя тему разговора.

Автомобиль «триумф». Жевательная резинка. Она попыталась взять свою рюмку, но рука так сильно дрожала, что Чарли едва ее не опрокинула. Она почувствовала, что щеки ее заливает краска.

– Я должен заплатить вам компенсацию за парковку, – сказал он.

– Нет-нет. Совсем не должны. Это же… ну, словом, вы можете оставить его там.

Во рту ее стоял мятный привкус. Жевательная резинка. Послышался глухой стук, что-то зазвенело. Хью наклонился и подобрал ее вилку.

– О, спасибо… – Она вытерла вилку своей салфеткой. – Ради бога, держите там автомобиль столько, сколько пожелаете.

– Еще несколько дней мне бы не помешали. – Он разжег трубку старой зажигалкой. Порыв ветра выхватил из трубки горячий пепел, и Хью прикрыл рукой чашечку трубки. – Вы уже основательно изучили здешние окрестности?

– Нет, не вполне.

– Они представляют весьма интересную часть планеты, богатую старыми энергетическими потоками. Это место принято считать совершенно обреченным.

– Ведьмы на помеле, да?

– Что-то в этом роде. – Он ухмыльнулся и пососал трубку. – Вы ходили к Желанным камням?

– Где они?

– Это довольно приятная прогулка. Вы поднимаетесь вверх через лесок по дальней стороне пруда, после болотистого кусочка идете от развилки вправо и дальше по прямой.

– Почему они называются Желанными камнями?

– Это языческие священные камни… я не знаю, каким образом язычники затащили их туда, если только они не вырубили их прямо из самого холма… У местных жителей есть поверье, что, если вам что-то очень сильно понадобится, принесите камням подарок.

– Жертву?

Его трубка погасла.

– Нет, не живую жертву, но это должно быть что-то личное. – Его зажигалка заклацала, и он втянул пламя вниз, в чашечку трубки. Когда густой голубоватый дымок поплыл над ее головой, Чарли осторожно потянула носом. – А если вы хотите, чтобы ваша любовь была вечной, вы

должны вырезать свои имена на камне Возлюбленных. И если ваша любовь угасает, вы приносите камню дар, и он снова приводит все в порядок.

– А как выглядит этот камень? – спросила она после некоторого молчания.

– Вы его ни за что не пропустите. По форме он похож на сердце.

14

Чарли не могла заснуть. Птичий гомон, рев воды и будоражащие мысли не давали ей покоя.

Том тоже не спал, ворочаясь рядом с ней. Вот он встал и пошел в туалет. Немного погодя он снова поднялся, сходил в ванную и вернулся с шипящим стаканом.

– Что с тобой? – спросила она.

Кровать прогнулась, когда он уселся.

– Господи. В Лондоне было спокойнее. Мы не можем заставить этих проклятых птиц заткнуться?

Небо было серым, грозовым, дул сильный ветер. Послышалось клацанье велосипедной цепи, и по гравию заскрипели покрышки. Бен, лая, побежал к дверям спальни.

– Газеты, – сказал Том.

– Как тебе понравился прошедший вечер?

– Хорошее развлечение. – Он прищурился.

– Вы с Лаурой много болтали.

Размешав раствор таблеток «алказельцер» ручкой своей зубной щетки, он немного отпил и скорчил гримасу.

– И о чем это вы болтали?

Он помолчал, а потом пробормотал:

– Да ничего особенного.

Окно задребезжало, и порыв прохладного воздуха прошел по ее лицу.

– Не слишком-то хорошая погода для твоего крикета, – сказала Чарли.

– Может, еще прояснится.

– Что ты будешь делать сегодня утром?

– Да думаю начать обдирать гостиную. Нет никакого смысла красить что бы то ни было, пока они вертятся тут повсюду со своими половыми досками.

Чарли зевнула, оглядывая голые стены, необработанные бревна и низкий, неровный потолок. Она все еще чувствовала себя в комнате посторонней, чувствовала каждое утро, словно просыпалась в гостинице, а не *дома*.

– Тебе завтра возвращаться на работу, – сказала она. – Конец отдыху.

Том кивнул.

– Ты будешь в Лондоне на этой неделе? – спросил он.

– Завтра. Собираюсь повидать маму и еще обещала помочь Лауре парочку часов. Деньги не помешают, – добавила она оправдывающимся тоном.

– Они даже не покроют цену билетов на поезд.

Том встал, чтобы закрыть окно.

– Как раз собиралась сказать тебе, я видела недорогие кухонные секции.

– А есть ли сейчас в них какой-либо смысл? Мы вполне могли бы и подождать.

– Но там, в кухне, так тоскливо. Так вот годы и пройдут, пока…

Он юркнул в ванную. Звуки хлынувшей из кранов воды сменились шипением душа. Она сказала погромче:

– Мне в самом деле хотелось бы работать.

– Почему?

– Потому что я сыта по горло тем, что у меня нет собственных денег. Всякий раз, когда я трачусь на что-то, испытываю чувство вины.

Том просунул голову в дверь.

– Это же не навсегда. После того, как мы… – Он поколебался. – Знаешь, когда мы заведем детей, ты сможешь снова вернуться.

– Только не на прежнюю работу.

– Твоя прежняя работа просто убивала тебя.

– Она меня устраивала.

Ей нравилась постоянная загруженность. Босс, конструировавший модные штучки-дрючки, был фанатиком работы, и Чарли это заражало. Она приходила в контору к семи утра, домой же редко попадала раньше восьми вечера. Она ездила в Европу по меньшей мере раз в две недели, раза два в году – в Штаты, а время от времени и на Дальний Восток, – покупая, экспонируя, наблюдая… Работалось с интересом. Да и оплачивалось хорошо.

– Парочка новых секций, да еще лизнуть краской – и кухня будет прекрасно выглядеть, прежде чем мы сможем позволить себе отделать ее по-настоящему.

– Если бы ты поместила свою мать в какое-нибудь место подешевле, мы бы уже сейчас много чего смогли себе позволить.

– Я надеюсь, ты вспомнишь об этом в тот день, когда твой собственный отец станет старым и немощным, – рассердилась Чарли.

Первый камень вырисовывался из-за леса прямо над ней. Чарли перебралась через поваленную березу и остановилась у края большой

полянки, чтобы перевести дыхание. Темный лес окружал ее, пугал. Бен тоже остановился, возможно что-то почувствовав, и терся мордой о ее ногу.

Она забралась сегодня дальше, чем когда-либо, от того места, где встретила старика, командира Леттерса… или вообразила его… или видела искривление времени, подобно причудам атмосферных явлений. Или, может, встретила совершенно другого, какого-нибудь невинного старого чудака с рыболовной удочкой, и передала его слова не тому лицу.

Чарли занервничала, опасаясь встретить его опять.

Между деревьями, в темноте, она увидела непонятную тень, двигавшуюся ей навстречу. Чарли отступила назад, по ее телу поползли мурашки, и тут она сообразила, что это всего лишь трепещущий на ветру, за деревом, куст.

Пара глаз наблюдала за ней из-под увядших листьев, откуда потом выскочил и удрал через подлесок кролик. Бен его не заметил. Чарли похлопала пса, радуясь его компании.

– Хороший мальчик, – прошептала она.

Тропа шла сквозь папоротник. Чарли карабкалась все выше, под выступ этого камня, мимо узкой расщелины, из которой воняло мочой и где валялся использованный презерватив. Далеко-далеко позади она, как ей показалось, услышала крик ребенка и ответивший ему женский голос.

Разглядев чуть повыше второй камень, Чарли остановилась. Вне всякого сомнения, это был тот самый. Даже речи быть не могло о том, что это какой-то другой камень, и, может быть…

В форме сердца, определенно в форме сердца. Он покоился на вершине небольшого выступа, вырисовываясь темным силуэтом на фоне беспокойного неба. Это был камень, увиденный ею под ретрогипнозом.

Пристально глядя на него, Чарли пыталась вернуться в детство, вспомнить те загородные прогулки, на которые ее брала мать. По воскресеньям они ездили на автобусе или на поезде за город. Как бы тяжело им ни приходилось, мама настаивала на еженедельной экскурсии. Может, они приезжали сюда в одно из воскресений? Или она видела камень в кинофильме? По телевизору? В какой-то книге? Хью говорил, что это древний монумент, заколдованный камень. Может, она видела его фото в журнале или в документальном фильме?

Перелезая через небольшие камни, Чарли взобралась на крутой узкий склон выступа. Перед ней был камень в форме сердца, а позади нее – кустарник.

Чарли жадно глотала воздух. Дул резкий ветер. Камень – массивная гранитная глыба, с глубокими трещинами и пятнами лишайника –

поднимался окруженный засохшим папоротником, весь покрытый надписями: именами, инициалами и посланиями, грубо вырезанными, по большей части выветрившимися и едва различимыми:

«П. любит Э. Крис люб. Лену. Мэри и Уилф. Дэн и Рози. Эдвард любит Гвенни. Д. любит Б. Дж».

«Д. любит Б. Дж».

Она присмотрелась. Да, *«Д. любит Б. Дж.»* Те самые инициалы, которые она видела во время ретрогипноза, словно знала их.

Чарли коснулась камня: на ощупь он был твердым, гладким и холодным. Тишина. Бен носился внизу, ломая папоротник. А здесь, наверху, царила тишина. Только легкий шум ветра. Она снова прочитала инициалы.

Совпадение? Шуточки сознания? Вроде той жевательной резинки? Тех конюшен? Того мужчины с рыболовной удочкой?

«Д. любит Б. Дж».

И та консервная банка. Банка, которую она притащила сюда, наверх, во время ретрогипноза. Только происходило ли это и вправду здесь? Сердце бешено колотилось. «Китайская коробочка»,[8] – сказал бы Том с ухмылкой. Эта китайская коробочка была ни на что не похожа. Ты закапываешь в землю жестянку, полную червей. А когда откапываешь ее пару недель спустя, то черви уже сожрали друг друга. Остался только один, жирный, сочный, сумевший выжить.

Она припомнила эту точку. Там, в кустарнике, не будет и десяти футов отсюда. Она подошла к густому подлеску, где что-то посверкивало. Волнение ее росло, но когда она раздвинула кусты – стихло: Чарли увидела простую стекляшку от разбитой бутылки. Она отбросила ее и опустилась на колени.

Вот она, эта точка, здесь.

Чарли поднялась и побрела прочь, чувствуя себя глупо. Глядя вниз, на чудесный пейзаж, она попыталась сопротивляться, но ее тянуло назад, и, вернувшись, она снова опустилась на колени. На этот раз Чарли копала руками, забивая ногти песчаной почвой. Появился Бен и лизнул ее в лицо, полагая, видимо, что она играет в какую-то игру.

– Хорошо, малыш, помогай-ка мне рыть! Там закопаны здоровые кости!

Он сел и заскребся. Чарли углубилась на несколько дюймов и почувствовала что-то жесткое, оцарапавшее ей палец, разгребла вокруг почву и увидела, что это кусочек камня.

Она расширила норку, ободрав до боли руку о какой-то другой острый камень. Под ним Чарли ощутила холодную слизь червя, прилипшего к ее пальцу, и с гримасой стряхнула его прочь.

«Глупо», – подумала она, вставая. Бред какой-то. Нужна лопата. Надо было принести какую-нибудь лопату. Она стряхнула с рук землю и уставилась на выкопанную ею небольшую кротовую норку. Часы показывали без четверти одиннадцать. Капля дождя ударила Чарли по лицу. Она сгребла мыском сапога землю обратно в нору и, плотно утоптав, поспешила к дому, то пускаясь бегом, то переходя на шаг.

Уже перевалило за полдень, когда она вернулась к камню. Дыхание перехватывало, по телу струился пот.

Несколько минут Чарли посидела, прислушиваясь к тишине, к ветру. На небе появлялись голубоватые прогалины, стало светлее. Она повертела мастерок в руках. Заржавленный старый инструмент, с затвердевшей коркой земли по краю, был слегка изогнут.

Она огляделась.

В оранжевых непромокаемых плащах позади нее устало тащились вверх по тропе туристы, но на развилке они свернули в другую сторону. Ветер трепал волосы, бросал их в лицо Чарли. Какой-то голос внутри нее шептал: *«Возвращайся назад! Брось ты это!»*

У кустарника Чарли опустилась на колени. Ее пульс бился у основания большого пальца правой руки, словно кто-то защемлял там кожу. Она ощутила непонятную пульсацию в правой руке выше кисти и щекотание в глубине горла. Еще раз она посмотрела вокруг, а потом начала рыть.

Спустя полчаса небо еще немного прояснилось. Чарли выкопала воронку дюймов в восемнадцать глубиной и все думала: «А чья, собственно, это земля и разрешено ли здесь кому бы то ни было выкапывать ямы? Может, это земля фермера? Или государственная собственность? Не появится ли вот-вот из-за деревьев рассерженный лесничий?»

Бен убежал куда-то, и Чарли почувствовала себя очень одинокой и беззащитной. Тишина стояла жутковатая. «Брось ты это, нет здесь ничего. Никакой жестянки». Она воткнула мастерок в землю, испытывая разочарование и размышляя, стоит ли продолжать рыть, машинально надавила на ручку своего инструмента, и тут-то прозвучал металлический звон.

Она застыла.

Приподняв мастерок на дюйм, Чарли еще раз толкнула его вниз. И снова донесся звон, но уже глуше. Сначала она рыла осторожно,

осматривая все вокруг, но потом отбросила мастерок и стала копать руками. Что-то острое оцарапало ей палец, и в грязь упала капелька крови. Она опять взяла мастерок, срезая почву по обе стороны.

И наконец, Чарли, как рычагом, подняла мастерком маленький, облепленный грязью предмет. Он был легким и едва ли весил больше, чем прилипшая к нему земля. Внутри предмета что-то дребезжало, потому что руки у нее дрожали.

Лезвием мастерка Чарли соскребла грязь. Проступил поцарапанный и помятый металл. Небольшая прямоугольная консервная банка, три дюйма в поперечнике и дюйм в высоту. Местами ржавчина почти прогрызла стенку банки насквозь. Чарли обхватила ее ладонью, и тогда ей послышался голос Эрнеста Джиббона:

– *Что вы несете? Почему вы закопали это?*

Это была та самая консервная банка, которую она несла, но только та была блестящая, новая. И все же Чарли была уверена, что эта та самая банка. И боялась ее открывать.

Она заглянула в воронку. Две половинки червяка извивались на дне. *Порой, когда ты открываешь эту консервную банку, червяк оказывается больше, чем ты ожидаешь.*

Крышка не поддавалась. Чарли еще раз попыталась приподнять ее, но крышка не шелохнулась. Тогда она сунула под нее лезвие мастерка и повернула его как рычаг. Край крышки загнулся вверх, потом со слабым шипением сжатого воздуха и звучным хлопком освободился и упал в норку.

В консервной банке лежал медальон в форме сердца.

Чарли оцепенела. Ярко-красное эмалевое сердечко, размером в дюйм, с потускневшей золотой, холодной как лед цепочкой, которая, выскользнув, свешивалась вниз с ее запястья. Цепочка тускло посверкивала в свете солнца, прорвавшегося сквозь тучи. Чарли прищурилась.

Она знала этот медальон. Знала, что внутри него обнаружит аккуратно сложенную записочку. Сердце ее трепетало, глаза затуманились. Вынув из банки ставшими вдруг неповоротливыми пальцами медальон, она увидела крошечную петельку и еще меньше застежку, хотя и немного заржавевшую, но все же сдвинувшуюся под нажимом ногтя ее большого пальца. Внутри медальона приютился микроскопический кусочек бумаги, пожелтевший, хрупкий, сложенный несколько раз. Ветер заволновал его, и Чарли закрыла медальон, боясь, что листок сдует. У нее кружилась голова.

Она намочила пальцы слюной и вытерла их о джинсы так чисто, как смогла, после чего, защищая крохотный квадратик от ветра, вынула его и развернула. Расплывшиеся, смазанные чернила побурели от времени,

бумага же стала такой ломкой, что Чарли испугалась, как бы она не рассыпалась. Почерк едва различался:

«Дорогой Камень, я люблю его. Пожалуйста, верни мне его. Барбара».

– Что это вы делаете?

Внутри нее будто потянули за рычаг, переключивший течение ее крови с медленного на быстрое. Незнакомый маленький мальчик с каштановыми волосами и серьезным веснушчатым лицом внимательно смотрел на нее.

– Вы загадываете желание? – спросил он.

Она кивнула, выдавив из себя слабую улыбку.

Женский голос окликнул:

– Тимоти! Пойдем, дорогой мой!

Малыш скрылся из вида.

– Мам! Мама! Там какая-то дама наверху, она загадывает желание!

Лицо Чарли покраснело от смущения. И от чувства вины. Чужой медальон, чужая записка. Она не имела никакого права раскапывать, читать, подглядывать…

Положив листок на старое место, она плотно закрыла консервную банку с медальоном и опустила в норку. Потом насыпала мастерком землю и утрамбовала ее. Когда она вернулась, чтобы уйти, мальчик снова появился рядом.

– Это ваша собачка? – спросил он.

– Да.

– А как ее звать?

– Бен.

– Я тоже здесь загадывал желание, – сказал он.

– И что же ты пожелал?

– Я пожелал, чтобы этот камень помог моему папе выздороветь.

– И помогло? – улыбнулась Чарли, испытывая облегчение, что она не одна.

– Не-а. – Его лицо сморщилось. – Он так и умер.

15

Том набрал четыре очка первым же мячом.

– Я знал, что он может отбивать, – угрюмо сказал Вик, хозяин «Георгия и Дракона», словно он смазал подачу. – Я всегда могу отличить хорошего отбивающего, как только увижу.

– Отлично сделано, дорогой! – завопила Чарли, аплодируя громче всех.

Она стояла рядом со столом для чая, наблюдая, как подающий игрок меряет шагами расстояние для разбега, потирая мячом левую ягодицу. Вот он начал разбегаться: медленно, быстро, медленно, быстро… Мяч пронесся по воздуху и после промашки Тома миновал охраняющего воротца.

– Так вот! Вперед! – заорал отбивающий на дальнем конце, уже находившийся на полпути к разделительной черте.

Том успел добежать до дальней черты задолго до того, как принимающий игрок коснулся мяча. Раздались новые аплодисменты. Принимающие игроки ждали, когда второй отбивающий займет свое место.

Чарли почувствовала каплю дождя на лице. Лежавшие на козлах-столах салфетки под кексами трепетали на ветру. Тявкая, носился между ножками стола терьер Виолы Леттерс. Присев на корточки, Чарли потрепала собаку и пощекотала ей грудь.

– Ну как, паренек, может, подружимся, а?

Пес на пробу лизнул ей руку. Подошел раздувшийся от предохранительных подушечек Хью Боксер, с потрепанной битой под мышкой. Его экипировка – натянутая на лоб шапочка, вышедший из моды университетский значок для крикета да мешковатые белые брюки – хорошо соответствовала близкой ему атмосфере уходящего аристократизма.

– Чертовски великолепный удар, – сказал он. – Дерзкий удар для открывающего. Похоже, Том хороший игрок.

– Раньше был очень хорошим.

– Таким и остается. Кстати, спасибо вам за прошлый вечер, – сказал он.

– Надеюсь, он вам понравился?

– Это был отличный вечер. Лаура – сообразительная девушка. – Его глаза смотрели испытующе.

– О да, – ответила Чарли. – Я сегодня утром поднималась к этим камням, ну, к Желанным.

– В самом деле?

– Вы были правы: довольно приятная прогулка. – Она мельком взглянула на ногти, еще не до конца очищенные от грязи. – А этот вот обычай… закапывать вещи… он все еще существует?

– Вы, возможно, застали того странного ребенка, который делает это время от времени. Я думаю, что люди в наши дни стали менее сентиментальны.

Он нагнулся, чтобы потуже закрепить ремешок на одной подушечке. Послышался хруст, и на поле все стихло. Позади отбивающего средняя спица воротцев была отогнута назад. С облегчением она увидела Тома на другом конце поля.

– Пришел мой черед, – сказал Хью и ухмыльнулся.

– Удачи вам!

– Да, мне она пригодится.

Защитные подушечки захлопали по его телу, когда он широко зашагал к полю, натягивая перчатки. Чарли прикинула, что здесь собралось сотни две людей, толпившихся вокруг палатки с благотворительной распродажей и лотереей и сидевших на скамьях перед крохотным павильоном. Раскинувшись на ковриках для пикника, несколько семей лежали вдоль границы поля. Комментируя матч из-под зеленых солнцезащитных козырьков, два старых хрыча сидели в шезлонгах перед деревянным судейским столом.

Пока двое других игроков по очереди подавали ему мячи, отбивающий стоял у тренировочной сетки. Каждый раз он отбивал подачу легким мастерским касанием. С крохотной битой и резиновым мячиком группка детишек играла свой матч. Гамбургеры и бутерброды с сосисками шипели на большой сковородке. На ветру с риском улететь раскачивался плакат: «БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ МАТЧ ЛИГИ».

– Почем пирожное «корзиночка»? – спросил подошедший ребенок.

– Двадцать пенсов, – ответила Чарли.

Он вручил ей замусоленную монетку, которую она бросила в жестянку, и взял себе розовое пирожное.

На скамеечке для дойки коров у стола на козлах, заставленного перевернутыми на блюдцах чашками, стояла Виола Леттерс, заглядывая в массивный стальной самовар. Послышались вялые хлопки аплодисментов, когда Хью добрался до разделительной линии, а неудачливый отбивающий вернулся к товарищам по команде.

– Не везет, Джонни!

– Да, поймал он меня на этот удар. Он, видно, подавал за кентскую команду, тот вон парень.

Чарли наблюдала за Хью и Томом. Мяч с силой летел на Хью, но он чисто отбил его. Рефери крикнул:

– Партия!

Крикет. Беспечные денечки, вызывавшие приятные воспоминания. Том играл в крикет регулярно, когда они впервые поехали отдыхать, и она проводила счастливые часы, валяясь, подставив спину солнцу, посматривая кругом, читая много раз подряд одну и ту же страницу книжки в мягкой обложке, жуя сладкие стебельки травы.

Шипел и пускал пар самовар. Виола Леттерс достала из-под стола огромный металлический чайник и наполнила его кипящей водой.

– Окажите любезность, Чарли. Дайте ему пару минут настояться и начинайте разливать.

Чарли зашаталась под тяжестью чайника. Поставив его на край стола, она подождала, пока чай настоится. Том удачно сделал еще одну пробежку. Хью набрал четыре очка. С двух сторон эта очаровательная, утопающая в зелени площадка была окружена домами, а с других двух сторон шли запущенные общинные земли. Чарли радовалась, что Том играет, радовалась, что сама находится здесь и помогает с чаем, как бы участвуя в общем деле, радовалась, что дела у Тома идут хорошо.

Но внезапно консервная банка и медальон завладели ее сознанием, безотчетный страх охватил ее, и она почувствовала, как сжалось сердце. Затявкал терьер.

– Извини, Перегрин. Я не хотела напугать тебя.

Она опустила руку, чтобы погладить собаку, но та отбежала и затявкала снова.

Дорогой Камень, я люблю его. Пожалуйста, верни мне его. Барбара.

Это было совпадением: и жевательная резинка, и конюшни, и тот старик… Но только не консервная банка.

Пронесся холодный порыв ветра, и она ощутила странный мускусный запах духов, настолько сильный, словно женщина, от которой он исходил, стояла рядом… Потом запах исчез, как клочки дыма, уносимые ветром. В поисках источника запаха она огляделась, а потом, обеими руками держась за ручку, наклонила тяжелый чайник к первой чашке.

Это произошло быстро. Просто какой-то толчок, только и всего – и ручка чайника на долю секунды стала невесомой, его крышка слетела, а сам чайник перевернулся вверх дном, выплеснув два галлона кипящего чая прямо на терьера.

Она услышала его вой едва ли не до того, как сообразила, что случилось, до того, как горячий металл стукнулся о ее ноги и она ощутила

острую боль от кипящей жидкости на собственных ногах.

Собака повалилась на бок и, подергиваясь, перекатилась на спину. Вокруг нее поднимался пар. Вой терьера сжался до слабого хриплого визга. Виола Леттерс упала на колени, чтобы помочь псу, а он, изогнув голову, обнажил зубы и яростно укусил ей руку. Пытаясь подняться, собака проползла несколько футов по траве на животе, подвывая, кусая траву и собственную лапу. Она терлась мордой о траву, и почти вся кожа на ее носу слезла.

Пронзительно закричал ребенок.

– Перегрин! – вопила Виола Леттерс с отчаянием в голосе. Кровь текла из ее пальца, пока она шла за собакой.

Крошечный песик катался в агонии, дергаясь то в одну, то в другую сторону и скуля. Пар поднимался от его шерсти, как от какого-то неведомого зверя из преисподней.

Слышалось, как по водопроводным трубам вверх, где шумел душ, бежала вода. В кухне было уютно от жара газовой плиты. Ветер стих, и снаружи устойчиво моросил мелкий дождичек.

Матч по крикету продолжался так же, как все матчи, с едва ощутимым изменением в тональности, словно кто-то чуть-чуть подвернул ручку звука и, возможно, ручку контраста. Детишки вернулись к своему крикетному матчу, исключая двух малышей, которые с плачем прижались к матерям.

Собаку обернули полотенцами, чтобы она не укусила кого-нибудь еще, но к этому времени та уже перестала биться и беспомощно лежала, подергиваясь и поскуливая. Девушка из полевого госпиталя Святого Джона перевязала палец Виоле Леттерс, и кто-то повез ее и собаку в ветеринарную лечебницу. Чарли предложила свою помощь, но Виола Леттерс стоически попросила ее заниматься чаем.

– Это не ваша вина, милая, – доброжелательно посочувствовал Чарли мужчина с торчащими в стороны усами. Он держал злополучный чайник, ручка которого была вывернута и висела на единственном изогнутом болте. Мужчина показал ей на неровные отверстия, откуда сорвались верхние болты. – Усталость металла. Такое и в авиации случается.

Чуть позже высокая женщина в резиновых ботах объявила, что для благотворительных целей собрано 342 фунта и 11 пенсов. Раздались нестройные аплодисменты. Том набрал 42 очка и выбил из игры двух игроков команды соперников. Как лучшему игроку матча ему вручили в награду высокую оловянную пивную кружку с крышкой. Глаза Чарли увлажнились, потому что сквозь лучи потрясений и злого рока пробилась

гордость.

В автоответчике было две записи: одна от Майкла Ома, благодарившего за вечеринку, и другая от партнера Тома по игре в теннис, Пола Леронда: «Том, я получил твое сообщение насчет отмены завтрашней встречи. Как насчет вечера среды, в 6.15?»

Чарли бросила две щепотки корма в шар с Горацием и покрошила Бену на ужин бычье сердце, морща нос от вони засохшей крови. Обернувшись полотенцем, Том валялся на постели, окруженный разбросанными воскресными газетами. По телевизору показывали фильм «Только глупцы да лошади».

– Что ты хочешь на ужин?

Он зачесал назад мокрые волосы.

– А что у нас есть?

– Тонны вчерашних остатков.

– Отлично. Ты выглядишь застывшей.

– Я и вправду застыла.

Она стянула с себя одежду и изучила коричневые пятна от чая на белых брюках. Ее ошпаренные ноги были усыпаны маленькими волдырями, и один крупный пузырь появился на пятке, которую она стерла высокими сапожками раньше, в лесу.

Чарли направилась в ванную.

– Как ты думаешь, не позвонить ли мне миссис Леттерс или даже зайти?

– Позвони ей.

– Если он умер… то я… – Она куснула кожу под ногтем большого пальца. – Может, стоит послать ей немного цветов.

– Или сделать денежное пожертвование на обожаемую Перегрином благотворительность.

– Перестань. Это ужасно.

Потолстела. Она определенно потолстела и потеряла в мышечной силе. Ее груди стали больше. Может, это старость? Том всегда жаловался, что они у нее слишком маленькие.

– Берни, ну, этот строитель, сказал, что присмотрит завтра за Беном. Хочешь, можем встретиться в Лондоне? – сказала она.

– У меня нет времени. После двух недель отсутствия там будет уйма дел, а я еще в теннис играю.

– С Полом?

– Угу.

Из телевизора донесся громовой хохот.

– Но от него же было сообщение на автоответчике насчет отмены.

Еще один взрыв хохота, более возбужденный.

– А… ну да, – сказал Том, и его голос, ей показалось, прозвучал как-то странно. – Я и забыл. У нас будет встреча с партнерами.

Ее родимые пятна сегодня вечером казались более выраженными, чем обычно. Чарли энергично потрогала две прямые линии, в каждой по два дюйма. Одна – на животе, другая – на правом бедре. Они были красными, даже багровыми и напоминали рубцы.

Ей послышалось дребезжание того медальона, и мысленно она увидела его снова в заржавленной консервной банке. Внутри нее дрожало что-то темное, холодное и зловещее. Она снова посмотрела в зеркало. И ее же глаза посмотрели в ответ.

Испуганно.

Чарли не могла уснуть. Ее сознание работало медленно, как бы вторя жалостному завыванию пса Виолы Леттерс.

Пытаясь думать о приятном, она вместо этого вспомнила о китайской коробочке. Казалось, Чарли слышала этих червей, ощущала их запах. Черви боролись, потели, взбирались тельцами-гармошками друг на друга и, напрягаясь, ели днями и ночами в бесконечной темноте. Ели или оказывались съеденными. Их постоянно жевавшие челюсти разносили каждый укус по консервной банке глухим гулом.

У самого крупного была тупая морда сердито ворчащей змеи. Будучи быстрее, уродливее и прожорливее остальных, он извивался в темноте, разбухая, кромсая остальных червей, пока не оказался в окружении корчившихся беззащитных белых фигурок, ждущих, пока он всосет их в свою пасть. Тогда для него не останется никакого корма, вообще ничего не останется, разве что лизать сверкающе чистую банку и ждать.

Ждать ее.

Внутри сложенного кусочка бумаги, внутри сияющего красного сердечка, внутри консервной банки обитало крохотное пятнышко темноты. Оно было пятнышком только потому, что находилось далеко-далеко отсюда, в некоем измерении, которое ей было непонятно. И когда она открывала банку, затем сердечко, разворачивала листок, пятнышко приближалось к ней. Огромное, темное, с зубами похожими на заржавленные клинки и огнем, вылетающим из черного туннеля его горла, неистовым вулканическим пламенем, от которого так и разило жевательной резинкой «Даблминт». От этого пламени кожа сходила у нее с лица.

Том перевернулся и захрапел.

В темноте, под лунным светом, продолжались ночные убийства. Визги, крики, хруст подлеска. Природа сама заботилась о себе.

Вода падала с запруды. Кипящая вода из опрокинутого чайника. И вой пса Виолы Леттерс соединялся с ночными воплями.

Зубы огромного червя сомкнулись, перерезая ее пополам пониже плеч. Она металась, извивалась, пытаясь избавиться от этого образа.

– Господи, ты просто неугомонна, – сварливо сказал Том.

Приткнувшись к нему, она обвила себя его руками и крепко держала, целуя его, скользя руками по его телу.

– Чарли, ну, ради бога! Мне рано уезжать. Дай мне выспаться.

Когда Чарли прижалась к пояснице отвернувшегося Тома, ощущая запах его кожи, чувствуя ее жар, теплые соленые слезы потекли из ее глаз.

16

Ноготки завяли. Чарли выбросила их в мусорное ведро и переменила воду в вазе из граненого стекла.

– Извини, мама, что я не приезжала на прошлой неделе, в доме была уйма дел. Он в ужасном состоянии, хуже, чем мы предполагали. Строители говорят, что мы должны перекрыть крышу.

Она держала цветы перед невидящим взглядом лежавшей в постели старухи.

– Эти астры из нашего сада. – Чарли пристроила астры и папоротник в вазу у окна. – Мы посадили много цветов.

Внизу, под окном, шла через парк слепая девочка с собакой-поводырем.

– Смертельная ложь.

Чарли резко обернулась, но мать неподвижно взирала в пространство. Не похоже, что она двигалась и говорила.

– Что это было? – спросила Чарли. – Что ты сказала?

Старуха моргнула разок и продолжала неподвижно смотреть в пустоту.

– Смертельная ложь?

Никакого ответа.

– Ты это сказала, мама? – Чарли села подле нее и взяла ее костлявую руку. За долгие месяцы она в первый раз слышала, как говорит мать. Первый раз после Рождества. – Смертельная ложь, мама, да? А в чем же ложь-то?

В молчании Чарли потерла руку старухи.

– Что ты имела в виду, мама? Пожалуйста, скажи мне.

Прошло пять минут, десять, полчаса… Ее мать не шевельнулась. Чарли ласково погладила ее руку.

– Я ходила на днях к одному гипнотизеру. Хотела вернуться в мои прошлые жизни. А у тебя есть какие-нибудь прошлые жизни? Ты веришь в это? – спросила она, не ожидая ответа.

В воздухе слабо запахло мочой.

– Я не думаю, что сама верю в это, – сказала Чарли более убежденно, чем на деле чувствовала. – Но вот что странно: он заставил меня вернуться в детство. Мне пришлось рассказать, что я делала в дни моего шестнадцатилетия и десятилетия. Ты водила меня в зоопарк, помнишь? Я каталась верхом на верблюде. И еще день моего четырехлетия. Я сумела

вспомнить его в таких невероятных деталях! Папа отшлепал меня, потому что я наехала на велосипеде, который ты дала мне, на его рододендроновый куст. Это был красный велосипед фирмы «Рейли» с покрышками с белым ободком, с белым седлом. Еще у него был рожок вместо звонка и маленькие толстые колеса и для равновесия еще два дополнительных колеса сзади. Папа никогда до этого меня не шлепал. Тогда ты мне сказала, что лекарство заставляет его делать странные вещи.

Чарли показалось, что она почувствовала слабое давление руки матери, хотя, возможно, это было лишь одно ее желание.

– В последнее время я много думаю о детстве. Может, потому, что я так стараюсь завести собственного ребенка, а может, из-за переезда. Все говорят, что переезды ужасно травмируют. У меня было всегда так много причудливых мыслей. А за городом-то шумно, ты знаешь? Куда более шумно, чем в Лондоне. Большинство ночей я валяюсь без сна, прислушиваюсь к голосам зверей, глазею на луну, думаю о том, как я, бывало, сидела с тобой на полу, играла с куклой Флоренс, завязывала ей банты… тогда с тобой я чувствовала себя в безопасности. – Чарли посмотрела на постельное белье, на небрежно связанное одеяло, равномерно двигающееся вверх и вниз, подобно зыби спокойного моря. – Сейчас этого чувства больше нет.

Когда Чарли выходила, она снова услышала позади себя этот голос:

– Смертельная ложь.

– Думаю, ты должна снова сходить к нему.

– Я боюсь.

Две женщины пристально смотрели через окно дамского магазинчика, показывая на какое-то пальто. Одна что-то сказала, а другая кивнула. Затем они пошли дальше.

– Это потрясающе! – сказала Лаура.

Она нажала на кнопку, и магнитофон остановился.

– Ты-то, конечно, можешь так думать, – сказала Чарли. – С тобой-то ничего подобного не происходит.

– Давай послушаем этот кусочек снова.

Несколько секунд кассета перематывалась, а потом раздался голос Эрнеста Джиббона:

«Почему вы плачете? Где вы находитесь?»

Последовало продолжительное молчание. Какая-то девушка в юбке из разноцветной материи приоткрыла было дверь магазинчика, но потом передумала и вышла.

«– Н-не знаю. – Голос был странным, совсем не ее, с акцентом сельской девушки-работницы.

– Куда вы идете? – спросил Джиббон ровным апатичным голосом.

Прошла минута.

– На какой-то холм. Там есть камень.

– Вы можете описать этот камень?

– Вроде сердца. На нем есть инициалы. Вроде инициалов любовников.

– Вы узнаете какие-нибудь из инициалов? – спросил Джиббон.

– *Д. любит Б. Дж.* Это я написала».

Лаура остановила кассету.

– Б. Дж.! Ты ведь говорила, что на той бумажке в медальоне была подпись *Барбара*, ведь говорила же, да?

Чарли кивнула.

– Ну, понимаешь?

– Это вообще ничего не значит.

– Это работает, Чарли! Разве ты не понимаешь? – Лаура выглядела раздраженной.

– Чего не понимаю?

– О, ну как же ты не понимаешь! *Барбара Дж.*

– Лаура, я просто откопала чей-то медальон.

– Твой медальон! Это был твой медальон!

– Это был не мой почерк.

В магазинчик вошла женщина и, подойдя к вешалке с блузками, принялась перебирать их. Лаура понизила голос:

– Ты и не должна иметь тот же самый почерк.

– Я не желаю продолжать.

– А почему нет-то? Господи, Чарли, да ты просто должна!

Чарли посмотрела на покупательницу:

– Не могла бы я вам помочь, мадам?

Женщина держала блузку так, словно это была заплесневевшая капуста.

– Ну и ну, – сказала она, повесила блузку обратно и резко рванула к себе другую.

Чарли повернулась к Лауре:

– Что ты собираешься делать после работы? Не хочешь выпить на скорую руку?

– Я… я бы с удовольствием, но мне надо… – Она поколебалась. – Званый обед. Я даю званый обед.

– И есть кто-нибудь интересный?

Чарли подумала, с чего это Лаура покраснела. Потому что она не пригласила ее с Томом?

– Нет, просто кое-какие друзья, которых я не видела довольно долго… Люди, с которыми я познакомилась во время отдыха. Не думаю, что ты их знаешь.

– А как насчет среды? – спросила Чарли. – Может, сбегаем на какой-нибудь фильм пораньше? Есть несколько картин, которые мне хочется посмотреть.

– Среда? Да, это было бы здорово. Я проверю свои записи.

Покупательница поднесла несколько блузок к лицу, сравнивая их цвета с цветом собственной кожи. Потом она небрежно повесила их обратно, и одна упала на пол, но женщина не обратила на это внимание.

– Так почему же ты не хочешь продолжать ретрогипноз?

– Что-то подсказывает мне, что надо остановиться, – вот почему. У меня странное ощущение… – Чарли пожала плечами, – ну, что я не имела никакого права открывать этот медальон.

– Но разве ты не понимаешь? – сказала Лаура.

Покупательница перешла к вешалке с платьями.

– А что говорит Том насчет этой банки?

– Ну, он настроен скептически, даже больше, чем я.

– И ты *все еще* настроена скептически?! Да брось ты!

– Может быть, я навоображала все это – не знаю. Уверена, что есть совершенно разумное объяснение.

– Оно есть. – Лаура улыбнулась и внимательно посмотрела на нее. – Ты жила раньше.

Было уже почти семь часов вечера, когда Чарли свернула на их улочку. «Ситроен» подпрыгнул на глубокой рытвине, подбросив ее на сиденье.

Сознание – довольно странная вещь. Известны спортсмены, игравшие до конца матча со сломанными ногами. Ты тоже можешь продолжать играть, можешь поверить во все на свете, если достаточно сильно постараешься… на некоторое время.

Кончалось бабье лето, и воздух был по-осеннему прохладным, хотя вечернее солнце сияло сквозь открытую крышу. Чарли ощущала холод, который уже не уйдет. Чарли верила, что нашла консервную банку просто случайно, точно так же, как какой-нибудь футболист верит, что его сломанная нога просто ушиблена, а пьяный верит, что наутро он будет свеженьким как огурчик.

Чарли была напугана.

Когда она проезжала мимо дома Хью Боксера, то услышала звук какого-то механического инструмента в мастерской. Виола Леттерс срезала увядшие розы в саду перед подъездной дорогой. Остановив машину, Чарли выбралась наружу.

С красными глазами и вымученной улыбкой на мертвенно-бледном лице старуха подошла к калитке. В ее дыхании было столько джина, что можно было сделать анестезию слону. Ее палец все еще был перевязан.

– Я вам очень благодарна за те цветы, – сказала она. – Это было с вашей стороны весьма любезно.

– Я сожалею, – сказала Чарли. – Я так сожалею.

– Хотите глотнуть что-нибудь крепенькое?

– Спасибо, но у меня есть кое-какая работа по дому. Я еду из Лондона.

– Я-то теперь вряд ли когда-нибудь выберусь туда. Все мои старые приятели поумирали или впали в маразм. – Она печально улыбнулась. Кот злобно смотрел на Чарли, держась на расстоянии, словно Чарли была переносчиком заразы. – В этом не было вашей вины. Я заметила, что ручка немного шаталась. Надеюсь, вас не задело.

– Немного забрызгало. Ничего. Извините меня, я в самом деле чувствую себя ужасно.

– Ну, не стоит. Я должна была выбросить проклятый чайник раньше. – Она внимательно оглядела свой сад. – Вот этот сорт, «Александр», хорошо цветет в этом году, вы не находите?

– Да, они очаровательны. А этот как называется? – Чарли показала на розовый бутон в форме треугольника.

– «Адмирал Родни». Боюсь, он не имеет к нему никакого отношения.

Они помолчали.

– Я… полагаю, мне уж не удастся втянуть вас во что-то еще? – сказала старуха.

– Отчего же, конечно удастся.

– В среду днем. У нас будет благотворительная распродажа в притворе церкви. Обычно этим занимается со мной Дорин Бакстер, но она заболела.

– Вообще-то в среду я собираюсь помочь подруге в ее магазинчике в Лондоне, но я, наверно, смогу перенести это. Я позвоню ей, когда доберусь до дома, а потом перезвоню вам.

– Спасибо, дорогая. И не беспокойтесь, если не сможете.

– Я уверена, что все будет хорошо.

Виола Леттерс прищурилась.

– Киплинг был прав, знаете. Никогда нельзя позволять собаке разбить тебе сердце, но мы всегда, черт возьми, это делаем. – Ее лицо сморщилось,

словно она с трудом сохраняла самообладание. – И тем не менее я не буду заводить другую. Это не для моего возраста, да и несправедливо, Перегрину было тринадцать лет. Какая досада, что Киплинг вышел из моды, он сказал много мудрых вещей. – Она снова слабо улыбнулась. – Мне бы хотелось пригласить вас и вашего мужа отужинать как-нибудь вечерком.

– Вы тоже должны зайти к нам. – Чарли провела пальцем вдоль верхушки изгороди. – Кажется, я приношу вам неприятности?

Виола Леттерс странно посмотрела на нее, словно собираясь сказать что-то, но промолчала. Вдруг Чарли почувствовала, что она уже когда-то стояла у этой вот изгороди и разговаривала с этой женщиной примерно о том же. Это ощущение усилилось, когда она взглянула на темную каменную стену, на ее зубцы на фоне сине-стального неба, на маленькие, разделенные перегородками оконца, смахивающие на бойницы средневековой башни.

– Мне пора идти. Я позвоню вам насчет среды.

– Спасибо, дорогая, – сказала Виола Леттерс, пробудив в Чарли новое чувство узнавания. – И поблагодарите Тома за цветы, хорошо?

Чарли пообещала.

Телефон замолчал, едва Чарли нашла ключ, Бен же тем временем взволнованно лаял внутри. Когда Чарли распахнула дверь, подхватила хозяйственные сумки с купленными по дороге домой продуктами и, спотыкаясь, вошла в темную прихожую, она услышала щелчок автоответчика. Половина досок пола была приподнята, и вокруг лежали куски неподсоединенных труб.

Чей-то голос из кухни разносился по дому. Она побежала по коридору.

– …великолепное развлечение, прекрасная еда. И отличные шуточки на вечеринках! Скоро расскажу тебе, пока!

Это был Ричард Ховарт. Послышался глухой щелчок. Чарли вывалила свои покупки на кухонный стол и бросилась к автоответчику, но Ховарт уже повесил трубку. Напряженно мигал огонек: шесть сообщений. Бен цеплялся лапами за ее талию.

– Привет, малыш, привет, маленький! Да-да-да, я тоже рада тебя видеть! – Она опустилась на колени и крепко обняла пса, энергично лизавшего ей лицо. – Хреновенький был у тебя денек? Ведь так? Да-да, я знаю: мало удовольствия сидеть тут взаперти. А Берни что ж, не выпускал? Сводить тебя погулять? Ну, давай сходим, пошли?

Бен пулей вылетел из парадной двери и понесся к утке, которая

ковыляла вперевалочку около мельничного лотка. В панике утка взмыла вверх.

– Бен! Плохой мальчик! – бранила она пса.

Бен завилял хвостом. Длинные тени лежали поперек газона и подъездной дорожки. Через час будет темно. Чарли посмотрела на лесок, на тот холм с камнем в форме сердца наверху и с медальоном, захороненным в песчаной почве. Вспышка узнавания полыхнула глубоко внутри нее и погасла. Рев воды казался поспокойнее. Он был похож на оркестр, настраивающий инструмент перед вечерним представлением. Звучали щебет, трели и отдаленное карканье птиц. На землю рядом с ней спикировал дрозд и принялся щипать траву.

Приостановившись на деревянном мостике, чтобы посмотреть вниз, на чистую воду, коричневатую в угасающем свете, она вскарабкалась наверх по короткому мшистому берегу, на уровень пятачка, где когда-то стояли конюшни. Чарли пошарила ногами вокруг, в траве, ища какие-нибудь признаки камней, фундамента, но ничего не нашла. Она потянула носом, Словно рассчитывая учуять запах горелого, который давно исчез, и она прошлась по пятачку, но не увидела даже намека на то, что здесь когда-то было что-либо, кроме травы и просто земли.

На противоположном берегу, на другой стороне водного потока, дом купался в зареве заходящего солнца. Штабель кирпичей и строительных материалов лежал у ступенек, накрытый пластиковым защитным полотном, а поблизости, на траве, валялись две длинные лестницы. Повыше, по кромке леска, шел ряд старых сараев, навес для осла, сортир и дровяной сарай без боковых стенок. Рядом с ними, в направлении конского выгула, расположился загончик для кур и садик при кухне.

На земле лежала скотина, и одна овца одиноко заблеяла, когда Чарли прошла обратно по мостику и дальше, по гравию, мимо амбара. Виола Леттерс выглядела такой печальной, что Чарли хотелось сделать для нее что-то еще.

Из-за волдырей, оставшихся от высоких сапожек и кипящего чая, она слегка прихрамывала. На конском выгуле, позади изгороди, стояла пара гнедых кобылок, их силуэты вырисовывались на фоне красного шара солнца. И Чарли захотелось сфотографировать их. Вот только фотоаппарат был где-то на дне нераспакованного ящика. Впрочем, время еще есть. Здесь будет сколько угодно времени для фотографирования.

Внутри загончика, который устроил Гидеон, кудахтали и бранились куры. Молли, белая курочка, бегала в испуге по кругу, кудахча на Бена. Дейзи, белая с черными крапинками, вышла из курятника, покачиваясь из

стороны в сторону, словно толстая дама с покупками, и принялась клевать зернышки. А самая красивая, Клементина, коричневая с золотым воротником, просунула клюв через ячейку сетки, будто желая тоже сказать свое слово. Не зная, что же ему с ними делать, Бен только таращился на них.

Чарли наполнила маленькую тележку катышками корма, набрала в специальную жестяную коробку воды из водопроводной трубы и вылила в лоханку для питья. У задней части курятника присела на корточки и, открыв дверцу ящиков с несушками, просунула туда руку. Красная бентамка, окрещенная Боадицеей, издала возмущенный пронзительный крик и, взмахивая крыльями, ретировалась. На месте, где она сидела, остались два коричневатых яйца, все еще теплые. В других коробках лежали только гипсовые яйца-модели.

Чарли снова закрыла дверцу и вошла в загончик.

– Пора спать, дамочки!

Она загнала кур в курятник, закрыла дверь, тщательно задвинула верхний и нижний болты и пошла восвояси с чувством удовлетворения, опустив руку в карман и касаясь двух приютившихся там яиц. Ей нравилось есть собственные продукты. Это слишком громко сказано, но все же начало положено.

На кухонных часах было 7.45 вечера. Положив яйца в корзинку на столе, Чарли взяла телефон и стала набирать номер.

17

Том лежал на ней, тяжело дыша, грудь его натужно вздымалась, сердце колотилось, по телу стекал пот. Он мягко скатился с нее, поглаживая ее маленькое плечо, пробежался пальцами по ее подбритым подмышкам.

Когда она повернулась к нему с серьезным видом, ему захотелось узнать, о чем она думает.

За окном темнело. «Собирается дождь», – подумал Том, наблюдая за мерцающими огоньками на крыше башни-маяка в далекой бухте Челси. Комната была уютной и миленькой: белый ворсовой ковер, белая плетеная мебель, вообще все белое, кроме нескольких зеленых растений… Спальня другой женщины: приятные незнакомые ароматы, другое мыло, тальк, духи – чувственная, запретная земля.

Наслаждаясь мягкой кожей, пальцы Тома скользили по изгибам ее плеча.

– В субботу за обедом ты говорила, будто в другой жизни мы были любовниками. Что ты имела в виду?

– Что мы были любовниками когда-то раньше. Наверное, мы были знакомы в другой жизни и вот стали любовниками опять.

Том не знал, что сказать.

– Надеюсь, у тебя была такая же очаровательная кожа и раньше, – выдавил он.

Она легонько поцеловала его.

– Чарли очень везучая дама.

– О, в самом деле?

– У нее есть такой муж, как ты.

Она отстранилась, перекатываясь на живот. Том молча провел пальцем до ее поясницы, потому что ему в голову лезли одни банальности.

– Тебе не стоило появляться здесь. И нам не стоило делать этого. – Она мягко поцеловала его в глаза.

Том промолчал. Из CD-плеера у дальней стены доносилась музыка. Крошечные колонки голубоватых огоньков на панели проигрывателя поднимались и падали в унисон с мелодией, льющейся из плотно подбитых мягким материалом динамиков. Самоуверенный голос Таниты Тикарам со значением выводил бессмысленные слова. Подобные песни надоедали Тому целый день в конторе. Он отключился от музыки, настроившись на доносившийся снизу, с Кингз-роуд, шум уличного движения. Его

опустошенные половые органы ныли от тупой боли.

Чувство вины терзало его.

Кто-то вроде него каждый день сидел в конторе по другую сторону его письменного стола. Парни: приятные и уродливые, смышленые и тупые, славные и отвратительные. Он никогда не думал, что в один прекрасный день может и сам подвергнуться подобной оценке. Никогда не начинай того, чего ты не сможешь закончить, – таково было правило, тот принцип, по которому он жил. Таким путем можно поддерживать порядок и контролировать собственную жизнь. Суды, слушающие дела о разводах, были битком набиты людьми, начинавшими дела, которых они не могли закончить.

Капелька пота проползла по его спине. Лаура то захватывала в ладонь свои волосы, то взъерошивала их.

– Ты не ощущал в вашем новом доме ничего странного? – спросила она.

– Что значит *странного?*

– Ну, чьего-то присутствия.

Том ухмыльнулся.

– Только того незнакомца-насильника у огня на пикнике.

– Я это и имею в виду. Тебе не кажется, что там что-то было?

– Нет. А с чего бы это?

– Когда я пошла в туалет наверху, я как будто… ну, ощущала что-то.

– Это, видимо, Чарли напела тебе, рассчитывая на показной эффект?

Она выскользнула из постели.

– Нет. Не знаю, что это такое, но лично я не захотела бы провести там ночь в одиночестве.

Лаура прошла в ванную. Едва она закрыла дверь, рядом с Томом неожиданно прозвучала трель, заставившая его вздрогнуть. Трель умолкла, а потом зазвенела громче.

– Возьми трубку, Том, это, должно быть, водопроводчик, – крикнула Лаура.

Он замялся, но поднес трубку к лицу.

– Алло? – сказал он оживленно. – Квартира Лауры Теннент.

– Том?!

Это была Чарли.

Он почувствовал себя падающим в скоростном лифте. Мгновение он вертел в руке трубку, испытывая желание бросить ее на рычаг. Господи, она же никогда не узнает наверняка… ну, совсем уж наверняка. Но было слишком поздно: чересчур уж долго он колебался.

– Привет, дорогая.

– Том, что ты там делаешь?

– Да просто вот заскочил взглянуть на… м-м-м, на одно письмо… довольно неприятное письмо тут вот у Лауры. Ну да. От Боба.

Боб был когда-то мужем Лауры.

– От Боба?!

– Ну да, он тут напридумал всяких проблем… м-м-м, насчет дома. Я тебе ее поищу. По-моему, она за дверью с водопроводчиком.

– А разве Лаура не устраивает званого обеда? – спросила Чарли со слабо скрываемой враждебностью.

– Званого обеда? Нет… я… нет, не думаю.

Они помолчали.

– Я полагала, что у тебя встреча с партнерами.

– Я… ну, позвонила Лаура, довольно подавленная. И я…

– В котором часу ты будешь дома? Ты что, ужинать не будешь?

– Да-да, я вот уже еду. Буду со следующим поездом, когда бы он ни появился.

Из ванной комнаты вышла Лаура.

– Не вешай трубку, мне кажется, я их слышу. – Он прижал ладонь к микрофону и прошипел: – Это Чарли. Я сказал ей, что заскочил взглянуть на письмо от Боба. По поводу дома.

Лаура взяла трубку.

– Чарли, привет. Званый обед? О да, устраиваю. Это было так мило со стороны Тома, что заехал. Я приехала домой и обнаружила совершенно омерзительное письмо от Боба.

Том подошел к окну и стал глазеть на улицу. «Ничего себе», – подумал он. Теплый воздух и дым от уличного движения с Кингз-роуд овевали его. Продребезжало такси, зашумел поток автомобилей, автобус… Черт подери. Ах, черт подери! Лаура продолжала тараторить. Делай это нормально, не останавливайся, девочка. Только не останавливайся.

– Нет, он уже собирается уезжать. Он был так добр… так мне помог. Водопровод?! Ты говоришь, водопровод? Здесь водопроводчик?! Нет, я подумала, что это у тебя водопроводчик звонит.

У Тома упало сердце.

– Хочешь еще что-то сказать ему? Хорошо, увидимся в среду. Нет? А, ну хорошо. Пока!

Она села на кровать рядом с Томом, опустив голову. Он обнял ее.

– Как у меня получилось? – посмотрела она на него.

Том ответил напряженным угрюмым взглядом.

– Превосходно, – сказал он. – Ну просто превосходно.

18

Она что, хорошо трахается, эта сука?

Вполне разумное объяснение. Конечно, какое-нибудь вполне разумное объяснение найдется. Разумеется. Она выдавила улыбку на лице и наклонила голову.

– Привет, дорогой! Ну, как прошла твоя встреча?

Бен посмотрел на нее в недоумении. За окном стемнело. Густой мрак давил на оконные стекла. Лаура предупреждала об этом и оказалась права: в сельской местности было темно и черно, в миллион раз чернее, чем в Лондоне.

Цветы Лауры стояли в вазе рядом с Горацием. Он плавал, открывая и закрывая рот, глазея на бесконечный кинофильм, разворачивающийся перед ним сквозь изогнутое стекло. Чарли задумалась: понимает ли он, что видит все искаженным?

В кухне стоял слабый запах стирки, шедший от посудных полотенец, носков, нижнего белья и полосатых рубашек Тома, что висели на сушилке. «Ну и как там Лаура? У нее все в порядке? Я хочу сказать, что она выглядела ну просто отлично. Но это было в пять часов, и она даже не могла сходить выпить, потому что торопилась домой готовить все к званому обеду».

Бен вилял хвостом. Бросив грызть кость, он как бы в ожидании смотрел на нее.

– Это не для тебя, малыш, – сказал она, разглядывая здоровенные куски бифштексов, лежащие на доске для разделки мяса.

Ничего. Ничего. Нет ничего, о чем стоило бы беспокоиться.

«Это было так мило со стороны Тома, что он заехал. Я пришла домой и обнаружила совершенно омерзительное письмо от Боба». Почему, черт подери, Лаура и вправду не могла получить письмо от Боба? Боб всегда доставлял Лауре неприятности. Вполне разумное объяснение. Да-да-да. Том заехал, потому что…

Так она хорошо трахается-то, эта сука?

Эта мысль гремела в ней, будто кто-то другой произносил эти слова, шептал их ей в ухо. Они повторялись все громче и настойчивее. Чарли потрясла головой, словно пыталась их выбросить. Нет. Не Лаура. Возможно, другие, но только не Лаура. Определенно нет.

Никогда.

Друзья такого не делают. Во всяком случае, не те, с которыми дружишь двадцать лет.

Закипел чайник, и она налила в кружку немного воды. Потом размешала кофе. Бифштекс Тома был плотным, красным, огромным, она попросила ту женщину нарубить мясо потолще, что та и сделала. Этакий массивный кусок от филейной части, с косточкой в форме буквы «Т». Проткнув его, Чарли вдруг почувствовала тошноту от прикосновения к мягкой, слизистой плоти.

Темно-синий носок бесшумно упал на бифштекс. Чарли посмотрела вверх на сушилку, но она висела неподвижно. Другой носок свешивался с одной из деревянных перекладин. Послышалось низкое угрожающее рычание Бена. Сердце Чарли забилось тревожно. Убрав носок с бифштекса, Чарли увидела несколько хлопковых волокон, прилипших к мясу.

Тошнота прошла. Мясо выглядело хорошим, каким и было на самом деле. Плоть. Красное мясо. Кровавое. Ей захотелось затолкать его себе в рот и так и сжевать его, съесть сырым, словно она зверь. Ей смутно припомнилась книга, где женщина сходила с ума по сырому мясу.

Взяв свою часть бифштекса, отрубленную потоньше, чем для Тома, Чарли откусила большой кусок. Глаза ее прищурились, и в желудке забурлила желчь. Выплюнув пережеванное мясо в раковину, она прополоскала рот водой.

Вот тебе и раз! Какого лешего она проделала это? Вкус крови, плоти, чего-то прогорклого, чего-то еще… застрял в ней. Чарли выпила большой глоток кофе, но выплюнула и его. Испытывая тошноту, она побежала наверх, через спальню в ванную и принялась чистить зубы.

Зеркало над раковиной отразило красные и опухшие от слез веки. Чарли плакала, потому что знала… знала, что Том ходил туда вовсе не для того, чтобы взглянуть на какое-то там письмо от Боба. Ужасный привкус у нее во рту прошел. Пройдя в спальню, она уселась у туалетного столика и легкими касаниями припудрила лицо и стерла салфеточкой смазавшуюся тушь для ресниц. Гнев вновь забурлил в ней.

Открылась и закрылась парадная дверь, и Чарли удивилась, не услышав лая Бена. Все еще занимается костью, предположила она и попыталась вдохнуть немного жизни в свою прическу. Ступеньки заскрипели, Том медленно поднимался по ним, словно устал или перенервничал из-за какого-то конфликта.

Надо оставаться спокойной. Холодной. Она вскинула голову и попыталась сосредоточиться на прическе, чтобы не обращать на него внимания. Тем временем она слышала, как он входит в дверь спальни, как

идет по покатому полу… Она почувствовала, что он стоит за ее спиной.

Вместе с ним в комнату ворвался резкий холодный воздух. Чарли посмотрела в зеркало.

И никого там не увидела.

Она ощутила, как ледяное дыхание спускается вниз по ее шее, дыхание, пахнущее мускусными духами. Чарли резко обернулась.

В комнате было пусто.

Но запах духов висел в воздухе. Сильный. По ее пояснице пробежала дрожь. Это были духи, которые она уже вдыхала раньше, знала их откуда-то. В комнате просто воняло ими, словно в ней находился некто, прямо-таки пропитанный этими духами. Ее глаза заметались вокруг.

– Том? – позвала она. – Том?

Она прошла в ванную комнату, внимательно осмотрела ванну, занавеску для душа, вернулась в спальню и постояла, прислушиваясь. Затем вышла на лестничную площадку. Холодный воздух, казалось, преследовал ее.

– Том? – Она потянула носом, но здесь не было никакого запаха. Ее тело покрылось мурашками. – Том? Это ты?

Медленно и нервно она спустилась вниз.

– Том?

Чарли прошла по тусклому коридору, мимо двери в погреб и зашла в кухню. Бен деловито глодал кость. Она снова прислушалась. Дверь… Она была уверена, что слышала, как открывается парадная дверь, слышала шаги по лестнице, чувствовала запах духов. Чарли уставилась на сушилку, почему-то нервничая из-за него. Потом посмотрела на единственный синий носок и, потянув шнур, медленно, со скрипом, опустила сушилку и повесила на него второй носок.

Яркие огни промелькнули по окну. По гравию за окнами захрустел автомобиль. Автомобиль Тома.

И вместо гнева Чарли испытала только облегчение, идя по коридору, чтобы встретить его.

За окном без занавесок была черная, беззвездная ночь. Тяжело дыша, спал рядом Том. Он пах свежестью, противной свежестью, смешанной со слабым ароматом соснового шампуня.

Чарли приготовила бифштекс, как он любил, и, сидя за кухонным столом напротив нее, Том молча, механически вгрызался в мясо, не ел, а просто поглощал.

Много раз за время их брака они ели в молчании, когда Том бывал не в

настроении, иногда это затягивалось на целые дни. Но сегодня вечером дело было не в его дурном настроении, хотя Чарли хотелось, чтобы было именно так, ведь тогда стоило только подождать – и все бы вернулось в норму.

Но сегодня вечером что-то в них обоих изменилось.

Чарли хотелось, чтобы они снова оказались в Лондоне, в их маленьком домике, с уличными огнями и машинами снаружи, с соседями вокруг; в домике, где они начинали семейную жизнь, где устроили свой очаг. Где были счастливы…

Бен шлепал по комнате, неугомонно позвякивая биркой с кличкой на ошейнике.

Снаружи донесся плач, будто рыдала от горя женщина. Бен залаял, и Том насторожился. Заскулив, Бен принялся скрестись в дверь.

– Лисицы, – проворчал Том. – Уж эти самки…

Сквозь дремоту в сознании Чарли вспыхивали видения, и она не засыпала, прислушиваясь к реву воды; она слышала в нем шипение самовара и завывание пса Виолы Леттерс. Завывания. Визги. Вопли…

– Господи Иисусе!

Кровать заскрипела. Чарли открыла глаза. Силуэт Тома вырисовывался на фоне окна. Ее часы-радио показывали 4.35 утра. А потом она сообразила.

Звук был настоящим.

Он шел снаружи. Ужасный, панический, пронзительный клекот и визг. Неистово лаял Бен. Том натянул халат и вышел. Чарли сбежала за ним следом, влетела в кухню и сунула босые ноги в высокие сапожки.

Они побежали по мокрой траве, под светлеющим небом с прогалинами, и чем ближе они подбирались к куриному загончику, тем ужаснее становился шум, превратившийся в кошмарную какофонию кудахтанья, хлопанья крыльев, хриплого клекота и стука проволоки… В горле Чарли набухал ком. Не в состоянии понять, что происходит, Бен остановился.

Поначалу она тоже ничего не понимала, думая, что куры просто напуганы. Боадицея и Дейзи, Клементина и Молли дико били крыльями, ворочаясь словно пьяные, врезаясь друг в друга, в проволоку, спотыкаясь и волоча себя по полу загончика силой крыльев, напоминая стариков на костылях. Создавалось впечатление, будто кто-то тряс загончик, как коробку. Боадицея поднялась в воздух, врезалась в сетку и перевернулась вверх ногами. Шея ее извивалась, клюв то открывался, то закрывался, двумя окровавленными обрубками, лишенными нижней части, бились ее

лапки.

Чарли вцепилась в руку Тома. Молли кувыркалась снова и снова, белые перья на ее животе были в крови. Курица врезалась в сетку прямо перед Чарли, пытаясь протолкнуть голову через ячейку и словно вопя о помощи.

– Бог мой, – сказал Том. – Ах, ублюдок. Ублюдок.

Чарли в ужасе воззрилась на валявшуюся хворостинку, которая была не хворостинкой, а лапкой одной из кур. А потом она увидела и другую.

У всех кур лапки были оторваны.

Горделивая Боадицея, пытавшаяся стоять на своих окровавленных культях, заваливалась теперь на бок и хватала клювом землю.

Когда желчь поползла вверх, Чарли отвернулась и ее вырвало. В глазах ее стояла куриная агония с кудахтаньем и битьем крыльями. Войдя в загончик, Том опустился на колени и, сграбастав Боадицею, резко повернул. Послышался хруст, и курица обмякла. Закапала кровь. Какофония звуков, казалось, становилась все громче. Крылья одной из кур колотились о лицо Чарли, забрызгивая его кровью. Это была Клементина. Чарли подобрала и ее, но птица вывернулась и упала на землю, истекая кровью и разбрасывая перья. Сделав еще одну попытку, Чарли ухватила курицу покрепче и положила ей на шею руку. Мгновение Клементина была неподвижной, уставившись прямо в глаза Чарли, ее клюв открывался и закрывался, будто она пыталась что-то сказать. Опустив ее, Чарли отвернулась.

Спотыкаясь, она выбралась из загончика и уселась на мокрую траву берега, прислушиваясь к лаю Бена и крикам кур, затихающим по мере того, как Том трудился над ними по одному шаблону: шквал пронзительного клекота, хруст и короткое молчание. А потом – окончательное молчание, полное молчание. Замолчал даже Бен, затих даже рассветный хор птиц, и даже, казалось, умолкла запруда.

Том сел подле нее. Лицо его и халат были забрызганы кровью, куриным пометом и перьями. Вытерев руки о траву, он сказал:

– А я-то думал, что люди – это единственные существа, которые убивают из спортивного интереса.

Вместе с ароматом душистой утренней росы воздух наполнился медным запахом крови и мокрых перьев. Небо над прудом было исполосовано мазками розового, желтого и серого цветов. Чарли тупо смотрела на все это сквозь туман из собственных слез. Денек намечался просто великолепный.

19

Держа руку своей матери, как она всегда и делала, когда была у нее, Чарли сидела на утреннем солнышке, посматривая на цветы в хрустальной вазе и на дубовый комод, на котором они стояли и где содержалось почти все материнское имущество.

Кое-какая одежонка, немного фотографий, безделушки, паспорт с одним фиолетовым штампом на его пустых страницах: «10 июля 1978 года, допуск в Барселону» – единственный раз, когда мать за всю жизнь была за границей. Чарли с Томом брали ее с собой на отдых в Испанию, где они снимали виллу. Матери там не очень-то понравилось: слишком уж жарко, извиняющимся тоном потом говорила она, да и в туалете своеобразный запах.

– В понедельник ночью мы потеряли наших кур. Это было ужасно. Лисица не убила их, а просто откусила у них лапы. Я хотела похоронить кур, но Тому это показалось смешным, и он рассердился. Он сказал, что мы в любом случае съели бы их. Только я не смогла этого сделать. Похоронив их подальше в лесочке, я купила четырех кур и положила в морозильник, так что он и не догадается.

Ногти матери становились все длиннее, скоро их придется обрезать.

– Я думаю, у Тома интрижка. Но я ничего и сказать-то не могу, потому что рискую ошибиться. Я бы тогда выглядела дурой набитой. – Она поколебалась. – А знаешь, с кем, я думаю, он крутит шашни? С Лаурой.

Лаура. Это имя застряло у нее в горле.

– У папы было что-то в этом роде?

Мать Чарли никак не реагировала.

– А что ты имела в виду, мама, в понедельник, когда сказала: «Смертельная ложь»? Так это вроде бы прозвучало. *Смертельная ложь.* Что ты хотела этим сказать?

Послышалось хрипящее дыхание, непохожее на обычное. Мать дрожала, и пот струился по ее лицу.

– Что такое, мама? С тобой все в порядке?

За окном прокричал ребенок, а потом оттуда донесся взрыв музыки из слишком громкого радиоприемника в машине. Ее кремовое габардиновое платье слишком ей жало и липло к коже. Здесь внутри всегда было как в теплице, и летом, и зимой.

– Я хотела бы поговорить с тобой, мама, как мы привыкли. Мне так

много нужно узнать от тебя, посоветоваться. Мне ведь больше некого спросить. – Она снова помолчала. – А Гораций держится молодцом. Моя золотая рыбка. Помнишь его? Ему сейчас одиннадцать лет. Том выиграл его на ярмарке за стрельбу по шарикам от пинг-понга. Гораций был тогда в крошечном пластиковом мешочке, нам и в голову не приходило, что он у нас приживется, не говоря уже о том, что проживет целых одиннадцать лет. – Чарли искала в лице матери хоть какой-то проблеск понимания, но так ничего и не увидела. Чарли нежно погладила ее руку. – Забавно, даже бессловесная рыбка в аквариуме может стать другом.

– Правда, – внезапно сказала ее мать. – Возвращайся.

Чарли испуганно взглянула на нее, но мать снова апатично смотрела перед собой.

– «Правда», мам, да? «Возвращайся»?

Мать никак не реагировала.

– Что ты имеешь в виду под *правдой?* – Она наклонилась поближе. – Какая правда? Куда возвращаться?

Ничего. Чарли прислушалась к уличному движению за окном. В соседней комнате зазвонил телефон. Мать все еще дрожала.

– Я помогала вчера на благотворительной распродаже в притворе церкви Элмвуда. Там есть одна старая дама с нашей улицы, Виола Леттерс. Это такое устаревшее имя, Виола, ведь правда же? Она вовсю втягивает меня в местное общество. Этакая миленькая старая клюшка. Она давным-давно овдовела, у нее тоже нет детей. Ты ведь тоже давно овдовела, разве не так? Тебе не хотелось снова выйти замуж? Я не мешала тебе в этом?

Чарли все болтала и болтала, стараясь, хоть у нее и было тяжело на сердце, говорить весело о вечеринке, на которую они собирались пойти в субботу, о том, какие цвета они подобрали для некоторых комнат, и о коврах, которые собирались присмотреть. Они полагали, что голые деревянные доски пола по обе стороны ковра в спальне более органичны для дома, чем ковровое покрытие от стены до стены.

Мать больше не издавала ни звука, и постепенно, в течение следующих двух часов, ее дрожь утихла. Она по-прежнему бессмысленно смотрела перед собой, когда Чарли, уходя, послала ей от двери прощальный, полный надежды воздушный поцелуй.

– Том, а если бы я захотела установить, кто мои настоящие родители, то какова формальная процедура?

Том, одетый как на службе: в рубашку в полоску, расстегнутую у воротничка и с закатанными манжетами – без интереса копался в чашке с

салатом, облокотившись на кухонный столик. Он приподнял вилку, полную индийской фасоли и побегов люцерны, и в сомнении уставился на нее.

– Я и не думал, что ты интересуешься своим происхождением.

Легкий ветерок прилетел сквозь открытые окна вместе с щебетанием поздней пташки. Чарли проткнула пару упаковок с тестом.

– Я привыкла об этом не думать, но теперь немного заинтересовалась. Думаю, если мы и в самом деле заведем детей, то им не помешало бы знать свою родословную.

– Твои родители умерли.

Она сказала с полным еды ртом:

– Могли остаться всякие тети и дяди.

Он прожевал салат и скривил физиономию.

– Бог мой, от люцерны так и несет старым мешком. – На коже Тома виднелся бледноватый налет лондонской пыли, который не смывался при небрежном умывании из холодного крана. Он выглядел усталым и нервным. Так же чувствовала себя и она. – Чарли, детей усыновляют чаще всего потому, что не существует родственников, которые могли или хотели бы позаботиться о ребенке.

– Так я же не говорю, что собираюсь вступать в родственные отношения. Мне просто хотелось бы знать. Ведь не плод же я одиночного пересыпа или чего-нибудь подобного. Мои родители были женаты.

– Твоя мать умерла во время родов, а отец умер от разрыва сердца. Так?

– Да, так мне всегда рассказывала мама.

– По всей вероятности, он умер от чего-то еще. – Том нахмурился. – Иначе откуда бы твоя приемная мать могла узнать это?

– То, что он умер от разрыва сердца? – Чарли пожала плечами. – Понятия не имею. Я никогда не думала об этом.

– Тебя же удочерили через несколько дней после твоего рождения, ведь так?

– Ну да.

– Люди, которые умирают от разрыва сердца, умирают не мгновенно. И приемные родители обычно не поддерживают отношений с настоящими родителями.

– Но у него мог быть сердечный приступ или что-нибудь еще, – сказала Чарли.

– А приемная мать никогда не рассказывала тебе о родителях?

– Да не вполне. Ну, что они были молодыми, что женаты были совсем недолго, около года.

Она отпила немного вина, но от него только почувствовала тошноту.

– Ты знаешь, как их звали?

– Нет.

– А больницу, в которой ты родилась?

– Нет. – В глазах Чарли возникла ее приемная мать, трясущаяся на койке.

– Если у них была распространенная фамилия, это может оказаться очень трудно. Я-то знаю, что на поиск уходят целые годы… Да и обойдется он в целое состояние.

– Так какова же процедура? – спросила она.

Ее голос прозвучал не громче шепота.

– Ты должна обратиться за оригиналом твоего свидетельства о рождении в дом Святой Екатерины в Лондоне.

– Это долгий процесс? – казалось, это произнес кто-то другой.

Смертельная ложь. Ложь.

Ложь о смерти ее родителей? Не это ли пыталась сказать ей ее приемная мать? Что она, мол, солгала насчет их смерти?

Правда. Возвращайся.

Чарли вспомнила, как задрожала мать, когда она в первый раз рассказала, что они собираются переезжать?

Или из-за того, *куда* они хотели переехать?

Возвращайся.

Куда?!

Жирный гамбургер проскользнул мимо, испуская из своего брюха, словно из открытой раны, корнишоны и кетчуп. За ним последовала тарелка с беконом и яйцами, а потом девушка, распустившая на ветру длинные коричневые волосы. «„Альфа Темпс“, – гласил плакат. – Не пропустите этот удобный набор!»

Эскалатор возносил зажатую в толпе Чарли, словно обломок корабля на волне. Ох уж эти часы пик! Всего несколько недель сельской жизни – и она все больше и больше ощущала себя в Лондоне чужой. Выйдя на дневной свет, Чарли отыскала нужное направление и свернула направо, на Стрэнд.

С вечера того понедельника она так ни разу и не возвращалась в дамский магазинчик, так и не разговаривала с Лаурой. Мысль о Лауре не давала ей покоя. Прошлой ночью, когда Том снова вернулся домой поздно, она была уверена, что от него пахло духами Лауры.

На противоположной стороне Олдвича отчетливо виднелись слова

«ДОМ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ». У здания были большие стеклянные двери и объявление: «Осторожно! Окрашено! Пользуйтесь другим входом». Внутри было два стола для справок, обитая фетром доска с пришпиленными к ней чистыми бланками, а несколькими ступеньками выше – большая современная комната, наполненная рядами металлических книжных полок. Хотя в помещении и было полным-полно людей, в нем царила рабочая тишина публичной библиотеки.

Чарли встала в небольшую очередь к столу с пометкой «Только для справок» и дождалась своей минуты.

– Я была удочерена, – сказала она, чувствуя себя так, словно объясняла, что была прокаженной. – И хотела бы получить копию оригинала свидетельства о своем рождении.

Клерк, невысокий мужчина с приветливой улыбкой, показал ей пальцем направо.

– Вам понадобится номер отсылки, – сказал он. – Вот в этих рядах, документы об усыновлениях.

Она прошла по ярко освещенному проходу между рядов картотек. Ей казалось странно, что подлинная личность скрыта за каким-то номером отсылки. У стены стоял стеллаж с металлическими полками, поверх которого шла отпечатанная надпись: «Усыновления начиная с 1927 г.».

Ей вдруг захотелось повернуться и уйти прочь, бросить все это. А что, если?.. Если?..

Смертельная ложь. А что, если то, что рассказывала ей приемная мать, было ложью? Ну и что ж? Какова бы ни была истина, какое это может иметь значение? Чарли знала одну удочеренную женщину, которая, узнав своих настоящих родителей, при этом обнаружила, что была плодом одиночного пересыпа в кузове военного грузовика. Но это не внесло ничего нового и не привело к разрушению ее мира. Она говорила, что была, мол, даже удовлетворена, узнав это, и чувствует-де себя теперь в жизни более спокойно.

Так что если она и была плодом такого случайного пересыпа, то вовсе не обязана рассказывать это своим детям или кому-то еще… ну разве что это был какой-нибудь герцог. А если она окажется дочерью бродяги (ах, пожалуйста, только не сбежавшего именно на ту ночь из сумасшедшего дома психа!), уголовника, ну что ж, это определенно было бы шоком. И возможно, тайной. Что ж, она узнает эту тайну!

«1952 г. 1953 г. 1954 г.».

Приподняв, она вытащила том, переплетенный в коричневато-желтый материал. Он был тяжелее, чем казался на вид. Чарли опустила его на

плоскую поверхность для письма и открыла. Высохшие страницы переворачивались с резким шуршанием. Она беспокоилась, как бы не порвать их. Бун. Бут. Бутс.

Там было примерно пятнадцать Бутсов, фамилии которых были еще напечатаны на старых пишущих машинках. Чарли пробежала глазами вниз по списку, потом остановилась, испытывая нечто близкое к замешательству при виде своей собственной девичьей фамилии, отпечатанной здесь.

«Бутс. Шарлотта Лесли. 12.8.53. Номер записи – 5А0712. Том № 388».

И это было все. Чарли почему-то ожидала чего-то большего, способного вызвать особенное ощущение. Но ничего особенного, кроме густых чернил на некоторых записях, где исправляли ошибки, не было.

Она перечитала запись несколько раз, мельком взглянула на остальных Бутсов, размышляя, кто они такие и где оборвался их род. Ее заинтересовало, сколько других людей совершили подобное путешествие, сколько разглядывали ту же самую страницу и испытывали ту же самую апатию, хотя им следовало бы разволноваться.

Она отнесла книгу к столу клерка.

– Вам придется заполнить карточку. – Он похлопал по темно-желтому бланку на обитой фетром доске объявлений. – Они лежат вон там, на стойках. Вас удочерили до 12 ноября 1975 года?

– Да.

– Тогда вам следует отправить одну из карточек в отдел усыновлений ГРС, Главной регистрационной службы, – дешифровал он, видя ее озадаченное лицо. – Адрес есть на обороте. Они пришлют вам бланк заявления для усыновленных и свяжутся с вами для собеседования.

– Собеседования?!

– Боюсь, что таков закон. Вы должны пройти собеседование. Если хотите, вы можете заполнить карточку, которую я вам дам, и мы перешлем ее для вас.

Она прошла к стойке, вытащила допотопную авторучку фирмы «Шиаффер», подаренную Томом на день рождения, и слегка прижала кончик пера к карточке.

Внезапно возник резкий запах мускусных духов. Чарли начала писать, но запах становился все сильнее, поглощая ее, словно его носитель наклонился над ее плечом. Она обернулась, но позади не было ни души, только пустая стойка вдоль узкого коридора.

20

Посмотрев на остатки простенького пикника, разбросанные рядом, она, довольная, снова прилегла. Ее голова приютилась у него на груди, она вдыхала сладкие ароматы цветов и травы.

Его пальцы блуждали по ее волосам, в то время как солнце светило ей в лицо сквозь листву деревьев. Закрыв глаза, она наблюдала за пляшущими под веками красными пятнышками. Щебетание птиц приносило ощущение приятной расслабленности, в тон легкому ветерку, шелестевшему листьями, подобно бьющему волнами о берег морю. Земля, казалось, слегка покачивалась, и ей представилось, что, потерпев кораблекрушение, они качаются на плотике в спокойном голубом океане.

В отдалении ей слышался стук конских копыт.

Пальцы коснулись ее щеки, губ, и она куснула зубами один из них. В желудке у него громко забурчало. Несколько раз чуть заметно дернулся ребенок в ее собственном животе. Когда она открыла глаза, бабочка черепаховой раскраски собирала сок с колокольчиков, окружавших их со всех сторон.

После того как он переменил позу, его лицо оказалось над ней. Он поцеловал ее, и она почувствовала в его дыхании запах пива и сосисок. Она погладила жесткую щетину на его подбородке.

– *Ваше имя? Вы можете сказать мне, как вас зовут?* – спросил чей-то голос.

Он провел по ее шее, потом скользнул рукой под платье, лифчик и принялся ласкать груди. Потом зажал сосок между пальцами, и она вздрогнула.

– Ой! Поосторожнее! Больно же!

– *Ваше имя? Скажите, как вас зовут?!*

Неподалеку тихо заржала лошадь.

– *Н-не знаю.*

– *Кто этот мужчина, который с вами? Он ваш приятель? Муж?*

Чья-то рука была на ее колене, скользила вверх по бедру, грубые пальцы продвигались по ее обнаженной плоти.

– *Вы знаете, где находитесь?*

– *Колокольчики,* – прошептала она, раздраженная вторжением и желая, чтоб этот голос убрался прочь.

Ветви раскачивались над ней, солнечный свет пятнами пробивался

сквозь листву. Мимо них прожужжала пчела, над головой пролетела птица, а потом лицо мужчины заслонило свет, и его губы снова прижались к ее губам, его язык пробегал по ее зубам, жадно ища путь в рот. Под ее панталончики, пробиваясь сквозь волоски в паху, скользнули его пальцы. Напрягшись, она твердо оттолкнула руку.

– Ребенок ведь. Мы не должны.

– Ну конечно, мы можем.

Рука снова стала прокладывать себе путь.

– Нет! – Она захихикала. – Перестань!

– Да никакого ему вреда не будет.

– Будет. Мы не должны!

– Не будь ты глупой коровой.

– Дик, пожалуйста.

Она сомкнула колени, и он с гневом откатился от нее. Успокоившись, она почувствовала на сердце непонятную тяжесть. Она приподняла лежавший на ее груди медальон. Ярко-красный камушек в форме сердца блестел на солнечном свете, его золотая цепочка искрилась. Потом на медальон упала какая-то тень. Лошадь била ногой прямо позади нее.

Она подняла голову.

Вырисовываясь силуэтом на фоне неба, на них смотрела с гнедой лошади неизвестная женщина с приятными чертами лица, красивыми, черными как смоль, жесткими волосами, зачесанными назад, пониже шляпки. На ней был элегантный жакет для верховой езды, щеголеватые бриджи и блестящие сапоги.

Хотя глаза женщины затенялись козырьком ее бархатной шапочки, они, казалось, полыхали, как солнце сквозь туман. Ощущаемое в ее глазах презрение, отвращение и что-то такое еще… испугало ее. Прежде чем она отреагировала, женщина ускакала прочь, но пристальный взор ее будто продолжал прожигать сетчатку глаз.

Она поправила задранное ей на живот платье и захихикала одиноким смешком, растаявшим в тишине.

– Она, должно быть, видела. Почему она ничего не сказала?

Он резко поднялся, счищая траву с брюк.

– Она так модно одета, – сказала она. – Я никогда раньше ее не видела. Наверное, она остановилась в поместье.

– Она из Лондона, – отрывисто сказал он. – Какая-то леди, арендующая на лето дом старика Маркхэма.

– Ту мельницу?

– Хочет купить ее, мне говорили.

– Так это она? Та самая, о которой говорили? Судя по тому, что они говорили, никакая она не леди. – Она все еще живо ощущала злобу в глазах той женщины. – А это на Джемме она скакала-то, а?

– Она уплатила мне хорошие деньги, чтобы оседлать ее.

– Джемма – *моя* лошадь. Ты же обещал.

– Когда пройдет лето. В любом случае сейчас ты не должна ездить верхом.

– Они говорили, что она распутница.

– Она леди, – сказал он, повышая голос.

– Как ты считаешь, она хорошенькая? – Он не ответил, и она протянула к нему руку. – Дик, ты меня любишь, ведь да? – Внезапно потемнело. Ей стало холодно, она задрожала. – Дик? Дик?

Потянуло горелым. Языки пламени лизали темноту. Пламя было повсюду. Ржали лошади. Вверху раздался треск, и горящая балка обрушилась на нее. Она закричала. Побежала. Еще одна балка упала перед ней, следом падали и другие. Пламя со всех сторон. Какая-то фигура, шатаясь, шла к ней, фигура человека, горевшего как факел. Она снова закричала, повернулась и побежала – побежала в стену пламени.

Пламя распалось на красное зарево.

…Глаза смотрели на нее, близорукие глаза из-за плотных стекол очков. Озабоченные. Чей-то голос нараспев произнес:

– Чарли, теперь просыпайтесь, пожалуйста. Вы снова в настоящем. Вы больше не в трансе. Вы снова здесь. Вы в безопасности.

Она увидела это печальное, виноватое лицо, этот пробор, эти бакенбарды, эту кофту цвета высохшей горчицы… Морщинки в уголках глаз Эрнеста Джиббона изгибались с намеком на улыбку, одновременно с напряжением мешковатых челюстей. Подобно любознательной птичке, глядел на нее сверху в своем губчатом покрытии микрофон.

– Вы в полной безопасности, Чарли, – сказал Джиббон усыпляющим монотонным голосом. – Вы снова здесь.

Тугие предохранительные ремешки, казалось, врезались в ее кожу. Ее сердце глухо билось, порывисто наполняя пульс.

– Дик, – сказал гипнотизер. – Вы называли его Диком. Вы можете припомнить его фамилию?

Некоторое время она лежала без движения, а потом покачала головой.

– Вы поняли, где находились? Вы узнали это место?

Прежде чем ответить, она попыталась прояснить свое сознание, попыталась собраться с силами, чтобы поговорить.

– Лес – рядом с тем местом, где мы живем. Я думаю, что я спала…

грезила… просто какой-то дурной сон. У меня есть приятельница, которая… – Она помедлила, отчасти от усталости, отчасти от смущения, и вяло улыбнулась. – Я… я ее ревную. Вероятно, ничего такого в этом и нет. Мне кажется, она затягивает в свою паутину моего мужа. Наверное, я и грезила о ней.

– Нет, вы находились в какой-то предыдущей оболочке, – сказал он так спокойно, словно болтал о погоде.

Его челюсти натужно вздымались и опускались, будто он что-то прожевывал. Слабый запах готовящейся еды просачивался в комнату. Мясо, картошка, соус… Она почувствовала тошноту. Слышались завывания сирены за окном и постукивание дождя об оконное стекло. Обычные запахи и звуки казались ей чужими.

– Что вы припоминаете о том мужчине, с которым были, Чарли?

– Я видела его раньше.

– Вы не могли бы сказать когда?

– Я рассказывала вам, что однажды уже подвергалась ретрогипнозу, еще до того, как пришла к вам. Я думаю, что это тот же человек.

– Вы можете описать его?

– Приятная внешность. Крепкий. С короткими каштановыми волосами. Коренастый, жилистый. Чуточку похож… Я полагаю, он похож на актера Брюса Уиллиса, только погрубее. Привлекательный.

Джиббон вытащил большой носовой платок в горошек и принялся протирать очки.

– Это был фермер?

– Да. – Ее голос затихал. – Я не уверена, но я так думаю.

– Вы жили с ним?

– Да.

– На вас было обручальное кольцо?

– Не знаю. У меня был медальон, тот самый медальон, который я нашла в консервной банке, ну, в той, что откопала. В той банке, которую я откапывала прошлый раз…

Он внимательно изучал ее.

– И вы были беременны?

Она кивнула.

– А что-нибудь еще можете вспомнить о себе? Про одежду, которая была на вас?

Чарли подумала.

– Какое-то платье. Вроде бы муслиновое.

Неторопливо водрузив очки обратно, он начал устанавливать их

поудобнее, приспосабливая сначала одну сторону, а потом другую.

– А вы знаете, какое это было время? Какой век?

– Кажется, не особенно давно.

– Но насколько давно?

– Такое ощущение, что совсем недавно.

– Все прошлые жизни кажутся близкими, Чарли.

Гипнотизер медленно и равномерно дышал, из-за одышки звук был такой, словно он спит.

– Точно, это было недавно, – сказала она с пробуждающейся надеждой. – Та женщина сидела на лошади по-мужски.[9] На ней были бриджи. Так что я могла сходить к Желанным камням много лет назад и увидеть, как кто-то закапывает медальон, а потом забыть. Не правда ли, есть что-то загадочное в том, когда вы забываете, что делали или читали в детстве?

– Криптомнезия, – сказал он, и его глаза потускнели, словно ему приходилось демонстрировать все ту же старую защиту против все того же уже замшелого довода. – Какие еще доказательства вам требуются?

Его голос звучал раздраженно.

– Я не знаю, – сказала она опустошенно.

– Вы напуганы?

– Немного.

– Чем же?

– Точно не знаю.

Он улыбнулся самодовольной улыбкой учителя, убежденного, что он знает все лучше всех.

– Вы напуганы той мыслью, что жили раньше?

– Я всегда скептически относилась ко всему сверхъестественному. Я по-прежнему не верю, что…

Его самодовольная улыбка сбивала с толку и раздражала.

– Не верите или *не хотите* поверить?

Она промолчала.

– Люди, приходящие ко мне, часто испытывали травмы, которых они не понимают. Эти травмы вызваны неприятными событиями в их предыдущих воплощениях. Стоит людям понять причину травмы, как она исчезает. – Его заунывным голосом можно было бы с таким же успехом декламировать инструкции к стиральной машине. – Вы хотите иметь детей, но не можете забеременеть. И вот теперь мы обнаруживаем, что в предыдущей вашей жизни вы были беременны и что-то вас травмировало… нечто, пугающее вас так сильно, что вы не можете

посмотреть ему в лицо, и мне приходится вытаскивать вас оттуда. Возможно, именно память об этой травме и мешает вам забеременеть.

Эти слова разволновали ее. Крохотный червячок сомнения пробивал себе путь по проводам ее нервов.

– Я переносил в прошлое тысячи людей, Чарли, – продолжал гипнотизер. – Среди них есть и такие, которые обнаруживали своего рода свидетельства, доказывающие, что их путешествие в прошлое не было всего лишь криптомнезией: какие-то имена в книгах… ландшафты… Но чтобы вернуться оттуда и отыскать какой-нибудь предмет, закопанный предмет… Такого прежде не случалось, понимаете? Нам необходимо продолжить, провести еще сеанс. Это очень важно.

– Вы полагаете, что мы отыщем закопанное сокровище? – сказала она с наигранной бодростью.

Джиббон не принял шутки.

– Дело не в медальоне, Чарли. То, что мы откапываем, находится внутри вас. Это связь. – Его лицо становилось все жестче и сосредоточенней. – В вашем прошлом есть нечто такое, что…

– Что же? – подстегнула его она, и выражение лица гипнотизера заставило ее занервничать.

– Нечто большее, чем просто память.

– Я не понимаю.

– Это, должно быть, нечто злое, сделанное вами в той жизни, и я полагаю, что вы принесли это в нынешнюю жизнь.

– Что же я принесла?

– Это нам и необходимо выяснить.

– Я не желаю продолжать.

– Не думаю, что вы вольны это решать, – сказал он.

– Что вы имеете в виду?

От самодовольства гипнотизера в ней поднимался гнев. Странный он какой-то. Противный.

– Вы могли снова закопать медальон на том холме, но вы не можете снова закопать это в своем сознании. Понимаете, это очень сильная штука. Так что нам лучше назначить следующее свидание.

«Ублюдок ты, – подумала она. – Все это просто трюк, грандиозное мошенничество».

– Я подумаю об этом. – Она открыла свою сумочку и вытащила оттуда кошелек. – Тридцать пять фунтов, да?

Он покачал головой:

– Отдайте их на благотворительные цели. Я вот помогаю обществу

«Собаки-поводыри для слепых».

Она в изумлении уставилась на него.

– Но почему?

– Потому что не хочу, чтобы вы думали, будто я – мошенник, играющий на вашем доверии.

Улыбнувшись обычной улыбкой всезнающего учителя, он встал и утомленно побрел к двери.

21

> «Удивите его: встретьте его у входной двери в сексуальном неглиже, с рюмкой его любимого напитка в руке, и пусть играет музыка. Угостите его обедом при свечах, приготовьте его любимые блюда, побалуйте его за столом, проявите о нем заботу и не прерывайте этих чар… Забросьте мытье посуды до самого утра!»

Чарли мельком огляделась в битком набитом купе поезда, стараясь держать обложку журнала на своих коленях как можно ниже, чтобы никто не заметил бьющую в глаза приманку, заставившую ее купить это издание в книжном ларьке.

> «Как держать вашего мужчину всегда наготове!»

Поезд, с громыханием мчавшийся на юг под чертившим полосы на окнах дождем, миновал аэропорт Гатуик, где нагруженные сумками люди ждали на платформе, словно беженцы; проехал ангары, стоящий самолет… По верхнему переходу волочился неповоротливый толстяк, и она наблюдала за ним, пока высокий пакгауз не скрыл его. Чарли жалела, что они отказались от отдыха в Греции из-за переезда. Отпуск теперь стал единственным временем, когда они с Томом, кажется, становились относительно близки.

Много раз, когда Тома не было поблизости, она прослушивала новые кассеты со своим возвращением в прошлое, не желая, чтобы он знал, что она ходила туда снова, опять потратила деньги. И с каждым прослушиванием одна ее часть как бы становилась более скептической, а другая – более испуганной.

Сегодня она работала в дамском магазинчике, но Лауры не видела; та укатила на пару дней во Францию за покупками. Они не виделись со времени того звонка к Лауре, на который ответил Том. Когда они разговаривали по телефону два дня назад, Лаура тараторила весело, даже слишком весело.

Чарли ушла из магазинчика в четыре часа, оставив там другую подрабатывающую женщину, и отправилась в частную лечебницу навестить приемную мать. Рассказав ей, что приступила к розыску настоящих родителей, она почти ожидала сердитого отклика, но этого не

произошло. Разве что только ей показалось (хотя она могла просто и вообразить себе), что заметила некоторое облегчение на лице матери.

Мимо окон скользили суссекские деревни, быстро сгущалась темнота. Приятный мужчина лет двадцати пяти внимательно наблюдал за ней. Когда на нее глазели, Чарли всегда испытывала приятное чувство, укреплявшее ее уверенность в себе. Именно сейчас ее и не мешало бы укрепить.

Может, подумала Чарли, этот парень заметил обложку ее журнала и оттого улыбается.

На сердце у нее снова стало тяжело. Они с Томом занимались любовью всего один раз, когда переехали, в ту первую ночь. Довольно долгое время у них была близость всего по разу в месяц, но это намеренно, по совету иглоукалывателя. Того самого, которого порекомендовала Лаура и иголки которого причиняли Чарли чертовскую боль (хотя Лаура и уверяла, что вовсе нет). Он-то и заверил Чарли, что она скоро должна забеременеть.

Все в порядке… все в порядке… все в порядке. Ее мозг будто работал в ритме движения поезда, в ритме, который врачи в течение долгих лет считали нормальным.

Все в порядке, все в порядке, все в порядке. Чарли решила махнуть рукой на иглоукалывателя, забавного маленького человечка со странными идеями об обете безбрачия и балансе тела и энергии, с его пикантными лекарственными травами, которые он жег время от времени, прикладывая к ее телу.

«Что это вы пытаетесь сделать? Извлечь из меня ребенка с помощью черной магии?» – в шутку сказала она ему как-то, но его это не рассмешило.

И теперь она хотела близости с Томом, хотела этого больше, чем когда-либо за многие годы, а он не откликался. В воскресенье он уехал на целый день, сказав, что ему, мол, надо разобраться в конторе с одним сложным делом. И вечером от него снова пахло духами Лауры.

Показались крыши Хэйвордс-Хит, и поезд замедлил ход. Чарли достала с багажной полки щегольскую сумку, показавшуюся слишком легкой, и забеспокоилась, не выпал ли ее модный халатик. Заглянув внутрь, она увидела черное кружево и квитанцию, ее бланк небрежно приткнулся к стенке сумки. 145 фунтов стерлингов.

Чарли заулыбалась, когда сошла с поезда и встала в очередь у стойки сдачи билетов. Том, должно быть, чертовски разбушуется. Ну и хорошо. Его темперамент не снизился за все эти годы. Может быть, время и пришло. После того как Том выходил из очередного приступа дурного настроения, их физическая близость в своей высшей точке была порой

очень нежной.

За пределами станции стояла в ожидании вереница автомобилей с работающими двигателями и «дворниками», сгребавшими дождевую воду. Покорные чувству долга жены сидели в своих «вольво», «ренджроверах», в маленьких японских автомобильчиках, с наклейками «Осторожно! Дети!» и прижавшимися к стеклам детскими лицами.

Чарли загрустила, словно видела уютный семейный клуб, из которого ее исключили, изгнали.

Примерно без четверти восемь она свернула на их дорожку. Ей пришлось заехать в магазинчик, чтобы купить бифштексы, а заодно и эскалопы. Его любимую еду, как рекомендовала ей статья в журнале. Эскалопы, бифштекс и ванильное мороженое с горячим соусом-помадкой. И хрен с ними, с расходами!

Память об улице Апстэд-роуд в Уондсворте понемногу стиралась. Новая хозяйка звонила им раза два, передавая телефонные сообщения, но была не очень общительна и не сказала, понравился ли ей их бывший дом. По правде говоря, разговаривала она немного раздраженно. Может, она обнаружила где-нибудь сырость или гниль, хотя никаких особенных недостатков там быть не должно, не считая разве что течи в крыше чулана, о чем Чарли с виноватым видом умолчала. Так там и протекало-то только при сильном дожде. По всей вероятности, сейчас-то и протекало.

Со стороны «башен юных дарований» загорелся свет фар. Это была Зоэ в «ренджровере».

– Чарли, привет! – Зоэ загородила лицо рукой от дождя. – Ну, всего хорошего. Мне надо забирать детишек. Пока!

Чарли покатила дальше по улочке. Двери мастерской Хью были плотно заколочены досками, через окно гостиной Розового коттеджа мерцал экран телевизора.

Съезжая с крутого холма под тенистые арки леса, она чувствовала себя одинокой. После игры в теннис Том вернется домой не раньше начала десятого. Свет фар машины выхватил из темноты зеленый корпус перевернутого ялика и объявление: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. РЫБНАЯ ЛОВЛЯ ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ КЛУБА», прибитое гвоздями к дереву. Они уже видели нескольких человек, удивших рыбу по выходным, и еще одного-двух, занимавшихся тем же ранними вечерами. В окне бакалейной лавки в деревушке Элмвуд стояла небольшая открытка с именем и данными того, кому следовало позвонить по поводу членства.

Поверхность пруда пронзал дождь, полоса грязной пены болталась у

берега. Удивившись лежащей на гравии соломе, Чарли вспомнила, что Хью сегодня выводил из амбара тот старый автомобиль. Дождь усилился, сталактиты воды с силой обрушивались с неба и разбивались о землю на крохотные брызги. Она помчалась с хозяйственной сумкой к парадной двери, слыша, как лает Бен.

– Хорошо, хорошо, малыш, – закричала она, входя в прихожую и включая свет.

Вокруг стола, лежащего на боку посередине комнаты, были разбросаны газеты и письма.

Бен? Он что, перевернул его? Чарли всмотрелась в темный коридор. Позади нее раздался ужасный удар. Резко обернувшись, она увидела, что ветер захлопнул входную дверь.

Господи! Ее нервы натянулись как струны. Она включила свет в коридоре и в насквозь промокшей одежде прошла в кухню. С ее лица еще струилась вода. Бен пулей выскочил откуда-то, подпрыгивая.

– Ну что, присматривал за тобой Берни? Выводил он тебя погулять, а? Ну-ка, давай сходим пройдемся!

Он вприпрыжку помчался по коридору. Следуя за ним, она с беспокойством поглядывала на стол в прихожей, решая, каким образом он свалился. Ведь наверняка Берни или другие строители, а может, водопроводчик или электрик должны были бы догадаться его поднять? Бестолковые болваны. Утром она поговорит с ними.

Сбежавший по ступенькам Бен задрал лапу у полиэтиленового покрытия, оставленного рабочими над своими материалами. Ухватив пакеты с продуктами из багажника «ситроена», Чарли помчалась обратно в дом. Бен прибежал следом.

Залпом крупной картечи ударил по окнам дождь. Ветер завыл в камине, и что-то зашаркало внутри него, слегка ударяя по стене дымохода. «Видно, хворостинки выпали из гнезда какой-то птички», – подумала она, затаив дыхание, пока это неизвестное падало и шумело в трубе. На верху ее узкой горловины ветер стонал как бы с одышкой.

С позвякивающим ошейником Бен беззаботно просеменил по коридору. Чарли с усилием подняла и поставила на прежнее место тяжелый стол, осмотрев его крепкие ножки, нашла их в полном порядке. Выходит, он не опрокинулся сам по себе, и никто не мог перевернуть его, ничего не заметив.

Сверху послышался скрип. Она посмотрела на темную лестницу, прислушалась. Из своей миски с громким чавканьем пил Бен. С новой силой обрушились потоки дождя. Какой-то лязг.

Дз-з-зынъ!

Всего-навсего новый паровой котел, из которого по трубам лилась вода. Водопроводчик оставил котел включенным на несколько дней для проверки системы. Котел должен работать под низким давлением, потому что в доме сыро и прохладно. Чарли убрала со стола почту – очередную порцию пересланных из Лондона писем, счетов, рекламных проспектов и подписанный от руки конверт с запоздалым выражением благодарности от Джона и Сью Орпен.

Чарли отнесла продукты в кухню, прогретую газовой плитой, и положила на столик. Красный огонек автоответчика не мигал: значит, никаких сообщений. Золотая рыбка плавала по своему шару. Покормив Бена, Чарли вскипятила немного воды и достала подаренную ей Томом несколько лет назад кружку с отпечатанной надписью «Счастливого Рождества, Чарли». Она всыпала в нее ложечку кофе с верхом, полнее, чем обычно, чтобы остановить зевоту. Поставив дымящуюся кружку на стол, она вывалила эскалопы из белого пластикового пакета в раковину.

Бен издал низкое, рокочущее рычание.

– Что такое, малыш?

Сильный поток холодного воздуха, холоднее, чем сквозняк в разгар зимы, окутал ее. Бен лаял на потолок, потом куда-то позади нее, и снова на потолок. Закачалась сушилка. Холод исчез так же внезапно, как и появился, оставив ее крепко обхватившей обеими руками свое тело.

– Тсс, малыш, – произнесла она, пытаясь говорить тише, вроде ребенка, прислушивающегося в темноте к непонятному звуку.

Чарли поднесла руку ко рту и куснула кожу на большом пальце, попеременно глядя на потолок, на сушилку, и слушала, слушала… Но так и не услышала ничего. Взяв кружку, отхлебнула из нее и тут же, вздрогнув, резко отдернула чашку: кофе был холоден как лед. Это была та самая кружка – «Счастливого Рождества, Чарли».

Обнюхивая пол и плинтусы, Бен жалобно поскуливал. Чарли коснулась края чайника. Горячий. Она приподняла крышку, и изнутри поднялся пар. Желая удостовериться, что не ошиблась, она окунула палец в кружку, но вода была холодной, даже ледяной – настолько, что Чарли тут же отдернула палец. Бред какой-то. Она сходит с ума. Должно быть, просто наполнила кружку из-под холодного крана. Она нахмурилась, попыталась сообразить, в чем дело, но так и не смогла. Наливала-то она из чайника. Ну конечно, из чайника. Конечно же…

Пристально глядя вдоль коридора, Бен зарычал, и на его загривке шерсть встала дыбом. Чарли почувствовала, что волоски на ее собственном

теле тоже поднимаются. Она последовала за псом, который прошлепал до основания лестницы, свирепо посмотрел наверх и снова зарычал.

– Том? – крикнула она, зная, что его там нет. – Эй?

Ее голос поднялся на целую октаву. Десны Бена задвигались, глаза его будто что-то искали. Повернув выключатель, Чарли осветила лестницу.

Дз-з-зынъ!

Опять этот паровой котел. Она взяла хозяйственную сумку и стала карабкаться по ступеням, пытаясь двигаться не слишком медленно, чтобы не выглядеть испуганной, но все же достаточно медленно, чтобы услышать, если… *Если?*

Если там что-то было?

На лестничной площадке вдоль стен бросали затененный свет лампочки в бра. Доски пола скрипели, и балки, казалось, отзывались тоже скрипом, словно старинный деревянный корабль, пробивающийся сквозь шторм.

Все двери были закрыты, и Чарли по очереди зашла в каждую из комнат. Пусто, пусто, пусто. Каждый раз она выключала свет и захлопывала дверь с вызывающим стуком. Проверив быстренько и мансарду, потому что мансарда всегда пугала ее привидениями, она зашла в спальню.

Ей смутно показалось, что чего-то не хватает, вроде бы стало поаккуратнее, чем обычно. Проверив и ванную при спальне, она вытащила черный шелковый халат из хозяйственной сумки, подошла к туалетному столику и, заглянув в зеркало, приложила халат к себе.

Тут она заметила лежавший на столике конверт, прижатый щеткой для волос. Утром его там не было. Аккуратным почерком Тома на нем было написано просто «Чарли».

Она взяла конверт в руки, и он тут же выпал из ее трясущихся пальцев обратно на столик с легким хлопком. Указательным пальцем Чарли разорвала его.

> «Дорогая, я очень нежно люблю тебя, но кажется, здесь это не слишком-то хорошо получается. Мне нужно несколько дней побыть наедине с самим собой. Извини, что не мог сказать тебе это сам. У тебя есть чековая книжка и кредитные карточки, на счете деньги. В ящике комода, под моими носками, лежат 500 фунтов наличными. Я тебе еще позвоню. Извини, если письмо выглядит бестолково, но ты ведь знаешь, я никогда не

умел достаточно хорошо выражать чувства. Мне необходимо подумать о своей жизни и о том, чего же я на самом деле хочу. Я знаю, это причинит тебе боль, принесет тебе страдания, которых ты не заслуживаешь. Это и мне причиняет боль, более сильную, чем я могу выразить. С собой я захватил некоторые нужные мне вещи. С любовью

Том».

22

Солнечный свет струился в окно, как пообещал им торжественно мистер Бадли, и на мгновение она почувствовала себя хорошо, на короткое время, пока вдыхала душистый воздух и прислушивалась к раннему щебетанию птиц, еще до того, как память, спящая внутри нее, стала пробуждаться.

В комнате пахло жженой бумагой.

Она села, сбитая с толку и вся покрытая потом. Подушки Тома подле нее все еще были округлыми, несмятыми, его сторона постели – непотревоженной. По ней прокатилась волна нарастающего уныния.

Дорогая, я очень нежно люблю тебя.

Ей это приснилось. Это был дурной сон. Все отлично. Том в ванной, он бреется и чистит зубы.

– Том? – окликнула она.

Ответа не последовало. Ее руки болели, и она вытащила их из-под простыни, чтобы осмотреть. И поразилась рукам с засохшей грязью, испещренным порезами. Вокруг одной из ран, шедшей вниз по пальцу, запеклась загустевшая кровь. С кончиков трех пальцев кожа была ободрана. Еще больше порезов пересекало тыльные стороны ладоней. Перевернув ладони, Чарли увидела другие порезы, вызывавшие мучительную боль. От напряжения кожа у нее на голове будто поползла вверх. Бен? Он, что ли, набросился на нее? Нет, быть не может. Это какой-то сон. Она просто спит. Просто…

Когда Чарли свесила ноги с постели, ступив на деревянный пол, вид собственных ног вызвал у нее вопль мистического ужаса. Ноги были тоже покрыты засохшей грязью, набившейся между пальцами. Разбрызганная выше по ногам грязь еще оставалась сырой. Ее ночная рубашка, тоже забрызганная грязью, насквозь промокла и испещрена полосками крови.

Мысленно она вернулась к прошедшей ночи. Сидела за туалетным столиком. А потом – ничего. Пустота.

В ее горле дернулась мышца. Чарли внимательно осмотрела комнату, будто надеялась обнаружить в ней хоть какой-то ответ. Туалетный столик. Плач. Может, она разбила что-то, какое-нибудь зеркало или стекло и, выходит, поэтому?.. Она покачала головой. Откуда же тогда могла взяться грязь? Ее руки и ноги были воспалены и болели.

Чарли посмотрела на туалетный столик, и вот тогда-то заметила этот

маленький грязный предмет рядом со щеткой для волос.

Шатаясь, она наклонилась над ним. Сквозь грязь проглядывала заржавленная консервная банка. Колеблясь, словно тянулась к ядовитому насекомому, Чарли медленно подняла банку. Что-то внутри ее дребезжало, скользило, звякало. Не обращая внимания на боль, Чарли соскоблила грязь ободранными пальцами, пока не смогла разглядеть, что это такое, пока не убедилась в том, что действительно видит этот предмет.

Онемев от страха, она поддела большими пальцами крышку банки. Та открылась с негромким хлопком, показывая приютившийся внутри медальон в форме сердца. Тот самый медальон, который она откопала, а потом снова закопала у Желанных камней.

Подошел Бен. Медальон дребезжал в трясущихся руках Чарли. Поставив банку на столик, она опустилась на колени и потрепала пса, обвила руками и крепко обняла, желая ощутить что-то реальное, живое.

Его шкура была мокрой. И лапы тоже мокрыми, мокрыми и грязными. Он вилял хвостом.

– Хороший малыш, – сказала она рассеянно. – Хороший малыш.

Она встала. Ее голова была как в тумане, и Чарли видела медальон расплывшимся пятном. Она вынула его из банки, и потускневшая цепочка соскользнула по ее запястью. Нажав на застежку, она вскрыла сердечко.

Наружу выпал столбик черного порошка. Сначала ей показалось, что это земля, мелко истолченная земля, но крошки почерневшей бумаги вылетели наружу, зигзагом опускаясь на пол.

Дорогой Камень, я люблю его. Пожалуйста, верни мне его. Барбара.

Кто-то спалил эту записочку.

Краска обжигала руки и глаза. Чарли смочила валик в плоском желобе с краской и провела им по стене, покрыв ею немного больше площади грунтовой бумаги на панелях между дубовыми балками, чем прежде. А все потому, что ей было необходимо что-то делать. Хоть что-нибудь.

– Вам бы, мадам, сначала обработать потолок.

Лаура. Эта сука Лаура.

Чарли позвонила Лауре и наткнулась на автоответчик в ее квартире, наткнулась на автоответчик и в дамском магазинчике, позвонила Тому по частной линии, но там никто не ответил, позвонила по его основному номеру и повесила трубку, поскольку ответил телефонист. Уж не в Париже ли он с этой сучкой Лаурой?

– Не то краска с потолка поползет потом на стены.

Строитель Берни, нахально ухмыляясь, стоял в дверном проеме в

грязном комбинезоне и с золотой сережкой в ухе.

– Потолок? Да… я… Я так и сделаю, наверное.

Берни провел руками поверх грунтовой бумаги.

– Неплохо. Мы подыщем вам работенку, если вы захотите стать профессионалом.

Она невольно улыбнулась.

– Для любителя это хорошо! – Он потер пальцем трещину между двумя соединениями. – Тут у вас вышла нахлестка, а надо бы их избегать, иначе краска сморщится.

– Не думаю, что эти стены имеют значение.

Ее голос звучал слабо. Стиснув ладони, она пыталась остановить боль.

– Господи, что вы с руками-то сделали?

– Стекло. Я разбила… кое-что стеклянное.

Он мельком взглянул на балки:

– Есть неплохой материал, которым вы могли бы их покрыть, вернуть им естественный цвет. Не могу припомнить название. Спрошу у Пита. – Он дернул за свою сережку. – И еще насчет стола-то вашего. – Он ткнул пальцем в направлении прихожей. – Ну, того, который, вы говорите, был опрокинут. Я помню, как принесли вторую почту, и я аккуратненько сложил ее на этот стол.

– А кто был здесь после того, как вы ушли?

– Да никого не было. Я запер собаку в кухне, как вы и просили.

– А водопроводчика уже не было?

– Нет.

– Вы уверены?

– Да, он рано ушел.

– А вы видели моего мужа, когда он приехал?

– Да, где-то около трех часов. Собирался в командировку. Хорошо бы так вот прокатиться. Куда он уехал-то? В какое-нибудь экзотическое местечко, да? А вас оставил тут работать. Таковы уж мужчины, это точно.

Кто-то слегка стукнул дверным кольцом. Бен залаял. Чарли вытерла руки о тряпку и пошла открыть. Державшийся подальше от дверей Гидеон выглядел раздраженным. Коснувшись шапочки, он произнес:

– Боюсь, я не буду к вам больше приходить, миссис Уитни. – Он вручил ей грязноватый конверт. – Тут мои рабочие часы за последнюю неделю.

Чарли с удивлением взяла конверт.

– Надеюсь, это не из-за кур? Мы не виним вас за них, Гидеон. Это вина не ваша. Вы хорошо поработали над изгородью.

Он пожал плечами, избегая смотреть ей в глаза:

– Я-то думал, что будет по-другому, раз уж она умерла, но ничего не изменилось.

– Что вы имеете в виду? – Она механически открыла конверт.

– Да лучше бы мне не говорить, если вы не возражаете.

– Я бы предпочла, чтобы вы сказали.

Его раздражение усилилось.

– Вам не составит труда подыскать кого-нибудь еще, – сказал он, пока она вынимала исписанный от руки листок. – Восемь с половиной часов на прошлой неделе.

– Вам что, предложили где-то больше денег? Я уверена, что мы могли бы повысить вам оплату.

Он покачал головой и уставился на ее сапожки.

– Нет, это здесь ни при чем.

– Не понимаю, в чем проблема?

– Я уже решил. Только не хочу об этом говорить.

– Пойду за кошельком, – сказала она, озадаченная и рассерженная.

Чарли стояла у того самого стола в прихожей и разбирала утреннюю почту. Внутри официального темно-желтого конверта, адресованного ей, были краткое письмо-листочек, озаглавленное «Доступ к регистрации рождений. Информация для усыновленных» и бланк. Прочитав листочек, она мельком взглянула на бланк и сложила их в конверт. Сквозь ее подавленность просочился слабый ручеек волнения и надежды.

Электрик, невысокий подагрический мужчина с козлиной бородкой, спустился по лестнице.

– Извините меня, миссис Уитни. Вы пользуетесь в доме необычными электроприборами?

– Необычными? В каком смысле необычными?

– Ну, чем-нибудь не домашним. С очень высокой мощностью.

– Мужчина, приходивший снимать показания счетчика, тоже говорил, что здесь используется много энергии. Он считал, что где-то короткое замыкание. А разве мой муж не говорил вам об этом?

– Никакого замыкания мы нигде не обнаружили. Мы заново сделали проводку и повсюду проверили ее. – Он похлопал по небольшой отвертке, прикрепленной к карману рубашки, как бы подчеркивая то, что сказал, а потом попытался вытащить занозу из пальца. – Здесь используется… что-то слишком уж мощное. Часть новой проводки, которую мы установили, начинает плавиться.

– Плавиться?

Он зубами вытащил кусочек занозы.

– Я проверил ваши электроприспособления. Они в полном порядке. Мне, видно, придется заменить часть новой проводки, которую я установил. – Он покачал головой. – Забавно. Позвоню в управление энергоснабжения, хочу удостовериться, нет ли здесь поблизости надземных кабелей.

– А что-нибудь другое не могло это вызвать?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, я не знаю… Сырость, сильный дождь.

– На электричество может влиять масса вещей. Я прослежу.

– Спасибо.

Пройдя в кухню, она поставила на плиту чайник и села за стол изучать форму обращения по поводу регистрации ее рождения. Чарли взялась за шариковую ручку.

Бланк расплывался, как и ее сознание. Она начала заполнять его, полная решимости, о да, полная решимости. Она заполняла бланк крупными буквами, огромными буквами. Ручка дважды глубоко протыкала бумагу, и Чарли приходилось останавливаться и разглаживать бланк вокруг дыр.

Чайник закипел, с щелчком отключившись, и ее внимание снова сосредоточилось на бланке. Расширившимися глазами она уставилась на то, что написала. Хотя это был совсем не ее почерк.

Надпись была отчетливой, крупной и небрежной:

«НЕ ЛЕЗЬ ТЫ В ЭТО ДЕЛО, СУЧКА».

– Эй?

В дверном проеме кухни стоял Хью Боксер, держа какое-то растение размером с небольшое деревце. Чарли перевернула бланк об усыновлении, пытаясь скрыть растерянность.

Верхушка растения была изогнута, и листья торчали во всех направлениях, будто оно росло так же беспорядочно, как и волосы самого Хью.

– Маленькая благодарность вам за то, что держали автомобиль в амбаре, – сказал он и добавил: – И что-то вроде подарка типа «Добро пожаловать к нам в соседи».

НЕ ЛЕЗЬ ТЫ В ЭТО ДЕЛО, СУЧКА.

Внутри у Чарли все бурлило.

– Очень мило. Что это такое?

Хью посмотрел на растение, как бы пытаясь припомнить, что он, собственно, намеревался с ним делать. Лицо его было испещрено следами машинной смазки, как и запачканные рабочие брюки из грубой ткани. Поверх рубашки с протершимся воротничком повязан галстук.

– Какое-то латинское название. Там, в пакете, есть специальная подкормка, которую вам надо будет ему давать. Черное мясо или что-то в этом роде.

Она слабо улыбнулась и коснулась одного из листьев – мягкого и пушистого.

– Спасибо, он и в самом деле милый. Весьма любезно с вашей стороны.

– Что вы сделали со своими руками?

– О, это… стекло. Просто царапины. – Она отвернулась от его вопрошающих глаз. – Очаровательное растение.

– Я его поставлю куда-нибудь. А то оно тяжелое.

– Вот на стол будет хорошо.

– Ему нужен свет, – сказал он.

– Возможно, ему понравится этот вид, – сказала она, пытаясь напустить на себя веселость.

Хью ухмыльнулся.

– Мне говорили, он неравнодушен к разным видам.

Их взгляды встретились, и Чарли заметила, что он почти незаметно нахмурил брови.

– Я как раз собиралась приготовить немного кофе.

– Это здорово, спасибо, но только мне не хотелось бы…

– Я собиралась пить растворимый, но в вашу честь я приготовлю настоящий.

Собеседник. Чарли не хотела, чтобы он видел ее страдание, ей хотелось, чтобы он остался, поговорил с ней. В его лице, манерах было что-то успокаивающее, хотя она толком и не понимала, что именно. Здесь, в доме, он выглядел еще выше, чуть не задевая потолок.

Она положила бланк запроса на подоконник и придавила его пластиковой рамкой с фотографиями Тома и ее собственными. Хью водрузил растение на стол. Прямо над ним раздавался стук молотков.

– Мне нравится золотая рыбка, – сказал Хью, подойдя к кухонному столу.

Он наклонился над шаром с Горацием и, подражая рыбке, открыл и

закрыл рот. Чарли улыбнулась, пытаясь остановить готовые хлынуть слезы. Его внимательная доброжелательность заставила ее еще сильнее почувствовать печаль.

Клинышек обтрепанного галстука скользнул в воду. Хью оставил его в аквариуме, потому что рыбка подплыла к нему.

– Ему нравится мой галстук. Эта золотая рыбка явно рвется к портняжному делу.

– Вы можете снять его и просушить здесь, – сказала Чарли, а потом отвернулась, чтобы он не видел закапавших из глаз слез. – Вы всегда носите галстук? – спросила она.

Голос ее сорвался, она ложечкой сыпала кофе в кофейник. Она слегка коснулась глаз посудным полотенцем.

– Да. – Он отжал воду с кончика галстука. – Старая привычка. Мой отец всегда был одержим респектабельностью. – Хью разгладил клинышек галстука на груди. – Он был одним из тех британцев, с которыми вы спокойно могли бы отправиться хоть в пустыню. Даже если там будет сто сорок градусов в тени по Фаренгейту, он тем не менее будет одет в твидовый костюм и рубашку с галстуком.

– А чем он занимался?

Хью теребил рукой волосы.

– Он был археологом. Вел в своем роде жизнь Индианы Джонса, только не столь лихо. Им овладела навязчивая идея найти Священный Грааль,[10] и он потратил здоровенный кусок жизни, раскапывая могилы.

– И все время при галстуке?

– Беспокоясь, что люди могут счесть его немного чокнутым, он старался выглядеть респектабельно. Он считал, что человеку в галстуке люди доверяют. Бедняга все время пытался добыть денег на экспедицию или что-нибудь еще, рассчитывая убедить людей. – Хью коснулся галстука. – Вот почему, вероятно, и я ношу всегда эту штуку. Ношение галстука сидит у меня в генах. – Он улыбнулся. – Все мы пленники нашего прошлого, вы же понимаете.

– Он нашел хоть что-то?

– О да. Не то, что разыскивал, но несколько открытий он сделал.

Открытия. Раскопки. Чарли захотела узнать, не откапывал ли его отец какой-нибудь медальон. Пятнышки усталости плясали в ее глазах.

– С вами все в порядке? – спросил он.

Чарли кивнула.

– Вы выглядите бледной.

Гены. Родители. Люди всегда считают своих родителей чем-то само

собой разумеющимся, равно как и особенности, которые от них переняли. Ей хотелось узнать особенности своих настоящих родителей: не носил ли все время галстук ее отец? Какие духи предпочитала ее настоящая мать? Подобные вопросы никогда прежде не приходили ей в голову.

– Я немного устала. Покраска дома – работа тяжелая.

– Надеюсь, я не оставил большого беспорядка, выводя автомобиль. Солома совершенно сгнила. Должно быть, она пролежала там долгие годы. – Стук молотков над ними стал сильнее. Хью мельком взглянул на оловянную пивную кружку Тома, стоявшую на кухонном столе. – Ну а как поживает лучший игрок матча?

– О, он… – Чарли почувствовала себя так, словно туча внезапно закрыла от нее солнце. – Нет его, в командировку уехал.

Слезы грозили появиться снова, и она налила кофе в кружку, неловко держа кофейник и пытаясь не слишком сильно сжимать ручку.

– Как там Виола Леттерс? – спросила она, доставая из буфета жестянку с сухим печеньем.

– Хорошо. Она безумно любила пса. Я хоть и не схожу с ума по йоркширским терьерам, но он не заслужил такой участи.

Хью потянул за шнур сушилки, и та приподнялась и опустилась на несколько дюймов с пискливым скрипом. Потом он подошел к раковине и выглянул в окно. По спокойной воде плыла пара лебедей.

– Прекрасный вид.

– Гидеон больше не будет приходить, – сказала она.

– Да?

– Он не сказал мне почему. Думаю, он расстроен из-за тех кур… считает, что мы его виним.

– Он что, вообще не собирается работать на этой улочке?

Чарли пожала плечами:

– Не знаю. Он застал меня врасплох.

Хью вынес поднос с кофе и печеньем в небольшой внутренний дворик на задворках дома, где они уселись на жестких скамьях у дуба. С жадностью проглотив аппетитное печенье, Бен растянулся на животе на плиточном настиле рядом. Чарли чесала на его шее место укуса какого-то насекомого.

– Хорошо сидеть на дворе в октябре, – сказал Хью, высыпая в кофе ложечку сахара. – В этом основная прелесть здешней жизни. А как ваша приятельница Лаура?

– О, с ней все в порядке, – слишком быстро ответила Чарли.

Он размешивал свой кофе, позвякивая ложечкой. В деревьях над ними

скрипуче пищала птичка, чем-то напоминая звуки от резиновых туфель, когда в них ходят по линолеуму.

– Хью, на том нашем пикнике вы говорили, что у вас, мол, есть свидетельства перевоплощения людей, но что в ретрогипноз вы не верите. А в перевоплощение вы в самом деле верите?

Он вытащил из кармана трубку и заглянул в ее чашечку.

– Я не абсолютно не доверяю ретрогипнозу. Бывают и убедительные случаи.

Изнутри дома донесся какой-то звон: возможно, разбилось стекло или что-то упало на металлический лист. Они оба посмотрели туда, а потом снова повернулись друг к другу. На лице Хью появилось выражение озабоченности, смутившее Чарли.

– Вот о чем я говорил. Я не верю в разные игры с оккультными явлениями, – закончил он.

– Вы полагаете, что ретрогипноз – игра?

– Это зависит от того, как к нему относиться, от того, кто его проводит. Сам по себе ретрогипноз – занятие солидное. Только очень опасное. Есть много гипнотизеров, относящихся к нему как к игре, и это еще более опасно.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

Не лезь ты в это дело, сучка.

От боли в глазах Чарли заморгала. Ей хотелось, чтобы Хью перестал смотреть в них. Она коснулась чашки, и сразу заныли порезы.

– В чем же опасность?

– Гипнотизеры вроде медиумов. Они помещают людей в меняющиеся состояния сознания, пытаются дотянуться до других плоскостей, до других измерений и вступают в контакт с вещами, которые совсем не хотят, чтобы с ними контактировали, даже не хотят, чтобы их тревожили; с вещами, которые тревожить они не имеют права.

Он щелкнул зажигалкой и подержал руку над пламенем, защищая его от ветерка. По телу Чарли разливался холод.

– А что нужно для того, чтобы доказать, что вы жили раньше?

– Свидетельство.

– Какого рода свидетельство?

Он поправил горящий табак в трубке большим пальцем.

– Что-нибудь вроде знания о том, что случилось в предыдущей жизни и чего никто другой из живых людей не знает. То, чего вы не могли узнать иным путем, если только вы не жили раньше. – Он поднял глаза. – Это вовсе не должно быть невероятным. Между прочим, небольшие вещи как

раз более убедительны, поскольку куда меньше вероятность, что они названы в исторических книгах.

Небольшие вещи… Вроде медальона.

Медальона, о котором никто не знает, что он там был?

– А может это помочь людям разобраться с их травмами? Мне про такое говорили.

– Вы хотите сказать, что кто-то боится воды из-за того, что в предыдущей жизни он утонул?

– Ну да, что-то в этом роде.

– Покончить со страхом людей перед водой помогает обучение плаванию, а не выяснение того, что они-де утонули при гибели испанской армады.[11]

Хью разломил печенье пополам, а потом и каждую половинку. Чарли подумала, уж не собирается ли он сложить из них какую-то схему. Но вместо этого Хью обмакнул каждый из кусочков в кофе и съел их.

– Я считаю, что ретрогипноз чреват всевозможными опасностями. Он искажает мысли и эмоции, которые как бы дремлют в сознании, и обычно дремлют неспроста, поскольку сознанию удалось оттеснить их. Так что вы рискуете пробудить их.

Чарли обхватила себя руками. Подул резкий ветерок, и какой-то коричневый лист покувыркался мимо.

– Все, что любительски вторгается в мир души, опасно, – сказал Хью. – Ведь не только у людей есть память. У разных мест она тоже есть.

Он снова посмотрел в ее глаза, и Чарли отвернулась. Отхлебнув кофе, она едва не выплюнула его: в ней поднималась непонятная волна тошноты. Озадаченная Чарли принюхалась к чашке. Пахло хорошим кофе, но привкус у нее во рту был отвратительным.

– У мест есть память? – переспросила она.

– Полагаю, что да. Вы, наверное, знаете, каким образом создается атмосфера в домах? То, что происходит в них, влияет на ощущения. Если в доме случилась беда или царит печаль, то этот дом, какая-то комната в нем очень часто несут в себе ощущение угнетенности; даже, может быть, холодной как родник. – Он пожал плечами. – Этому можно найти вполне научное объяснение. Возможно, атомные частицы в стенах удерживают следы воспоминаний, вроде видеокассеты, и некоторые люди могут случайно настроиться на эти следы и привести в движение, так сказать, повторный показ. Такова одна из теорий о привидениях – все они в своем роде повторный показ.

Глядя на дом, Хью пробежался взглядом от окна к окну по второму

этажу, потом по первому, на Чарли и снова на дом. Он предложил отнести поднос в кухню, но она заявила, что сумеет справиться и сама. Уходя, он сказал спокойно, как ей показалось, даже нарочито спокойно, словно не хотел, чтобы кто-то услышал его:

– Будьте поосторожнее.

Он потрепал Бена и пошел через сад по дорожке. Чарли понесла поднос через тусклую котельную в кухню.

Что-то хрустнуло у нее под ногами.

Шара с Горацием на кухонном столе не было, и она соображала, кто же мог его передвинуть. Когда снова раздался хруст, Чарли увидела, что пол покрыт водой, битым стеклом, крошечными цветными голышами и прядями водорослей.

Она едва ли сознавала, видя, что фарфоровая кружка скользит по подносу, подпрыгивает на его решетчатом краю, прежде чем опрокинуться и разлететься вдребезги у ее ног.

Гораций?

Ее глаза бегло осматривали пол, а сердце выскакивало из груди. Разглядывая осколки стекла и фарфора, она искала в них маленькое золотое пятнышко. Пожалуйста, пусть все с тобой будет в порядке. Шлепайся где-нибудь тут. Пожалуйста.

Она поставила поднос на кухонный столик и уже собиралась опуститься на колени, чтобы посмотреть и под столом, когда ее глаза наткнулись на черный ручеек кофе, пробивший себе путь через осколки и пронесший с собой Горация на несколько дюймов, пока он не застрял между ножкой стола и отбитым носиком кружки. Его хвост покачивался в остатках кофе, оставляя слабую надежду, что рыбка еще жива.

– Гораций, – выдавила она из себя, поднимая его.

Он не шевелился и уже становился твердым, его глаза смотрели невидяще, рот был открыт. Легкий, такой легкий, на вес он казался не тяжелее конфетной обертки из фольги.

Раздался еще один залп молотков, от которого затрясся кухонный столик, задребезжав посудой. Чарли заткнула пробкой раковину и положила Горация в воду, наблюдая, как он кружится на поверхности, и надеясь, что в какую-то секунду он вильнет хвостом и устремится на дно.

Но, поднимаясь вместе с водой, он по-прежнему кружился на поверхности. Вода обожгла холодом ее пальцы, когда Чарли вынула его из раковины. Рыбка стала еще жестче.

Поскрипывая, качалась деревянная сушилка. Чарли поднялась на ноги, издавая какие-то высокие звуки, чтобы не разрыдаться над маленькой

мертвой рыбкой.

Чарли похоронила Горация в пластиковом мешочке там же, на берегу, в лесочке, где похоронила и кур. На крошечный могильный холмик она возложила небольшой камушек.

Лошади, пасшиеся на выгуле, когда она шла обратно по берегу, напомнили ей о той щегольского вида всаднице из последнего возвращения в прошлое, которая столь презрительно пялилась на нее сверху. И о том беспокойстве, которое она тогда ощутила.

Смертельная ложь. Правда. Возвращайся – так сказала ее приемная мать.

Но куда, куда возвращаться?!

Должен же быть кто-то, знающий это. Чарли, вспоминая, изо всех сил напрягла мозг. У приемной матери не осталось никаких живых родственников. Быть может, она доверилась кому-то из знакомых? Ирен Уиллис. Да, она вполне могла довериться Ирен Уиллис. Надежда вспыхнула и тут же угасла: Ирен Уиллис умерла от рака четыре года назад.

Чарли вошла в кухню.

Не лезь ты в это дело, сучка.

Она уставилась на испорченный ею бланк, все еще подоткнутый под пластиковую рамочку с фотографиями. Что за бредятина! Разговаривала сама с собой. Блуждала где-то во сне. Выкопала медальон из земли посреди ночи. Написала указания самой себе…

Новое рождение. Таинственное новое рождение, которым она занималась с Лаурой, когда ее пытались научить относиться к себе поувереннее, произнося по полчаса в день перед зеркалом продиктованные ей слова.

«Для меня, для Чарли, безопасно ощущать весь мой ум и все мои чувства. Я, Чарли, любима и желанна как женщина».

Это Лаура. Сучка. Коровища.

Сидя за столом, Чарли старалась заглушить в себе рыдания, глядя то на пустое место на кухонном столе, где стоял шар с Горацием, то на мокрое пятно на полу. Она беспокойно дергалась, дожидаясь, пока были силы, когда же зазвонит телефон.

Потому что это должен быть Том.

Наверху из радиоприемника строителей надрывалась музыка. Перелистывая страницы утренних газет, Чарли апатично просматривала колонки, бессмысленное расплывшееся пятно черного шрифта и фотографий: террористы с бомбами из Ирландской республиканской

армии, развод миллиардера, молодая кинозвезда на велосипеде, потерпевший аварию автомобиль… Потом она встала и принялась бродить по дому.

В спальне она взяла в руки медальон и развлекла себя мыслью, что можно бы написать и самой какую-нибудь записочку. *Дорогой Камень, я люблю Тома. Пожалуйста, верни мне его. Чарли.*

Она бросила медальон в консервную банку, положила дальний ящик стола и закрыла. В той маленькой комнатке, которая могла бы быть идеальной для детской кроватки их первого ребенка, она посмотрела из окна на амбар, на мельницу, на лесок… Начинали сгущаться тучи. Сгущались тучи и в ее сознании, и Чарли заплакала.

В кухне она успокоилась и набрала номер частной линии Тома. Телефон был занят. Она подождала, на тот случай, если он пытается дозвониться ей, и снова позвонила. Номер все еще был занят. Она позвонила на коммутатор, но повесила трубку, когда ответил телефонист.

Звонить Тому было проявлением слабости. Ему было нужно время, пространство и что-то там еще, чтобы все обдумать. Именно так он и сказал в письме. Отлично. Пускай себе обдумывает. И она тоже все обдумает. Она не намерена показывать слабость. Никоим образом. Так или иначе она твердо решила, что ей следует с этим справиться, проявив силу и спокойствие.

Но ей было трудно сохранять спокойствие, когда через стеклянный фасад дамского магазинчика она увидела Лауру, показывающую покупательнице платье. Кипя от гнева, Чарли вошла в помещение.

– Этот фасон на редкость привлекателен. Попробуйте его примерить. Вам в самом деле… – Голос Лауры оборвался, когда она увидела Чарли.

А Чарли стояла у окна и бегло просматривала длинную вешалку с платьями.

– Вырез на них очень уж велик. Слишком много платьев такого рода не очень-то хорошо сидят на бедрах.

Чарли перешла к вешалке с блузками.

– И конечно же если вы дополните его шарфиком и, может быть, парой перчаток…

Чарли уселась у кассы и легкими постукиваниями стала выписывать цифры на калькуляторе, умножать их, делить, извлекать квадратные корни… Вошла другая покупательница, коснулась воротника жакета, щелчком перевернула бирку с ценой и вышла обратно на улицу. Лаура нервно взглянула на Чарли и снова занялась своей покупательницей.

Однако уверенность исчезла из ее голоса, и даму она упустила.

– Я подумаю, – сказала та и ушла.

Чарли набила еще один ряд цифр на калькуляторе.

– Привет! – Лаура улыбнулась, губы ее растянулись с видимым напряжением.

– Что, черт подери, происходит, Лаура? – сказала Чарли, не поднимая глаз от дисплея с цифрами.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну давай, давай! – голосом, не предвещающим ничего хорошего, сказала Чарли.

Лаура пожала плечами:

– Ну, мне жаль, Чарли…

– Жаль? Тебе жаль?! И это все, что ты можешь сказать?

Лаура отвернулась и принялась вертеть в руках рекламный проспект.

– Что ты хочешь, чтобы я сказала?

Чарли встала.

– Сучка. Ты сучка проклятая.

Она стремительно пронеслась по магазину, рывком распахнула дверь и выскочила на улицу. Теперь она уже сердилась на себя, сердилась за то, что проявила слабость и вообще пошла туда, то есть сделала то, чего твердо решила не делать.

23

Она сообразила, что движется в темноте, хотя никакая это была не темнота, а тень. Она шла между двумя высокими рядами кустарника-изгороди, вдоль раскрошившейся дорожки. Вот она споткнулась об одиноко лежащий камень.

– *Проклятье!*

– *Где вы?*

– *На дорожке.*

– *Как вас зовут?*

– *Н-не знаю.*

– *Сколько вам лет?*

– *Н-не знаю.*

– *Скажите мне, что на вас надето.*

– *Какое-то платье. Вроде кремовое с узором.*

– *Какой оно длины?*

– *До середины икр.*

– *Какие на вас туфли?*

– *Коричневые. Каблуки слишком высокие. Мне не надо бы ходить на каблуках.*

– *Почему?*

– *Да потому что я беременна.*

– *А от кого?*

– *От Дика.*

– *У вас испуганный голос. Чего вы боитесь?*

– *Н-не знаю. Неприятное ощущение. Плохое.*

Она миновала ферму Тадвелла с ее замощенным булыжником двором и трактором с тележкой для сена в полуразвалившемся амбаре, прошла мимо пруда со стоячей водой.

Какой-то мужчина, которого она признала, сидел на дорожке перед Розовым коттеджем, малюя на мольберте. Когда она приблизилась, он вежливо встал.

– Добрый день, – сказал он решительным военным тоном.

– Добрый день, – пробормотала она в ответ.

– *С кем вы разговариваете?* – спросил чей-то голос вдали, голос, которого она больше не узнавала.

– Просто восхитительный денек, не так ли? – сказал мужчина.

Она припомнила, что он, кажется, был военным моряком. Вот она добралась до ворот и, остановившись, пристально смотрела на Элмвуд-Милл. Какая-то лошадь в конюшне радостно заржала, словно узнавая ее. Лошадь. Черная туча окутала ее. Она достала из своей сумочки пачку сигарет «Вудбайн» и закурила.

– *Вас беспокоит эта лошадь? Что именно вас беспокоит?* – произнес в отдалении чей-то слабый голос, вроде радио, оставленного включенным в соседней комнате.

– Джемма – моя лошадь. Она забрала мою лошадь. А он ведь мне обещал.

Ее голос надломился, она заплакала. Нервно затянувшись сигаретой, открыла калитку и прислушалась, высматривая собаку. В стороне, где стояла собачья конура, никаких признаков присутствия пса не было. Она побрела по подъездной дорожке, испуганная, утомленная, с младенцем, тяжело ворочавшимся в ее животе.

Автомобиль был там. Ее автомобиль. Черный «триумф» с опущенной крышей был брошен у амбара. Лошадь снова заржала, и взглядом, затуманенным слезами, она всматривалась в нарядные конюшни и увидела выглядывавшую оттуда голову гнедой кобылки.

Все было свежим, в хорошем состоянии. Амбар был покрыт новой крышей, и двери его недавно покрашены. Деревянные части дома блестели. Она отбросила свою сигарету и пошла по гравию и дальше, вверх по ступенькам. Там она заколебалась в страхе. Она посмотрела на звонок, на полированную медь дверного кольца с львиной головкой, а потом снова на звонок. И нажала на кнопку.

Изнутри дома донесся одиночный глубокий лай, и дверь распахнулась почти мгновенно, как будто ее ожидали. Там стояла высокая элегантная надменная женщина в куртке, сапожках для верховой езды и бриджах. Ее черные волосы с деланой небрежностью были причесаны на одну сторону. Поджав губы, женщина смотрела горящими глазами с испепеляющим гневом.

– Я же говорила тебе, чтобы ты больше сюда не приходила, – холодно сказала она.

– Пожалуйста, я только хочу увидеть его. Пожалуйста, позвольте мне увидеть его.

Жестокая улыбка, полная угрозы, мелькнула на лице женщины. Пройдя через холл, она открыла дверь. Потом прищелкнула разок пальцами правой руки и вымолвила всего одно слово:

– Принц.

Здоровенный мастиф вышел в холл и уставился на нее враждебным узнавающим взглядом. Сердито заворчав, пес опустил голову, его десны заскользили назад. Она отступила, повернулась и побежала, едва не упав со ступенек, слыша рычание пса у себя за спиной. Когда его зубы впились ей в ногу, она почувствовала обжигающую боль.

– Нет! Пошел вон! – завопила она, замахав во все стороны руками и отбрыкиваясь. Собака трясла ее ногу в своих массивных челюстях, словно косточку. Она потеряла равновесие и, защищая свой живот, рухнула на дорожку. Пес вырос над ней.

– Нет! Убирайся! Заберите его! – кричала она, пытаясь откатиться в сторону. – О, пожалуйста, заберите его! Нет! Дик! Нет! Ребенок! Не трогай моего ребенка!

Она видела над собой лицо этой женщины в куртке для верховой езды, внимательно наблюдавшей, сложив руки на груди. Приподнявшись, она попыталась бежать, но собака снова вцепилась ей в ногу и бросила ее на гравий. Она завизжала от боли.

– Принц, хватит. Принц!

Пес отпустил ее. Она лежала, рыдая, ее нога и руки страшно болели. И тут она увидела Дика, в мешковатых брюках и в рубашке без воротничка. Лицо его побагровело от ярости.

– Убирайся, я же сказал тебе! Выметайся! Я не желаю, чтобы ты приходила. Пошла вон!

Она посмотрела снизу на женщину, которая глядела на нее так, словно она была пустым местом, ничем, ну просто совершенно ничем.

– Ты слышала? – прокричал он. – Слышала, что я сказал? В следующий раз я не стану отзывать его.

Она поднялась на колени.

– Помоги мне. Ты должен помочь мне. Ну пожалуйста, ты же должен помочь мне.

Они смотрели на нее в полном молчании.

– Помоги мне! – Теперь она уже кричала. – Ты должен помочь мне!

Их лица стали неясными. В отдалении раздался звук сирены. В стеклах дребезжал ветер. Скрипело какое-то кресло. Кто-то одышливо дышал.

– С вами все в порядке, Чарли. Все хорошо. Вы в безопасности. Вы свободно парите во времени. Оставайтесъ с этим. Продвиньтесь немного вперед, продвиньтесь вперед.

Чарли открыла глаза, увидела лицо Эрнеста Джиббона, почти не узнавая его. С усилием снова закрыла глаза, чувствуя, что проваливается в

темноту.

В ее ушах стоял рев воды.

Была темная ночь, запруда громыхала. Она куда-то решительно направлялась, держа в левой руке что-то тяжелое и скользкое. Она шла по траве, по мокрой, покрытой росой траве рядом с гравием. Рычала собака.

– Ш-ш-ш, – прошипела она.

Ее трясло, она боялась собаки, боялась, что та, может быть, не посажена на цепь. Мрачно струился поток воды у мельничного колеса. Снова зарычала собака, и она старалась не испугаться, старалась думать только о своей ненависти. Пес лаял, и цепь дребезжала в железном кольце. Она посмотрела на молчаливый силуэт дома, ожидая, что в любой момент загорится какой-нибудь свет или вспыхнет луч фонаря и упадет на нее.

Быстро. Надо все сделать быстро. Впереди неясно вырисовывался амбар. Она направила свет своего фонарика прямо на конуру, и ей ответила красная вспышка в свирепых глазах мастифа. Он заворчал и напрягся на конце своей цепи. Ее сердце стремительно колотилось. Это ворчанье, казалось, подлило силы в ее гнев, внезапно сделав ее сильной, сильнее, чем этот пес.

– Принц! Ш-ш-ш! – скомандовал ее шипящий голос.

Он поколебался от ее тона, поколебался и от другого запаха. Запаха кости, которую она протянула ему, мягко окликнув его:

– Хороший мальчик! Иди сюда, мальчик!

Она держала кость высоко, чтобы он не достал, и, когда пес попытался подпрыгнуть, его челюсти лязгнули, цепь потянула назад, и он потерял равновесие. Держа кость еще выше – так, чтобы ему пришлось вытянуть голову вверх и выставить незащищенную шею, она шагнула вперед.

Когда пес жадно ухватил огромную кость челюстями, она что есть силы провела зазубренным лезвием ножа, который держала в правой руке, поперек его горла, давя всем своим весом и чувствуя, как нож вгрызается внутрь. Острое лезвие прорезало насквозь и плоть, и мышцы, и кость.

Послышался сдавленный вздох, и пес, казалось, стал обвисать. Кровь брызнула на ее руки, одежду, лицо. Мастиф издал странный звук, вроде свиста, выронил кость из пасти, закашлял, накренился на бок, лапы его подогнулись, и он рухнул вперед, издавая резкие, скрежещущие звуки. Заливая грудь и лапы, из его пасти исторглась кровь. Скрежещущий звук начал затихать.

Она пробежала по мостику мимо мельничного лотка и вверх по насыпи, к леску. Колючий куст порвал ей платье. Когда она остановилась, сердце ее стучало так громко, что она слышала, как стук эхом разносится

по леску, по всей ночи, на миллион миль отсюда. Она зашвырнула нож в кусты и услышала шуршание, когда он упал. Где-то близко пропищал зверек.

Они могут найти нож в кустах. Глупо. Пруд! Какого черта она не забросила его в пруд? Она попыталась включить свой фонарик, но он выскользнул из залитой кровью руки и упал в подлесок. Опустившись на колени, она пошарила в поисках его, но тут ее сковал страх, оттого что что-то стояло позади нее.

Она обернулась. В доме зажегся свет. В спальне. Кто-то стоял у окна, чья-то тень виднелась позади занавесок. Вот они разошлись, и послышался скрип открываемых створок.

Только это было не окно, а зеркало. Она в упор смотрела на свое лицо в зеркале, и чья-то фигура неясно вырисовывалась позади нее, расплывчатая, неразличимая. Она почувствовала дым, запах горящего дерева, солому…

И запах обуглившегося мяса.

Она увидела глаза, одни глаза. Страшные, смотревшие из почерневшей кожи. Раздался громкий удар. Зеркало взорвалось паутинообразными трещинами. Один зазубренный осколок отлетел к ее ногам, и она завизжала, потому что фигура двинулась к ней.

Темнота стала красной. Какой-то особый красный свет. Глаза Эрнеста Джиббона близоруко смотрели на нее из-за толстых линз, его челюсти тяжело двигались, словно управляемые крохотными моторчиками, спрятанными внутри. Она была насквозь мокрой от пота.

– Каждый раз одно и то же, – сказал он и присел ненадолго, одышливо дыша и изучая ее с той же слабой, приводящей в замешательство насмешкой, которую она заметила и в прошлый раз. – Нам необходимо выбраться за эти пределы. Ответ лежит вовне.

– Есть одна параллель, – сказала Чарли.

Она чувствовала себя опустошенной.

– В самом деле?

– Мои отношения с мужем в реальной жизни и мои отношения вот здесь, с этим мужчиной… с Диком. Вам не кажется, что они слишком похожи?

– Люди часто проходят через те же ситуации, что и в предыдущих воплощениях. Некоторые из них верят, что это из-за того, что они неверным способом пытались разрешить их раньше. – Он снял очки и протер их носовым платком в горошек. – Вам известно имя этой неприятной женщины?

– Нет.

– Не могла ли она быть тем существом, кто подошел к вам сзади, когда вы смотрели в зеркало?

Он надел очки.

– Тот человек в зеркале выглядел отвратительным… обезображенным… с сожженным лицом.

– Мужчина или женщина?

– Я не знаю.

– А что произойдет, если я не заберу вас оттуда, когда эта фигура подойдет к вам сзади в следующий раз?

Чарли ощутила прилив страха.

– Это… что-то случится.

– Возможно, вы обнаружите, что способны разделаться с этим сами. Мы попытаемся. Думаю, что было бы опасно *не* попытаться.

– Опасно не попытаться? – переспросила она.

Он важно кивнул:

– Когда мы вскрываем подсознательное, как в этом случае, всегда существует опасность стихийного возвращения в прошлое.

– Что вы имеете в виду?

– Здесь все контролировать пытаюсь я. Если вам становится слишком неудобно или страшно, я могу быстро вытащить вас оттуда. Если же вы начнете путешествовать в прошлое сами по себе, одна, где-нибудь далеко отсюда, и эта фигура в зеркале возьмет контроль в свои руки, то тогда… – Он пожал плечами.

– А с чего бы такое случилось? Ведь все происходит всего лишь в моей памяти.

В его глазах появилась неуверенность, и она испугалась. Ей захотелось никогда больше не приходить сюда, не начинать эту опасную игру. Ей хотелось бы больше доверять гипнотизеру.

– Я не знаю, с чего это может случиться, Чарли. Я не знаю, только ли это память. Я уже говорил вам в прошлый раз, что это очень сильное средство.

– Но вы не сказали мне, что это такое.

В улыбке всезнающего учителя уже не было прежней самоуверенности.

– Я не знаю, что это такое, потому что не сталкивался прежде с подобной ситуацией. И мне не известен никто, кто сталкивался бы. Я собираюсь провести некоторое исследование, посмотреть, нет ли чего-нибудь для сравнения в других историях болезни.

– А я-то полагала, что вы профессионал, – сказала она с едкостью, показавшейся ей самой чрезмерной.

Он посмотрел на нее и прищурился, став серьезным. От улыбки его не осталось и следа.

– В понимании сверхъестественного, Чарли, все мы – любители.

24

Она прошла по платформе станции среди толчеи пассажиров, возвращающихся домой с работы, главным образом из Лондона. Нарядно одетые и потрепанные, энергичные и подавленные, возвращающиеся домой, к *ее домашнему заточению, к той, которая должна быть ему обязана, к этой маленькой женщине, к маленькому мужчине, домой, к горластым ребятишкам и пустым темным домам, домой, к любимой, к ненавидимой, к немощной, к умирающей, к мертвой…*

И к заново родившейся.

Если ты продолжаешь возвращаться назад, то не умираешь. Ты просто меняешься. Ты складываешься заново. Проходишь новый цикл развития. Его проходят и все твои знания, и твой опыт.

Отстояв очередь у билетного барьерчика, Чарли пошла дальше. Ее туфли простучали по бетону ступенек и – вниз, в туннель. Отъехал, дребезжа над головой, поезд. А есть ли у кого-нибудь еще из всех этих спешащих людей прошлые жизни? Возвращались ли они оттуда когда-нибудь сюда, в эту жизнь, каждый раз после того, как умирали, так же как они возвращаются на эту станцию вечер за вечером?

А если? Если он все еще там? Что тогда?

Эта мысль побудила ее идти быстрее, взбежать вверх по ступенькам в дальнем конце туннеля, выскочить на бушующий ветер, в облачные серые сумерки и почти промчаться через автомобильную стоянку к маленькому «ситроену», окрашенному в два цвета.

Ее руки все еще болели, но она не замечала этого, забираясь в машину, заводя двигатель и по привычке включая радио. Из него донесся рев смеха: Фрэнк Муир рассказывал байку. Только не сейчас, сейчас ей было не до юмора. Она вставила в магнитофон кассету. Рахманинов, мрачный, угрюмый, старый, слишком старый. Она ощущала напряжение скрипки, словно смычок скользил по ее собственным натянутым нервам… Выщелкнув кассету обратно, Чарли снова погрузилась в свои мысли.

Она вывернула с Хэйвордс-стрит на сельскую дорогу и нажала на акселератор до отказа. Ей хотелось, чтобы машина шла быстрее, она заставляла ее нестись быстрее. Чтобы добраться домой.

И отыскать.

Автомобиль накренился, взвизгнул покрышками, когда Чарли вошла в поворот чересчур быстро. Она увидела, как водитель встречного

автомобиля посмотрел на Чарли с тревогой, видимо подумав о возможном столкновении, но «ситроен» каким-то образом его избежал. Потом поворот пошел в другую сторону, и Чарли, крутанув руль, вонзила ногу в тормоз, срезала угол и едва-едва разъехалась с вильнувшим в сторону велосипедистом, погрозившим в воздухе кулаком. Господи, надо сбавить скорость! Она крепко вцепилась в руль, чувствуя, как вспотело лицо.

Небо почернело, когда она остановилась перед амбаром. Похоже, собиралась гроза. Чарли выбралась из автомобиля и захлопнула дверцу. Перейдя мостик над мельничным лотком, она побежала вверх по насыпному склону, а потом в лесок, следуя тем же путем, что и во время ретрогипноза. Порыв ветра протрещал в ветвях, и дождевые капли посыпались вниз.

Она протоптала себе дорожку через кусты папоротника к мшистой почве и посмотрела на высокие и тонкие грабы, криво растущие из дикого подлеска. Их ветви были перепутаны, некоторые из них полулежали, полулежали там, где им было суждено стоять, пока они не превратятся в труху и не уйдут обратно в землю. Биодеградация. Все как у людей.

Во время ретрогипноза здесь было темно, но она знала дорогу. Там по земле проходила небольшая выемка, этакая канавка перед густым кустом ежевики. Чарли взяла несколькими дюймами левее и двинулась сквозь густые заросли папоротника. Какая-то птичка прыгала в ветвях деревьев у нее над головой, щебеча, словно протекающий водопроводный кран. В отдалении пролаяла собака. Прогудел чей-то трактор. Лесок темнел, как бы растворяя отдельные деревья и смыкаясь вокруг нее.

Она задыхалась и тряслась, покрытая липким потом. Ей не хотелось оставаться здесь, хотелось повернуться, побежать к дому, закрыть двери на ночь, закрыться от этого куста ежевики, который, казалось, затягивал ее в себя и все разрастался, разрастался, пока она смотрела на него, обвивался вокруг ее лодыжек, приподнимал ее ноги. Внутри нее будто щелкали переключатели, меняя скорость крови, направляя кровь по другому пути, взбалтывая ее, забивая в нее кубики льда и отсасывая тепло, замораживая ее.

Проползая под этим кустом, расталкивая ветви с цеплявшимися за одежду колючками, Чарли задержала взгляд на какой-то сгнившей щепке или каком-то плоском корне.

Какой-то камень. Может, камень. Она надеялась, что это камень. Он, казалось, поднимался из ежевики к ней, таща за собой и куст. Не обращая внимания на царапающую ежевику, Чарли докарабкалась к нему на руках и коленях и вцепилась в ручку, вцепилась так, словно это был тот самый

рычаг, которым можно перевернуть мир. Потом она отползла и встала, таща за собой и ветви, позволяя им рвать одежду, разрезать на руках кожу.

Она перевернула находку в руках, трогая холодный, заржавленный металл ножа с костяной ручкой, почерневший от времени и непогоды, с длинным зазубренным лезвием, изъеденным ржавчиной.

Тот самый нож, который она несла с собой во время ретрогипноза. Тот самый нож, которым она убила мастифа.

Почувствовав боль в пальце, как будто ее ужалили, Чарли увидела тоненькую струйку крови, появившуюся от кончика указательного пальца до первого сустава. Она отсосала кровь из пореза, который дошел прямо до кости.

Казалось, тысячи глаз наблюдают за ней из наступающей ночи. Ветер дергал ее волосы, а мысли будоражили сознание. Она перевязала порез носовым платком. От невозможности на чем-либо сосредоточиться мысли ее метались, пытаясь отыскать лучший ответ, чем тот, который у нее уже был.

Она убила собаку. Вот этим ножом. В другой жизни.

Чарли выбралась из куста ежевики, окончательно погубив свое льняное платье, и, спотыкаясь, побрела по леску к пруду. Хоть какое-то объяснение. Должно же быть хоть какое-нибудь объяснение. Ну хоть что-то.

По щеке скользнула капля, потом другая. В пруду, черном и беспокойном под поднимающимся ветром, плескались волны. Уставившись на нож, она испугалась, что порежется снова, порежется еще глубже.

Удостоверившись, что поблизости нет рыболовов, она что есть силы забросила нож в пруд. Достаточно далеко и достаточно глубоко, чтобы она не смогла пробраться сюда во сне и вытащить его обратно. Нож перевернулся в воздухе и, едва различимый, упал в воду с легким шлепком, словно подскочившая форель. Исчез. Больше он не существует.

Да он и никогда не существовал.

Чарли побрела к дому, стискивая палец через носовой платок, думая, надеясь, убеждая себя в том, что она порезала его о какой-то корень, а вовсе не о нож. Ножей ведь не находят под кустами. Никто и *никогда* не оставлял никакого ножа под кустом.

Она достала сумочку из «ситроена» и приблизилась к стене амбара, у которой сидел на цепи мастиф во время ретрогипноза. В сгущающейся темноте оно сливалось с кирпичами, и Чарли понадобилось время, чтобы различить его. Подойдя ближе, она протянула руку и коснулась кольца. Оно уже почти распалось от ржавчины, какой-то кусок отслоился и

раскрошился в пыль в ее пальцах.

Безумие. Схожу с ума. Я жила в прошлых жизнях. Я убила собаку.

Дождь становился все сильнее, но она едва ли замечала его, впившись взглядом в этот амбар, с его летучими мышами, пауками и старым автомобилем, стоящим там как тайна. И в котором, в свою очередь, хранилась ее собственная тайна. Та жевательная резинка.

Войдя в дом, Чарли включила свет в маленьком темном коридоре и заперла за собой дверь. Не стало слышно завывания ветра, замолчала в мельничном лотке вода. Возникло ощущение, что время остановилось.

– Бен! Привет, малыш! – крикнула она. – Бен? – Она прошла по коридору, вошла в кухню. Тишина. – Бен?

Красный огонек на автоответчике неистово подмигивал из темноты. Дождь брызгал по окнам. Рывком открыв дверь в котельную, она увидела тусклое голубоватое пламя парового котла.

– Бен?

Она включила свет. Бен съежился у дальней стены, поскуливая. Его шерсть стояла дыбом вдоль всей спины, будто ее причесали не в ту сторону. Чарли подбежала к нему, опустилась на колени и обняла.

– Малыш? В чем дело?

Пес трясся, рядом с ним растеклась лужица мочи.

– Все хорошо, малыш, все хорошо.

Она погладила ему голову и почесала грудь. Паровой котел заискрился, заставив Чарли вскочить. Пламя заревело, в воздухе послышались шипение и звук вибрирующего металла.

– Что случилось? Тебе нехорошо? Почему тебя заперли здесь? Неужели кто-то из рабочих? Ну-ка, давай поужинаем.

Она прошла в кухню, достала мясо из холодильника и положила вместе с кусочками печенья в миску, рядом с корзиной. Бен все лежал, съежившись, в котельной, наблюдая за ней, а потом медленно, с опаской вышел оттуда. Автоответчик продолжал мигать. Окна тряслись от грохочущего ливня. Сушилка раскачивалась от ветра, поскрипывая блоками и перекладинами, отбрасывая тени, похожие на тюремные решетки.

Вытерев оставленную Беном лужицу, Чарли снова потрепала его. Когда он подошел к миске и стал есть, она нажала на кнопку автоответчика для воспроизведения сообщений и, пока перематывалась кассета, подошла к раковине и тщательно вымыла руки. Палец она промыла холодной водой и, обеспокоенная ржавчиной на ноже, попыталась припомнить, когда в последний раз делала прививку от столбняка. Руки ее выглядели ужасно. Каждый раз, когда она двигала пальцем, кожа вдоль раны расходилась,

вызывая сильную боль.

Автоответчик закончил перемотку и начал проигрывание. Послышался тонкий писк, шипение, потом писк, обозначающий конец сообщения, – и снова шипение. Чарли нахмурилась. Опять писк. Снова шипение. Тишина. Шипение. Шарканье кассеты в автоответчике. Еще один писк… Ветер сотрясал дом, приплясывали тенистые полоски от сушилки, идущие поперек стола. Бен посмотрел на нее, потом, все еще дрожа, опустил глаза в миску.

Писк. Шипение. Шарканье кассеты. Ветер, как из брандспойта, поливал дом дождем. Писк. Шипение. Снова и снова, как будто звонил какой-то ненормальный, кто-то не желающий говорить, а только слушавший, слушавший…

Том. Не он ли это был, звонивший, а потом вешавший трубку, не имея мужества заговорить? Она повернула колесико громкости, чтобы расслышать какие-нибудь звуки на заднем плане, разговоры других людей, и попробовать определить, в каком месте находился этот звонивший.

Уши Бена встали торчком, и он издал глубокое, рокочущее рычание. Все, что она могла увидеть в окне, было ее собственным отражением на фоне черноты. Прозвучал финальный продолжительный писк, извещающий о конце сообщения. Холодная воздушная волна повеяла сквозь старое стекло. Этот дом был очень уязвимым, в него легко было вломиться, легко, если бы кто-нибудь захотел и…

Чарли сняла телефонную трубку, прислушалась к гудению и успокоилась. Ей только хотелось, чтоб у них были занавески, жалюзи, хоть что-нибудь. Ведь снаружи могли заглядывать, всматриваться. Бен без особого желания пережевывал ломоть мяса.

Из сумочки она достала кассеты с записью сегодняшнего сеанса, полученные от Эрнеста Джиббона, и положила на кухонный столик. Во всяком случае, Том не увидит их, не сможет рассердиться за то, что она потратила деньги.

Чарли помазала порез от ножа антисептиком и обмотала эластичным пластырем, лежавшим под раковиной. Бен промчался в коридор и залаял. Глухими, вялыми ударами легонько простучало дверное кольцо. Через цветную стеклянную панель входной двери Чарли разглядела невысокую фигурку в желтом.

– Да-да? – крикнула она. – Кто там?

– Виола Леттерс, – прокричал приглушенный голос.

Держа Бена за ошейник, Чарли открыла дверь. Пухлая маленькая фигурка соседки была упакована в блестевший от воды желтый

непромокаемый плащ, в штормовку и красные высокие сапожки. Держа в руке большой резиновый фонарь, она выглядела так, словно только что сошла со спасательной шлюпки.

– Послушайте, прошу меня извинить, что беспокою вас в такой вот вечерок, – пролаяла она голосом противотуманной сирены. – Вы, случайно, Нельсона не видели?

Сквозь брызги дождя Чарли учуяла в дыхании старухи алкогольные пары.

– Нельсона? Вашего кота? Нет, боюсь, что не видела. – Чарли отступила назад. – Входите, пожалуйста.

– Да не хочется пачкать вам прихожую.

– А выпить не хотите?

– Ну если вы… – Она широко шагнула вперед. – Ярость, рев, буря – такого рода ночка всегда напоминает мне о короле Лире, – пролаяла она. – Черт бы побрал этого проклятого кота! Ушел вот на целый день и даже поесть не вернулся. Он никогда не блуждает чересчур долго… Он мало что и видит-то единственным глазом. – Бен примчался к ней, держа в зубах изжеванную резиновую головку Нейла Киннока. Старуха потрепала его. – Спасибо тебе, малыш. Ужасно мерзкий он мужик, этот Киннок, но все равно это очень мило с твоей стороны.

– Что вам можно предложить?

– Я все-таки чувствую, что вторгаюсь к вам. – Виола Леттерс украдкой посмотрела на нее и потянула за узел своей штормовки.

– Нет-нет, совсем нет. Я ничем не занята. Виски? Джин? У нас тут много всего есть.

– А я вот в воскресенье ходила к Эвенсонгу, – сказала старуха, входя следом за Чарли в кухню. – Вы незнакомы с этим молодым священником? Чертовски неплохая мысль – написать про него епископу. Он совсем с катушек соскочил. А может, и пьяный был. Джин с тоником, дорогая, только без льда.

Она стянула с себя мокрую верхнюю одежду, и Чарли повесила ее на перекладину у газовой плиты.

– Он нес какую-то околесицу об организованном фермерстве, говорил, что если бы Христос сегодня вернулся, то стал бы организованным фермером. Говорил, что лучше взять какого-нибудь причудливого червяка – вы представляете? – да и сжевать его, чем сожрать тонну невидимых химикалий. И какие-то аналогии с изгнанием торговцев из храма. Нет, это выше моего понимания.

Чарли налила большую рюмку джина.

– Мы, к сожалению, не ходим в церковь.

Она отвинтила колпачок на бутылке с тоником.

– Не могу обвинять вас за это – тут уж ничего не поделаешь. Он совершенно сумасшедший. Просто псих. – Гостья взяла рюмку. – Ваше здоровье!

Себе Чарли налила рюмочку белого вина.

– Ваше здоровье, – ответила она и села.

Виола Леттерс осмотрелась.

– А вы изрядно поработали, – заключила она.

– Ну, тут еще работать и работать.

Старуха отхлебнула джина с тоником.

– Я дала моему бедному мальчику завтрак вчера утром и не видела его с… – Она замолчала посредине фразы, когда ее взгляд упал на пластиковый держатель для фотографий, стоящий на подоконнике.

Внутри него был некий фотомонтаж, сделанный Чарли из различных снимков на отдыхе. Том в замшевом пальто и она сама в верблюжьем пальто стояли перед Берлинской стеной. По виду это начало 70-х. Том в уличном кафе в темных очках. Оба они в кабине яхты в гавани Пула, у Ла-Манша. Вот она собственной персоной совершает полет на дельтаплане, первый и единственный в ее жизни. Том на пляже в акваланге. Они вдвоем среди пьяного стада приятелей, за столом в ресторане.

Прищурившись, Виола Леттерс наклонилась поближе, потом показала пальцем на фотографию Чарли и Тома перед Берлинской стеной.

– Это вы?

– Да, – кивнула Чарли. – С тех пор я немного изменилась.

Старуха уставилась на Чарли, потом запустила короткие толстые пальцы за вырез своей блузы и, вытащив оттуда очки, зажмурила один глаз и стала рассматривать фотографию. Потом она снова посмотрела на Чарли. В ее крабьих глазках появилась загадочная настороженность.

– Это невероятно, дорогая. Совершенно невероятно.

Чарли почувствовала раздражение. А Виола Леттерс слегка постучала по своему лбу.

– Я… если вы не возражаете, дорогая, я в самом деле не… думаю, я не очень хорошо себя чувствую.

Она поставила наполовину опустошенную рюмку на стол и мельком взглянула на потолок, словно услышав там что-то.

– Могу я предложить вам что-нибудь? – спросила Чарли. – Хотите, я вызову врача?

– Нет. Нет, со мной все будет нормально.

– Я отведу вас домой.

– Нет… я… – Она встала. – Я думаю, это просто… немного озябла.

Она снова взглянула на фотографию.

Ее сделал другой турист, какой-то американец. У него были неполадки с фотоаппаратом, он все нажимал и нажимал не на ту кнопку, и Том кипел от раздражения. Странные детали порой припоминаются по прошествии многих лет. Снимок был сделан до того, как они поженились, когда ей не было и девятнадцати лет. Она помнила этого американца, похожего на Джека Леммона,[12] с раздувшимся от пива животом.

– А что здесь такого невероятного? – спросила Чарли.

Старуха натянула мокрый плащ и запихнула ноги в чулках в высокие сапожки.

– Сходство, – сказала она. – Извините. Это в самом деле немного шокировало меня. Я лучше загляну завтра.

– Что вы имеете в виду, какое сходство?

Бен зарычал, и взгляд старухи снова скользнул к потолку, потом на Чарли, и она выдавила из себя слабую улыбку.

– Да ничего особенного, дорогая. Это я глупая. Мозги уже не такие ясные, как были. Просто дело в том, что вы… – Она промолчала. – Может, в другой раз, дорогая. Забегайте, и мы поболтаем.

– Я зайду завтра, – сказала Чарли. – Посмотрю, как вы себя чувствуете. Могу захватить для вас что-нибудь у аптекаря.

– Это всего лишь глупая простуда, – сказа Виола Леттерс, завязывая шнурки штормовки под подбородком. – Все из-за проклятой перемены погоды. Сначала жара, а потом – на вот тебе!

– Я похожа на фотографии на кого-то из ваших знакомых, да? Сходство с кем-то из ваших знакомых?

Они остановились у входной двери, и старуха покачала головой:

– Нет, я… я предпочла бы поговорить об этом… в другой раз. – Она наклонилась вперед, понизив голос почти до шепота. Ее рот превратился в маленький плотный кружочек, глаза посмотрели куда-то вниз, а потом с опаской взглянули на Чарли. – В тот раз, когда мы встретились, ну, когда вы приходили с сообщением от моего покойного мужа… я рассказывала вам, что мне уже передавали это же самое сообщение и раньше? В тот день, когда он умер?

– Да, – сказала Чарли. – Вы мне говорили.

– Вот та ваша фотография… Там совершенно противоестественное сходство с девушкой, которая передала мне это сообщение. На какое-то мгновение я даже подумала, что это она. – Старуха открыла дверь. – В

другой раз, дорогая. Мы поговорим об этом в другой раз.

25

ВОТ ТА ВАША ФОТОГРАФИЯ… ТАМ СОВЕРШЕННО ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ СХОДСТВО С ДЕВУШКОЙ, КОТОРАЯ ПЕРЕДАЛА МНЕ ЭТО СООБЩЕНИЕ. НА КАКОЕ-ТО МГНОВЕНИЕ Я ДАЖЕ ПОДУМАЛА, ЧТО ЭТО ОНА.

Голос Виолы Леттерс звучал отчетливо и ясно. Словно она находилась в комнате. Солнечный свет вливался в окна. Палец у Чарли болел, и болела голова. Выбравшись из постели, она подошла к окну.

Буря утихла перед рассветом. Вовсю щебетали птицы. Дрозды, воробьи и малиновки выискивали червей. С деревьев капала вода. Запруда и мельничное колесо шумели в это утро, казалось, громче обычного.

ВОТ ТА ВАША ФОТОГРАФИЯ…

Было половина восьмого. Скоро явятся рабочие. Чарли надела махровый халат, домашние туфли-мокасины и направилась вниз. Когда она наклонилась, чтобы подобрать газеты, то услышала из кухни шуршащий звук, какое-то похрустывание, вроде короткого замыкания. Донесся запах горящего пластика. Она побежала по коридору.

– Бен! – завопила она в бешенстве.

Но было поздно. Две кассеты Эрнеста Джиббона с расколотыми корпусами валялись на полу. Их тонкие ленты размотаны, скомканы, скручены вокруг стола, вокруг ножек стула. Бен блаженствовал, катаясь в этом хламе, роясь в нем, шурша, грызя, и запутываясь все больше и больше.

– Бен! – заорала она свирепо, еще серьезнее и громче. – Плохой!

Пес замер. Вокруг его головы, словно парик, обмоталась коричневая лента. Пес отряхнулся, сбросил ленту и бочком выбрался из кухни.

Чарли глядела на беспорядок и думала, как мог Бен сбросить кассеты со стола? Опустившись на колени, она принялась сматывать ленту в мотки, пытаясь понять, можно ли ею еще пользоваться. Но лента была скручена, смята, запутана в узлы. Безнадежно. Она затолкала ее в мешочек для мусора и завязала его у горлышка. До нее снова донесся запах горящего пластика из газовой плиты, становившийся все сильнее.

Крышка на плите была приподнята, и рамка для фотографий с их снимками, точнее, то, что от нее осталось, лежала неуклюжая и расплавившаяся. Фотографии внутри нее превратились в затвердевшие шарики вылинявшего цвета.

Чарли протянула руку, намереваясь спасти рамку, но та вспыхнула огнем, и женщина отпрянула от грязно-черного дыма, зловеще заклубившегося вверх. Посудным полотенцем она стала сбивать пламя. Кусочки расплавившегося пластика и сгоревших фотографий разлетелись по всей кухне. Один из них продолжал гореть в ее руке. Чарли встряхнула и вытерла руку о халат. На линолеуме появились оплавленные пятна. Налив в тазик для мытья посуды воды, она вылила ее на горящий пластик, а остатками залила крохотные огоньки.

Горло Чарли было полно грязного густого дыма, и, кашляя, она открыла окно. Кусочки рамки шипели и свистели на плите. Чарли соскоблила их металлической лопаткой и выбросила в раковину. От холодной воды снова поднялся пар, и почерневший пластик сморщился, словно живой. И сморщились внутри него обуглившиеся фотографии.

Новый бланк обращения за ее свидетельством о рождении прибыл с очередной почтой. Она просмотрела его, пока завтракала, жуя без всякого аппетита. Рядом с ней на кухонном столе лежали нетронутые газеты.

Вонь от сгоревшего пластика и влажной обуглившейся бумаги густо висела в комнате. В тех местах, где она отмывала пол, он еще оставался сырым. Новая рана на ее руке болела, как и все остальные. Доев кашу, Чарли предприняла еще одну попытку соскрести остатки пластика с верхушки газовой плиты. Зазвонил телефон, и она механически, почти равнодушно ответила:

– Да, слушаю?

– Чарли?

Это был Том.

Со стуком швырнула она трубку обратно. Когда телефон зазвонил снова, ее затрясло мелкой дрожью. Три звонка, а затем автоответчик щелкнул, и Том заговорил, пока вращалась лента.

– Чарли? Дорогая, это ты? Я хочу поговорить с тобой, пожалуйста, возьми трубку. – Последовала пауза. – По крайней мере, перезвони мне. Я весь день буду в конторе. – Еще одна пауза. – Дорогая?.. Чарли?

Потом издалека раздался звук опущенной телефонной трубки.

– Пошел к черту, – сказала она.

Приготовив для рабочих утренний чай, Чарли отправилась с Беном вверх по улочке посмотреть, не стало ли лучше Виоле Леттерс. И не объяснит ли ей старуха, с какой стати фотография так сильно ее напугала.

Чарли была довольна тем, что бросила трубку, когда позвонил Том,

довольна, что оказалась такой сильной. Интересно, долго ли она продержится. Задернутые занавески в Розовом коттедже удивили Чарли: ведь уже больше одиннадцати. Послышалось скорбное мяуканье. Нельсон, одноглазый кот, терся о входную дверь.

– А тебя-то считали потерявшимся, – сказала она ему.

На ступеньках стояли две бутылки молока, из почтового ящика торчала газета «Дейли телеграф». Чарли закрыла за собой калитку, привязала Бена к ограде и велела ему сидеть. Во всем этом есть что-то идиотское, подумала она под резкий звон медного корабельного колокольчика. Из дома не доносилось ни звука. Чарли позвонила в колокольчик еще несколько раз, а потом легонько постучала.

К матовой стеклянной панели рядом с дверью была прикреплена красивая желтая наклейка с надписью «На страже добрососедства». Чарли открыла почтовый ящик и, всмотревшись внутрь дома, разглядела ковер, лестницы и картину на стене. Все выглядело спокойно.

Чарли обошла угол дома. За его задней частью, за изгородью, в конце аккуратно ухоженной лужайки, открывался прекрасный вид на долину и лесок. Настойчиво мяукая, за Чарли шел по пятам кот.

В отдушине кухонного окна крутился вентилятор. Чарли был виден поднос, на котором стояла хрустальная рюмка и неоткупоренная бутылка вина, лежала салфетка в серебряном кольце, журнал «Сельская жизнь», персик с ножом на небольшой тарелочке… Сначала осторожно, а потом погромче она постучала в стеклянную панель задней двери.

– Хэлло? Миссис Леттерс!

Чарли заколебалась. Может, старуха спит и не хочет, чтобы ее беспокоили? Она вернулась к фасаду дома и посмотрела на серую каменную стену с зубчиками, идущими вдоль крыши. Неправильно. Что-то было неправильно. Сквозь тишину утра прорезалось непонятное завывание на высокой ноте. Вероятно, Хью возился с одним из автомобилей. Чарли отвязала Бена и пошла вверх по улочке.

«Ягуар» Хью стоял во дворе, и двери его мастерской из рифленого железа были открыты. Сам он склонился над двигателем «триумфа», покоившегося без колес на металлических стойках. Яркая лампа, заключенная в проволочную ячеистую клетку, свешивалась с потолка над головой Хью. В помещении пахло машинным маслом и старой кожей, в воздухе стояли едкие испарения отработанного бензина.

Она заскрежетала зубами от кошмарного грохота.

На этот маленький участок были втиснуты еще два автомобиля, покрытые пыльным брезентом. На полу лежали инструменты и детали

двигателей, какая-то крышка, полки. Были там и ящики, консервные банки, полные гаек и болтов, свечи зажигания. Еще больше инструментов свешивалось с полок. Старые колеса, покрышки были приткнуты повсюду. На проволоке, прикрученной к фермам крыши, висел капот от какой-то машины. На стенах красовалось несколько металлических рекламных знаков, сигареты «Вудбайн», реклама бензина «Эссо экстра» и еще обшарпанные номерные знаки, главным образом американские.

Шум стих. Послышалось бряцание, и что-то металлическое перекатилось по грязному бетонному полу. Хью поднял голову от двигателя и увидел ее.

– Привет!

Послав ей дружескую улыбку, он положил инструмент на землю. Две половинки закрепленного на петлях черного капота висели в воздухе за его спиной, словно клешни.

– Как тут у вас дела?

– Да тут шею свернуть можно.

Он вытер лоб тыльной стороной замасленной ладони и кивнул в сторону двигателя. Они всегда ставили Чарли в тупик. Вглядевшись, она увидела там спутанный клубок проводов, резиновые трубы, несколько узких металлических стержней, торчавших рядом с эллиптическими отверстиями из того, что выглядело основной частью двигателя.

– Если учесть, что на этой тачке не ездили долгие годы, она не так уж и плоха. Мне нужна пара сальников, и тогда я мог бы запустить его. Вас бы прокатил.

Она улыбнулась, ощущая, что странное узнавание снова поднимается в ней.

Жевательная резинка.

– А вы знаете ее историю? – спросила она.

– Хочу проследить ее происхождение. Не думаю, что мисс Делвин была ее первоначальной владелицей.

«Нет, – хотелось сказать Чарли. – *Она не была. Его звали Диком…»* Ей показалось, что она коснулась пальцами льда. Или старого ножа.

– Я послал письмо в Свонзе, туда, где занимаются номерными знаками.

Его глаза с глубоким любопытством смотрели на нее, пронизывая насквозь, и Чарли в стеснении отвернулась.

– Вы не видели сегодня Виолу Леттерс? – спросила она.

– Нет. Вчера вечером она заглядывала в поисках своего кота.

– У меня она тоже была. Она неважно себя чувствовала. Я только что

ходила навестить ее. У входа сидит кот, и не похоже, чтобы она вставала с постели. Надеюсь, с ней все нормально.

– Возможно, она спит. Приняла таблетки. Бросила пьянство и решила, наверное, что стоит принять пару таблеток аспирина – и все будет в норме.

Чарли улыбнулась:

– Давайте-ка попробуем позвонить ей.

Они прошли в его дом, пригласив и Бена. Внутри дома, аккуратного снаружи, царил хаос, главным образом из-за книг и рукописей, среди которых Чарли, к своему удивлению, заметила романы Джеймса Герберта. [13] Стены были увешаны старыми картами в рамках, мебели стояло немного, да и та выглядела чисто мужской и довольно ветхой. Обычная для служебной квартирки, мебель была бы уместна в любой студенческой комнатке при университете.

Вытащив из-под стопки газет на массивном письменном столе телефон, Хью отыскал в записной книжке номер Виолы Леттерс и набрал его. Он подождал с дюжину гудков, а потом снова набрал номер. Ответа не было.

– Я зайду туда попозже и посмотрю, не нужно ли ей что-нибудь, – сказал он. – Вообще-то раз уж вы здесь, я хочу поинтересоваться, не хотите ли вы со своим старичком сходить поужинать в субботу, если вы ничем не заняты.

Она побледнела.

– Я… мы… он уехал… в командировку. Я не знаю, когда он вернется.

– Стало быть, вы тут сами по себе?

Она кивнула.

– Сегодня вечером я собираюсь в тот трактир. Почему бы и вам не сходить? Там будет не так много народу.

– Я…

Веселые лица. Нет, нет, спасибо, не может она справиться с этим, не сумеет лгать по поводу Тома. Не сможет…

И сидеть одной в доме? Ждать, пока он позвонит. Да пошел он к черту!

– Спасибо. Было бы неплохо.

Полицейский автомобиль стоял на травянистом берегу у перевернутого ялика, и двое полицейских возвышались на пешеходном мостике вместе с местным фермером, которого она с трудом узнала. Они всматривались в шлюзовый пруд. Чарли прошла через столбы ворот, интересуясь, на что они там глазеют.

А потом увидела и сама. Сначала она не могла разобрать, что это было.

Может, чью-то хозяйственную сумку принесло ветром?

Это было обернуто вокруг лопастей мельничного колеса, оно колыхалось в воде, вздымавшейся вокруг него, словно пойманное в ловушку животное.

Ярко-желтое.

Ее сердце подскочило к горлу. Желтое. Она побежала. Бен бежал вместе с ней, думая, видимо, что она затеяла какую-то игру. Желтое.

Виола Леттерс прошлым вечером была одета в желтый плащ, который как раз и обернут вокруг лопасти мельничного колеса.

Потом она увидела, что огромный кусок берега отвалился с другой стороны пешеходного мостика. Тропинка и кустарник исчезли, рухнули в шлюзовый пруд, оставив обнаженную землю, словно рану, с которой сорвали повязку.

Желтый плащ снова заколыхался.

Чарли закричала.

26

Мужчина из водного надзора повернул небольшую круглую рукоятку на боку колеса. Заржавленные стержни и шестерни, к которым она крепилась, заскрипели. Один из полицейских повернул рукоятку с другой стороны. Две створки разъединенных коррозией стальных ворот двигались медленно, на какие-то дюймы за один поворот, пока не сомкнулись.

Чарли почувствовала эту новую тишину, как будто завернули какой-то кран. Странную тишину.

Остатки воды соскользнули по бетонным блокам запруды, и уровень начал быстро опускаться по дуговой стенке шлюзового пруда. Мужчина из водного надзора опустился на колени, посмотрел через край берега и вытащил измерительную палку.

– Четыре дюйма, – сказал он. – Высокий уровень. Он поднимется снова через час. Я могу дать вам сорок пять минут, а потом мне придется снова открыть шлюз.

Чарли почти не слышала их разговора, пристально глядя через перила на липкий ил, поднимающийся вокруг кирпичных стенок, и на темные очертания, становящиеся видимыми под поверхностью воды.

«Окажись старым мешком. Пожалуйста, окажись просто старым мешком или пластиковым покрытием».

Сначала показалась верхушка газовой плиты, но к тому моменту очертания тела позади плиты приняли ясную для всех форму. И по мере убывания воды лица стоящих людей каменели, обнаруживая, как на темной густой грязи появляется тело в желтом непромокаемом плаще и в красных резиновых ботах, тело, лежавшее в этой грязи лицом вниз, между валиком для белья, велосипедом и заржавленным остовом железной кровати.

– Поискать своего кота? Вы считаете, что именно поэтому она пошла туда?

Записная книжка констебля Тайдимена лежала перед ним на кухонном столе. Его лицо, с глазами маленькой птички, было одутловатым, а кожа гладкой, на переломе от молодости к среднему возрасту, испещренной полосками красных вен.

В кухне все еще пахло расплавленным пластиком. Через окно Чарли видела двух полицейских, протягивающих белую ленточку вокруг запруды. Офицер из уголовной полиции бродил с фотоаппаратом, делая снимки.

– Да. Она, кажется, немного волновалась из-за него.

Над чаем поднимался пар. Перед ее глазами была Виола Леттерс, неуклюже распластавшаяся в густой грязи. Руки ее были раскинуты, словно она упала с огромной высоты. Чарли не могла смотреть, как поднимали тело.

Постукивая авторучкой по записной книжке, полицейский подергивал носом от застоявшегося неприятного запаха. Сквозь завывание дрели по дому эхом разносился стук молотков.

– Вчера вечером вы ее видели?

Чарли кивнула.

– В котором часу?

– Около девяти.

– И вы предложили ей выпить?

– Да, джин с тоником.

– Большую рюмку?

Вопрос разволновал Чарли: полицейский откровенно пытался подвести ее к определенному выводу, и это ее рассердило. Господи, ведь она же не упала! Это был оползень. Чарли с трудом сдержала гнев.

– Нет.

– А вы не думаете, что она могла быть навеселе, когда уходила?

– Нет.

– Она пила перед тем, как пришла сюда?

– Не знаю.

Глазки-бусинки обвиняюще уставились на нее.

– Стена дамбы не была укреплена должным образом. Вода, наверное, просачивалась через нее, подмывая тропку. Понадобился один сильный ливень, чтобы ее смыть.

Чарли оцепенело покачала головой. Ей не понравилось, что полицейский внезапно изменил направление обвинения, словно твердо вознамерился возложить вину на нее.

– За стену отвечает водный надзор. Как я понимаю, ее проверяют каждый год, – сказала она.

Полицейский положил в чай ложечку сахара, размешал его, постучал по краю чашки ложечкой, стряхивая с нее воду – дольше, чем требовалось.

– Ее кот исчезал часто?

– Не знаю. Мы живем здесь всего несколько недель.

– Не полагаете ли вы, что существует другая причина, по которой она могла пойти туда?

– Нет, я… – Ее сознание затуманилось.

Извините, если вы не очень возражаете, может, вы сходите и скажете Виоле, что я буду чуточку попозже. Я тут где-то потерял свои часы, черт их подери, так что мне придется вернуться и поискать их.

Голос мужа Виолы Леттерс звенел в ее голове, и она почувствовала, что щеки у нее начинают гореть. Констебль Тайдимен наклонился вперед, словно учуял какой-то запах.

– А не было ли чего-нибудь странного в поведении миссис Леттерс прошлым вечером?

Да, офицер, она была очень расстроена одной фотографией. К сожалению, она сгорела сегодня утром.

– Она не очень хорошо себя чувствовала. Я даже предложила отвести ее домой.

В тот раз, когда мы встретились, ну, когда вы приходили с сообщением от моего покойного мужа… я рассказывала вам, что мне уже передавали это же самое сообщение и раньше? В тот день, когда он умер?

– Не хотели бы вы рассказать мне что-то еще, миссис Уитни?

– Нет. Нет, извините. Я чувствую себя очень расстроенной… Она была милая женщина, была так добра ко мне.

Маленькие глазки-бусинки не отпускали ее.

– Как я понимаю, недавно она потеряла собаку.

Эти глаза притягивали ее как магниты. Пробуравливали ее. Чарли кивнула.

– Несчастный случай с котелком?

– С чайником, – еле вымолвила она.

– А теперь вот новый несчастный случай, – сказал он.

Чарли прикусила губу. Тайдимен выглядел солидно в своей куртке из саржи с полированными хромовыми пуговицами; выглядел человеком, который привык наслаждаться по вечерам кексом перед экраном телевизора и пинтой пивка с приятелем; человеком, который ведет удачные дела, связанные с лицензиями на право владеть дробовиком и с потерей собственности. Он задал еще несколько вопросов, допил чай и поднялся. Чарли проводила его до входной двери. На верхушке подъездной дорожки двое мужчин грузили большой черный пластиковый мешок[14] в белый фургончик. Офицер из уголовной полиции менял объектив на фотоаппарате. Вода снова падала с запруды.

Некоторые люди полагают, что смерть – дело нормальное, и они, мол, не могут не принимать ее. Но у Чарли все было иначе. Смерть людей всегда плохо влияла на нее. Смерть, как зло, волновала ее, выводила из равновесия, словно мир опрокидывался, и вместо того, чтобы видеть небо,

она обнаруживала, что смотрит в бездну.

Порой ее интересовало, что испытывает умирающий, что, например, испытывала падающая с берега и уходящая под воду Виола Леттерс. Один мужчина в телевизионной передаче о смерти, веселый, горячий человек, фамилию которого она забыла, сказал, что утонуть – это достаточно приятный способ умереть.

Но с того места, где она стояла, с верхушки шлюза, это выглядело не очень-то приятно. Также не очень-то приятно выглядело, когда они упаковывали тело Виолы Леттерс словно мусор.

Бланк обращения за ее свидетельством о рождении со стола исчез. Чарли обыскала кухню, но он пропал.

Она вспомнила прошлый вечер, тот момент, когда Виола Леттерс вошла в кухню и заметила кассеты. Не она ли передвинула их? И рамку? Сознание Чарли было как в тумане, ее способность вспоминать, казалось, испарилась.

В другой раз, дорогая, мы поговорим об этом в другой раз. И это тоже испарилось.

Хью заехал за Чарли в половине восьмого на стареньком «ягуаре»-седане, который выглядел довольно солидно и вместе с тем эксцентрично. Зажигание помещалось у него на приборной доске, и там же располагалась кнопка стартера. Чарли пощупала вокруг, ища пристежной ремень.

– Боюсь, здесь их вообще нет.

– Ну и ладно, – сказала она, чувствуя себя в глупом положении, как будто обязана была знать, что ремней здесь нет.

Послышалось низкое подвывание коробки передач, едва они тронулись, и хриплый рев, когда Хью стал набирать скорость на дорожке. Приборы мерцали, стрелка спидометра прыгала по шкале и не успокаивалась.

Луч фар выхватил белую ленту, огораживавшую шлюзовый пруд и запруду и закрепленную на колышке прямо на пешеходной тропке с большим объявлением «ПОЛИЦИЯ! ОПАСНО!».

Пока они не миновали коттедж старухи, Чарли не произнесла ни слова.

– Замечательная машина.

Он улыбнулся:

– Разве что немного потрепанная.

Переключив передачу, он замедлил ход у рытвины рядом с дорожкой, ведущий к «башням юных дарований», остановился у конца улочки и вырулил на шоссе. Вел он машину мягко, скорее спокойно, как будто

обучал автомобиль двигаться, почтительно относясь к его возрасту. Один раз Хью склонил голову и прислушался к тону двигателя, словно врач. Чарли обнаружила, что сравнивает его манеру вождения с бешеным темпом Тома.

– И куда же ваш муженек укатил?

Муженек. Звучит неплохо. Неприятное ощущение в ее желудке поднималось так же неуклонно, как падал уровень воды в шлюзе.

– Он… в Штаты.

– Много путешествует?

Никогда.

– Да. Довольно много.

– Занимается международным правом?

– Немного. Опека над детьми и имуществом. – Чарли было очень неприятно лгать.

– И вы ничего не имеете против того, что остаетесь одна?

– Нет, это замечательно, – сказала она слишком поспешно. – Но я больше привыкла быть сама по себе в городе, чем в сельской местности. Думаю, что пока еще не вполне к ней привыкла.

– Начало у вас было не очень-то удачным.

– Да, – сказала она, – не очень-то.

В трактире было тихо. Чарли была рада, что не встретилась с Зоэ и Джулианом и что ей не придется слушать, как хорошо покатались девочки, и как там поживает Элмвуд-Милл, и неужели они с Томом ну просто не *обожают* его?

Двое морщинистых мужчин, один из которых курил трубку, а другой теребил кепочку, лежавшую перед ним рядом с пепельницей, сидели в баре со своими персональными пивными кружками. Хью кивнул им, и тот, который теребил кепочку, безучастно ответил тем же. Какой-то юноша развлекался с игральным автоматом, а пухленькая девушка лет около двадцати сидела позади него и жевала хрустящий картофель из пакетика. Пропищал игральный автомат, раздался звон медных денег.

Хью заказал для Чарли выпивку и перекинулся несколькими словами с Виком, хозяином заведения, по поводу Виолы Леттерс.

– Тропка оползала долгие годы. Любой болван мог бы это увидеть, – сказал Вику мужчина с трубкой.

Вик кивнул. Его темное траурное лицо идеально соответствовало мрачной атмосфере.

Чарли сидела на высоком стуле у бара. Том снова позвонил, оставил еще одно сообщение днем, когда она надолго выходила прогуляться с

Беном и таскалась с ним по полям. Гордая тем, что не перезвонила ему, она даже получила некоторое удовольствие, снова прослушав его голос. Она знала, что такое состояние продлится недолго, потому что оно приходит волнами, и, когда она на вершине волны, все прекрасно, но когда она опускалась вниз, ей хотелось поднять телефонную трубку, позвонить и услышать его голос, узнать, что все замечательно и что он возвращается обратно.

Она подумала о Виоле, погрузившейся в воду вместе с оползнем. Действительно ли кот заставил ее забираться в темноте вверх по этой тропке? Или, может, ее муж? Не ходила ли она попробовать связаться с ним?

– Чарли, должно быть, была последней, кто видел ее, – сказал Хью.

– Эта тропка оползала долгие годы, – повторил мужчина с трубкой. – Долгие годы.

Хью передал Чарли ее «спритсер» и слегка чокнулся о ее рюмку высоким стаканом с пивом.

– Ваше здоровье, – сказал он.

– Ваше. Спасибо.

Она отхлебнула холодный и довольно крепкий напиток. Вик прошелся вдоль стойки бара и принялся убирать пустые рюмки.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Хью.

– Очень дерьмово.

– Вините себя?

– Я же предлагала отвести ее домой. А она не позволила. Если бы я настояла… – Чарли помолчала. – У нее ведь не было детей?

– Нет.

На Хью была потрепанная куртка, помятая рубашка и ярко-красный галстук с вертикальными полосками, напоминавший ей зубную пасту. Хью пробежал глазами по ее лицу, словно искал что-то.

И вот именно сейчас она не скучала по Тому. Она была рада, что сидит тут с Хью, что есть возможность поговорить.

– Хью, а если… если бы я сказала вам, что у меня есть доказательство того, что я жила раньше, как бы вы к этому отнеслись?

Серьезное выражение его лица не изменилось.

– Какого рода доказательство?

– А разве не вы говорили, что для того, чтобы доказать, что вы жили раньше, необходимо знать нечто такое, что произошло в предыдущей жизни и чего никто другой из живых не знает? Что-то, чего вы ни под каким видом не могли разузнать иным способом, если только вы не жили

раньше?

– Да, – сказал он, доставая трубку из кармана куртки.

– Вы говорили, что это может быть что-то маленькое.

Он порылся в другом кармане и вытащил кожаный мешочек с табаком.

– У меня есть две вещи, – уточнила Чарли.

Он расстегнул «молнию» на мешочке и затолкнул в него чашечку трубки.

– Расскажите.

И она рассказала ему о своем происхождении, все, что смогла припомнить о сеансах ретрогипноза, о конюшнях, о муже Виолы Леттерс, о «триумфе» и жевательной резинке, о медальоне и записке, лежавшей внутри него, о надписи на камне и о ноже.

Она не рассказала ему только о том, что снова выкопала медальон, о сгоревших фотографиях, равно как и о том, что Том ушел от нее. Чарли не хотелось, чтобы Хью подумал, будто она рехнулась, и не поверил бы этим фактам, потому что нисколько она не рехнулась, ведь в самом же деле нет… ну, разве что просто движется немного по этому пути. Но не совсем ведь очертя голову.

– Д. любит Б. Дж.? – Он слегка постучал по зубам черенком трубки. – Инициалы что-нибудь означают для вас?

– Его зовут Диком.

– А как звали вас в этих возвращениях в прошлое?

– Не знаю.

Хью чиркнул спичкой и раскурил трубку. К Чарли поплыл голубой дымок.

– Вас удочерили и вы не знаете настоящих родителей?

– Теперь я пытаюсь это выяснить.

– Стало быть, наиболее вероятным объяснением должна быть криптомнезия.

– Криптомнезия – это всякие вещи, которые кто-то знал в детстве, а потом забыл, так?

– Совершенно забыл, словно этих вещей никогда и не существовало. – Он затянулся. – Воспоминания о времени, когда вам был год или два, к примеру. Очень немногие люди могут вообще что-либо припомнить без помощи гипноза. – Он вгляделся в чашечку трубки и пальцем примял табак. – Может, вы были здесь с вашими настоящими родителями до того, как вас удочерили.

– Меня удочерили при рождении.

– Вы в этом уверены?

– Именно так моя мама всегда… – Чарли остановилась.

– Матери часто защищают детей от дурных воспоминаний. Может, и она защищала вас от чего-то?

Смертельная ложь. Правда. Возвращайся.

Чарли огляделась. Один из стариков в конце стойки бара таращился на нее, и когда она обернулась к Хью, то уголком глаза заметила, как тот старик тянет за рукав приятеля и что-то ему бормочет.

– Конечно, если я была в этих краях с настоящими родителями… или моими приемными родителями… то у меня же должны быть какие-то воспоминания, да?

Хью вынул трубку изо рта и покрутил черенок, подгоняя его.

– У вас наверняка есть какие-то воспоминания. Вы знаете, где были конюшни. Вы знаете, где был закопан медальон и где был нож.

Чарли кивнула.

– Вот вы совершенно уверены, что ваши приемные родители всегда жили в Лондоне. Но возможно и такое: ваша настоящая мать была из этих мест и вы провели здесь свои первые год или два, прежде чем вас удочерили. Или, если вас удочерили при рождении, у вашей приемной матери есть здесь родственники?

– Думаю, это возможно, – сказала она. – Но не должна ли я в таком случае помнить побольше?

– Вы постоянно вспоминаете все больше и больше. Вы лишились вашего настоящего отца, потом приемного отца. Это довольно тяжелый путь для ребенка. И вот вы справились с этой тяжестью, как бы похоронив ее. Вам необходим гипнотизер, чтобы это раскопать.

– А я-то полагала, что вашим предметом была философия, а не психиатрия.

Он утрамбовал пальцем табак в чашечке трубки.

– Я играю роль завзятого спорщика, только и всего. – Он пожал плечами. – Обычно для таких вещей всегда находится объяснение. Если ваша мать не хочет рассказать вам… или не может… то как насчет кого-нибудь из ее родственников?

– Никого не осталось в живых.

– А друзей?

– Нет. Мне следовало бы приступить к этому делу лет десять назад.

– А вы не знаете, как звали ваших настоящих родителей?

Не лезь ты в это дело, сучка.

– Я надеюсь разузнать.

– И все-таки это вряд ли поможет, но хотя бы подскажет, откуда они

родом.

Она осушила рюмку и заказала еще один «спритсер» и кружку пива для Хью. Всего лишь воспоминания. На другом конце помещения игральный автомат выдал безумный завывающий звук и изрыгнул целую пригоршню монет. Воспоминания. Мятный привкус жевательной резинки. Женщина на лошади. Медальон. Кровь, хлещущая из шеи мастифа. Она посмотрела на свои руки, исцарапанные и изодранные в клочья. Раны были воспоминаниями. Раны заставили тело вспомнить, что определенные вещи были болезненными, заставляли не делать их снова. Ее сознание было полно ран, которые болели слишком сильно, чтобы принадлежать кому-то другому.

По выражению лица Хью она видела, что и он это понимает.

Закусывали они в небольшом ресторанчике на задворках трактира. Чарли придирчиво ковыряла салат с креветками, жалея, что заказала его. Что-то в креветках казалось ей слишком резким – то ли рыбный вкус, то ли само мясо. Ей казалось, что она закусывает червями.

Низкий туман размазывал луч фар «ягуара», когда они катили обратно по их улочке, в самом начале двенадцатого. Мимо промелькнул Розовый коттедж, темный под мраморным светом луны. Какая-то крошечная красная точка мерцала у входной двери.

Хью затормозил. Чарли неуверенно выкарабкалась из машины, заметно под хмельком. Скорбно мяукал Нельсон. Хью стоял рядом с Чарли, когда она открыла калитку. Позади них постукивал двигатель «ягуара».

– Нельсон! – сказал Хью. – Хороший малыш!

Кот снова замяукал.

– Я дам ему немного молока, – сказал Хью.

– А у меня есть собачья жратва, если только он станет есть ее. С ним-то что будет?

– Утром я скажу полицейским, – сказал Хью. – Они, по всей вероятности, отдадут его в чей-нибудь дом или еще что-то придумают. Если только вам он не нравится?

– Не думаю, что Бен это одобрит. А вы его не хотите взять?

– У меня от него мурашки идут по коже.

Нельсон опять завыл, посверкивая единственным глазом.

– Я довезу вас до дома.

– Я могу и дойти.

– Никаких проблем. Входит в обслуживание.

Когда Хью остановился позади ее «ситроена», Чарли охватило чувство подавленности: ей не хотелось оставаться в одиночестве, не хотелось идти

в дом одной. Она уставилась через ветровое стекло на темные ночные очертания.

– Я все время думаю о Виоле Леттерс.

– Вы не должны винить себя.

– Не хотите кофе?

– Мне надо вернуться. Я отстаю со своей писаниной.

– А что вы в данный момент пишете?

– О, я кручу-верчу со всех сторон философские аспекты привидений.

Чарли посмотрела на него, приподняв брови:

– А к чему это вам, неспециалисту?

Он улыбнулся:

– Ну, может быть, кофе на скорую руку.

Она открыла дверцу «ягуара», и слабое внутреннее освещение вылилось наружу, сделав ночь за ветровым стеклом еще темнее. Казалось, дом кренился в разных направлениях. Внутри горел свет: это она оставила лампы включенными, не желая возвращаться в темноту.

Хью вылез и захлопнул дверцу. Запруда ревела, вода обрушивалась вниз, словно ей никогда и не мешали. Медленно скользила по небу луна, совершая путешествие, которое она проделывала миллионы и миллиарды раз еще до того, как Чарли когда-либо рождалась. Это вечное движение будет продолжаться и после того, как Чарли умрет.

– Сколько загадок в этих звездах, – сказал Хью.

– А вы все их знаете?

– Призраки, – сказал он. – Меня всегда интересовало, сколько из них являются призраками. – Он показал вверх трубкой. – Вы ведь не видите звезды такими, какие они есть сейчас, – вы их видите такими, какими они были сотни лет назад, миллионы. Некоторые из них больше не существуют. Вы смотрите на свет, который они излучали, на свет как образ самих звезд. Вот так я думаю и о многих призраках. Образы умерших людей – словно повторное проигрывание на видео.

Когда Чарли отперла входную дверь, Бен залаял. Они прошли по коридору в кухню. Чарли включила свет и поразилась резкому треску выключателя. Свет померцал и стал нормальным.

– Тут все еще проблемы с электричеством, – сказала она.

– А я думал, вы поменяли проводку.

– Поменяли…

Выпустив возбужденного Бена в сад, она наполнила кофейник водой и достала из пачки кофейный фильтр. Хью озирался в комнате и, обеспокоенно нахмурясь, смотрел в потолок. Автоответчик подмигивал, и

она подумала, уж нет ли там еще сообщения от Тома. Ей хотелось думать, что есть. Пошел он в задницу!

– Вы в самом деле верите в привидения, Хью?

Он уминал табак в трубке.

– Да. Я верю в привидения, только не знаю, что же это такое. Я не знаю, есть ли у привидений рассудок, свободная воля, способны ли они по-настоящему проделать что-нибудь еще, кроме новых появлений в одном и том же месте, повторений одних и тех же движений, словно полоска повторяющейся киноленты. Я не уверен, может ли привидение по-настоящему причинить кому-то вред, разве только перепугать своим появлением. Это входит в тему моей книги.

– А вы когда-нибудь видели хоть одно?

– Нет.

– А хотелось бы?

– Да. А вам?

– Нет. – Она впустила Бена в дом и села за стол. – Меня бы тогда просто кондрашка хватил.

– Не думаю, что это так страшно. Мы ведь говорим о реальности и сверхъестественном как о двух разных вещах. Но это не так.

– Что вы имеете в виду?

Кофейник булькал и плевался, выпуская в кувшин ровную струйку кофе.

– Мы знаем, что такое трупы, но я не думаю, чтобы мы знали, что такое смерть. Я верю в смерть не больше, чем верю в жизнь.

– Так вы не считаете, что Виола Леттерс мертва?

– Ну, они вытащили ее труп из шлюзового пруда…

– Но ее душа – имеет значение?

– Тела тоже имеют значение. Все клетки в них, все крошечные частицы, атомные частицы и субатомные частицы. Гены. Электричество.

– Электричество?!

– Частицы наших тел имеют электромагнитные заряды. Когда наши трупы разрушаются – путем ли кремации или похорон, – все это тем или иным путем возвращается обратно, в землю, совершает новый цикл развития. У каждой частицы сохраняется своя память, как и у крохотного кусочка видеокассеты. Возможно, что и мы с вами сделаны из частиц, которые принадлежали сотням других людей. В вас, может быть, есть частицы Эйнштейна, Микеланджело, Боадицеи…

– Или убийцы-маньяка?

– Не обязательно мы воссоздаемся заново как человеческие существа.

Мы можем, или некоторые из нас могут возвращаться обратно как люди, а кусочки – как жуки скарабеи. Мы можем даже вернуться в виде какого-нибудь дерева и потом превратиться в стол.

– Или, к примеру, в энциклопедию.

Хью ухмыльнулся, снова разжигая трубку. Чарли попыталась понять его мысль.

– На днях вы говорили, что разные места могут удерживать воспоминания о происходивших там событиях.

– Существует точка зрения, согласно которой если в одном месте проявилась интенсивная эмоция, а потом каким-то образом электромагнитные частицы атомов в стенах поглотили ее, то либо люди, либо определенные атмосферные условия могут вызвать эффект повторного проигрывания. Это объясняет большую часть привидений.

Чарли поставила на стол две кружки.

– Сахар нужен?

– Спасибо.

– А как насчет остальных?

Он покатал между пальцами сгоревшую спичку.

– Разумные привидения? Кажется, они используют ту же самую электромагнитную энергию, но им необходима и другая. Они забирают тепло из комнат – вот потому-то комнаты и становятся холодными. Они вытягивают энергию из людей, они даже вытягивают ее из электричества в каком-нибудь доме.

Чарли заметила, как его взгляд снова быстро прошелся по комнате, над выключателем и к лампочке под потолком.

– Что… что же привидения делают с энергией? – спросила она.

– Сами они не очень-то много могут сделать. Привидения являются энергетическими силами без голосов, без тел, без конечностей. Они могут двигать предметы, что называется полтергейстом, и они могут показываться, но если захотят сделать что-либо, то им приходится это делать через какого-нибудь человека… а порой, может быть, и через животное.

– Каким образом?

– Используя их физическую энергию.

Чарли рассматривала свой кофе: темно-коричневый, кружащий водоворотом, словно шлюзовый пруд, подобно той густой грязи, в которой лежала лицом вниз старая женщина…

– А призраки могут заставлять людей что-то делать?

– Это возможно. Существуют свидетельства.

– Виола Леттерс собиралась рассказать мне нечто. Вчера вечером, будучи здесь, она увидела одну мою старую фотографию, которая, как она сказала, напомнила ей кого-то. Она от этого пришла в совершенное расстройство… даже рюмку не допила… и ушла.

– А что она сказала?

– Что объяснит это в другой раз.

– И все?

– Она сказала, что в тот день, когда умер ее муж, какая-то девушка передала ей сообщение. Виола решила, что на фотографии я похожа на ту девушку.

– Могу я взглянуть на нее?

– Она… я… сожгла ее.

– Зачем вы это сделали?

Он посмотрел на нее посуровее, и она покраснела.

– Не знаю.

Хью, пока говорил, не сводил с нее глаз.

– Порой люди и в самом деле пугаются привидений из-за фотографий: фотоаппарат выхватывает объект под специфическим углом зрения, при определенном освещении – и тогда люди становятся похожими на других.

– Хью, вы в самом деле, от чистого сердца, верите в возможность повторного воплощения людей?

После затянувшейся паузы он кивнул:

– Да, верю.

– Я привыкла считать, что смерть – это конец, – сказала Чарли. – Так проще. Не думаете ли вы, что время от времени мы возвращаемся и проходим через те же самые события?

– Жизнь – не игорный автомат в торговом пассаже, который, когда вы проигрываете, зажигает надпись: «Извините, вы убиты. Не хотите ли предпринять новую попытку?» И мы, видимо, проходим одни и те же испытания каждый раз, сталкиваемся с одними и теми же ситуациями, до тех пор, пока не научимся их правильно разрешать.

Внезапно Чарли почувствовала себя так, словно воткнула пальцы в электрическую розетку. Она была изумлена необычной встряской всего своего сознания.

– Не думаете ли вы, что прошлое повторяет само себя?

Хью улыбнулся:

– Вам нет нужды беспокоиться, вы же не беременны?

Она покачала головой.

– А героиня вашего ретрогипноза беременна. Выходит, это разные

вещи?

– Да, – неохотно сказала она.

– Даже если ваш муж и оставил вас.

Она всплеснула руками, широко раскрыв от удивления глаза.

– Как? Как вы…

– Я прав? – спросил он.

Чарли опустилась на локти и плотно зажмурила глаза, ощущая, как по ее щекам текут слезы.

– Да.

– Вам предстоит через многое пройти.

Она фыркнула, почувствовав гнев на саму себя, на весь мир.

– И вне всяких сомнений, мне придется пройти через это снова, в какой-то другой распроклятой жизни, и снова, и снова…

Хью подлил себе кофе.

– Я не думаю, что мы обречены продолжать вращаться до бесконечности вокруг одной и той же точки, словно золотая рыбка в аквариуме. – Он нахмурился. – А где ваша золотая рыбка?

– Умерла.

– Очень жаль.

– Нет, не стоит. Она вернется обратно как очередной римский папа. – Чарли высморкалась. – Простите. Не хотелось быть банальной. Я просто нахожу всю эту историю слишком запутанной. Эти возвращения в прошлое. Честное слово, я не желаю их продолжать. – Она отпила кофе. – Как вы считаете, надо ли мне продолжать?

Он все еще смотрел в ее глаза, изучая. Быстро окинув взглядом комнату, Хью наклонился поближе и понизил голос:

– Я думаю, что вы близки к открытию, это может быть очень важным, потому что вы умны, четко выражаете свои мысли и готовы понимать. – Он помолчал мгновение, а потом добавил: – Я тоже думаю, что вы в опасности. В очень серьезной опасности.

– В какой опасности?

Он промолчал.

– Опасности свихнуться? Вы это имели в виду?

– Опасности аномального, – сказал он. – Сверхъестественного. Оккультного. Называйте как хотите, но этим всегда опасно заниматься по-любительски.

27

На следующее утро она поехала к «Георгию и Дракону», соображая, в котором же часу Хью в конце концов ушел. В четыре? В половине пятого? Должно быть, даже позднее, потому что начинало светать.

Они проговорили почти всю ночь. О жизни после смерти. О религии. О самих себе. Болтали так, словно знали друг друга в течение всей своей жизни. У Хью был сын, он жил в Канаде с его бывшей женой, и Чарли удивилась: ей и в голову не приходило, что у него может быть ребенок. Сына он не видел уже два года, борьба за опеку над ним шла не на шутку. Том, возможно, сумел бы ему помочь, сказала она. Том. Чарли упомянула о Томе так, словно он был третьей стороной, случайным знакомым.

Странное было у нее ощущение, когда Хью уходил и его надо было выпускать из входной двери в рассветный хор так же, как она выпускала Тома из дверей квартиры ее матери, когда они встречались. Они с Томом обычно возвращались домой после того, как кутили весь вечер, и тискались на диване, пока не удостоверятся, что ее мать уснула, – и тогда занимались любовью, пытаясь вести себя потише и обрывая хихиканье в ужасе, что мать проснется. Иногда они дремали, и, когда Том уходил, появлялись первые лучи солнца, вместе с начинавшими свой путь развозчиками молока.

Прошлым вечером с Хью она чувствовала себя по-домашнему, настолько уютно, что если бы, вместо того чтобы идти провожать его до входной двери, она бы отправилась с ним наверх, в постель, то это выглядело бы для нее совершенно естественно.

Становлюсь легкомысленной, подумала она. Вот уже завожу других мужчин. Говорят, что не больно, когда в тебя выстрелят, во всяком случае, не в первые секунды, пока шок и оцепенение не пройдут. Больно становится потом. Может, она все еще в шоке, в оцепенении. Нет. От мысли, что Том с Лаурой просыпаются вместе и Лаура готовит ему завтрак, внутри ее завертелась бурлящая острая боль.

В трактире было пусто и прохладно. За стойкой бара читал «Спортивную жизнь» хозяин Вик. Игральный автомат с потухшими огоньками безмолвствовал. На фоне стойкого аромата пива, впитавшегося в стены и в балки перекрытий, прорезался слабый запах кофе.

Пока Вик отмечал кружками набор из лошадиных бегов, Чарли терпеливо стояла перед ним. Заметив ее, улыбнулся улыбкой человека,

захваченного за перелистыванием пошлого журнальчика у киоска.

– Что, получаете какие-нибудь подсказки? – спросила она.

– Не всегда.

– Те два старика, ну здесь, вчера вечером, вот так они сидели. – Чарли показала где. – Кто они такие?

– Постоянные посетители, – ответил он. – Артур Моррисон и Билл Уайнрайт.

– А кто из них был с трубкой?

– Билл Уайнрайт.

Таращился на нее главным образом другой.

– А вы не знаете, где живет Артур Моррисон?

– На ферме Крэмптона. В коттеджах шорников.

– Как их найти?

– Довольно просто.

Менее чем в миле по шоссе она обнаружила указатель. Свернув на изрезанную колеями проселочную дорогу, шедшую через открытое поле, Чарли миновала большой амбар и проехала через двор фермы. Выбежавшая на двор черно-белая собака облаяла автомобиль. В нескольких сотнях ярдов дальше стоял рядок ветхих кирпичных коттеджей. Остановившись около последнего, впритык к старенькому фургончику, Чарли выбралась из машины.

Сад с разросшимся кустарником был забит ржавым металлоломом. К стене приткнулся старый черный велосипед, позади дома кудахтали куры.

У Чарли голова раскалывалась от усталости. Ей показалось, что она была здесь совсем недавно, вроде с Томом, когда они искали сельский магазинчик, или, может, с Гидеоном, когда ездили покупать кур.

Итак, Артур Моррисон. Артур Моррисон, с морщинистым угрюмым лицом и наполовину выпавшими зубами, который потягивал в трактире пиво из своей личной пивной кружки с крышечкой и таращился на нее. Этот его пристальный взгляд…

Она прошла по тропинке, остановилась перед выцветшей голубоватой передней дверью и поискала звонок. Не найдя даже дверного кольца, она постучала израненными костяшками пальцев, морщась от боли.

Тишина. Затем ей показалось, что она расслышала шарканье ног и позвякивание посуды. Она снова постучала, на этот раз воспользовавшись ключами от машины. Рядом с ней в окне дернулась занавеска.

На дворе фермы залаяла собака. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и сморщенное, с выражением подозрения лицо показалось из

темноты. Сквозь волосы этого человека проглядывал череп. Вместе с ним из-за двери пришел запах старости, плесени, иссохшей мебели, иссохших людей – распада.

– Мистер Моррисон? – спросила Чарли, пытаясь вежливо улыбнуться.

Выражение сморщенного лица становилось все более враждебным, шишковатые руки тряслись. Но сквозь эту враждебность и дрожь она увидела тоску, так и бившую ключом из маленьких желтоватых глазок, тоску и слезы.

– Убирайся, – сказал он дрожащим голосом. – Оставь нас в покое. Ты нам здесь не нужна.

Он проворно отступил назад и захлопнул дверь.

В тот же вечер Том вернулся домой. Было поздно, темно, уже за полночь, и Чарли легко и некрепко спала, когда щелкнула дверь. Бен залаял.

– Привет, дорогая.

Когда она услышала его шаги по комнате, когда почувствовала, как он садится на постель и берет ее руку, ее сердце затрепетало. Рука его была холодной, словно он прогуливался на улице под снегом, и Чарли стиснула ее.

– Извини, – сказал он.

– Да все в порядке, – сонно пробормотала она.

Он наклонился, и она ощутила резкий мускусный запах духов, ощутила его дыхание, отвратительное и воняющее дымом – не от сигарет или сигар, а дымом прогоревшей соломы и дерева. Он поцеловал ее.

Его губы были жесткими и холодными.

Чарли в потрясении отпрянула. Запах горелого мяса, перемешанный с запахом духов, становился все сильнее, все более едким, он заполнял ее ноздри. Холодные жесткие губы вжимались в ее губы, словно пытаясь протереть их насквозь. Она попыталась отодвинуться, отстраниться, но его руки цепко держали ее за шею, волокли к нему все жестче и жестче.

Она затрясла головой, закричала, слыша, как сердито рычит Бен.

Холодные иглы вонзались в ее тело. Казалось, в комнате все замерзало. Она ощущала его дыхание, этот мерзкий пугающий запах жженой плоти. Давление его рук становилось все крепче и крепче. Попытавшись выбраться из постели, она сообразила, что и не была в ней. Она стояла, вмятая во что-то.

А его руки сжимали все крепче.

– Том!

Ее голос прозвучал как бывает при полоскании горла. Ей казалось, что шейные позвонки вот-вот сломаются. Дышать становилось все труднее, лай Бена – оглушительнее. Она задергала ногами, но ноги едва касались пола. Она дышала короткими удушливыми глотками, стоя на цыпочках. Выбросив руки вверх, Чарли завертелась волчком, упала вперед, треснувшись обо что-то головой, и свалилась на бок. Давление на шею стало еще сильней. Она исступленно таращилась вокруг, смотрела вверх, но смогла разглядеть лишь луну за окном.

Луна.

И это окно.

Окно было не на том месте!

А потом она почувствовала тишину. Слабое дуновение холодного воздуха. И неистовое сжатие вокруг шеи. Нет, не рук. Это не руки сжимались вокруг ее шеи, это было что-то мягкое и одновременно жесткое, врезавшееся в кожу. Все было бы хорошо, если бы она стояла прямо, на цыпочках и не двигалась, все тогда было бы вполне хорошо, вполне терпимо.

Тиски вокруг шеи продолжали крепнуть.

Это был шелк. Чарли потянула за него. Запахи исчезли. Вокруг ее шеи было завязано узлом что-то шелковое. Она встала на цыпочки – так высоко, как только могла, и попыталась ослабить тиски. Ей удалось отыскать узел и потянуть, но он был слишком тугим. Она споткнулась, и узел снова стал душить ее. Бен неистово залаял.

Помоги мне.

Вытянув руки вверх, над головой, она ощутила, что шелк упруго натянулся. *Где, черт подери, я нахожусь? Я хочу немедленно проснуться. Ну пожалуйста, пусть я проснусь!*

Но она не спала. И она знала это. Она не спала и свободно качалась на конце шелковой удавки. Кто-то обвязал эту петлю вокруг шеи. Кто-то в этой комнате.

Понемногу привыкая к подсвеченной луной темноте, она различила пустую постель, арочный проход в ванную, Бена… Она стояла спиной к гардеробу. Чарли попыталась отодвинуться, но удавка, сжимавшая шею, резко дернулась. Чарли вцепилась в нее пальцами и попыталась ослабить ее, но петля все затягивалась, и Чарли тряслась от страха, хватая ртом воздух. Для того чтобы подышать, ей приходилось заставлять себя подниматься на цыпочки.

Протолкнув руку назад, она нащупала гардеробную ручку и потянула ее. Дверца распахнулась, ударив ее. Чарли отступила на несколько дюймов,

крепко ухватилась за платья, которые, как она знала, были позади нее, почувствовала полиэтиленовые чехлы, услышала шуршание одежды и постукивание вешалок. Она пробежала рукой вниз. Дно гардероба было высоким, в несколько футов от пола, под ним еще находились выдвижные ящики, но Чарли не могла дотянуться до них: удавка не пускала ее.

Чарли попыталась снова: протянув руки как можно дальше, она коснулась туфли и едва ухватилась за нее кончиками пальцев. Она дышала с трудом, в какой-то момент решив, что вот-вот потеряет сознание. Покрепче ухватив туфлю, Чарли подняла ее.

Крепко сжимая туфлю, она что есть силы вколотила каблук во внутреннюю сторону дверцы гардероба. Услышав звон разбившегося стекла, она переложила туфлю в левую руку на случай, если та еще понадобится, а потом правой рукой осторожно отыскала болтающийся осколок зеркала.

Указательным и большим пальцами она отколола его, подняла над головой и принялась пилить по скрученному шелку. Тиски чуть-чуть ослабли. Когда порвались последние нити, Чарли упала лицом вперед.

Дрожа, жадно глотая воздух, она пролежала несколько минут, прежде чем смогла пошевелиться, проползти на коленях и включить лампу на тумбочке у кровати.

Щурясь от яркого света, она в ужасе смотрела на гардероб. Часть ее черного шелкового халата свешивалась с решетчатой деревянной резьбы на верхушке гардероба. Остальное было обвязано узлом вокруг ее шеи.

Чарли тряслась от шока и страха, осознавая, что произошло и что она сделала.

Во сне она пыталась повеситься.

Она достала этот халат из нижнего ящика, где он лежал в хозяйственной сумке, встала на невысокое кресло, куда Том обычно складывал свою одежду, обвязала полу халата вокруг резного завитка на верху гардероба, другой конец вокруг своей шеи, а потом оттолкнула ногами кресло. Оно и валялось теперь на боку.

Схожу с ума. Проделать все это во сне. Бред какой-то. Я откапываю во сне медальон. В предыдущей жизни убиваю собаку. Я пытаюсь повеситься. Так, может, я сейчас мертва, я – привидение.

– А призраки могут заставлять людей делать что-то?

– Это возможно. Существуют свидетельства.

Ее кровь текла так медленно, словно это был конденсат, капающий с потолка карстовой пещеры. Чарли погладила Бена, желая потрогать что-то живое. На ощупь он был как статуя.

Изо рта у нее шел пар. В комнате было холодно и становилось еще холоднее. Чарли подошла к открытому окну, протянув руку, чтобы закрыть его, она почувствовала, что снаружи совсем не холодно.

Холодно было только в комнате.

Какая-то зверушка во тьме пронзительно завизжала в страхе. Было половина четвертого. Крошечные призраки ярко блестели над ней в темноте, и большая луна-призрак, покрывая пруд своим блеском как льдом, безмолвно скользила по маршруту, давным-давно проложенному ею на небе. А страх безмолвно прокладывал собственный маршрут вдоль спины Чарли.

Она осторожно затолкала осколки разбитого зеркала под гардероб, чтобы не наступил Бен, а потом натянула джинсы, свежую блузку и свитер. Бен завилял хвостом.

– Нет-нет, паренек, мы собираемся не гулять. Пойдем-ка! – оживленно говорила Чарли.

Ухватив сумочку, она вышла из комнаты, оставив свет включенным, и пошла вниз, щелчками зажигая свет на своем пути. Подхватив на ходу поводок Бена, она отперла входную дверь и вышла.

Стерев росу с окон машины, Чарли завела двигатель и быстро покатила вверх по дорожке. Подпрыгивая на рытвинах, автомобиль кренился, стуча подвесками о днище. Когда она обогнула Розовый коттедж и заметила «ягуар» Хью у амбара, кролики на дороге бросились врассыпную.

Остановившись в конце улочки, «ситроен» выхватил из темноты слабыми фарами живую изгородь поперек дороги. Из-за мучительной боли в мышцах Чарли помассировала себе шею, а потом, толкнув ручку переключения передач вперед, покатила дальше по безмолвной дороге.

28

Прогудел мимо уборочный грузовичок, вращающий щетками по обочине тротуара Кингз-роуд. В витрине магазина на другой стороне стояли изогнувшись манекены, наряженные в модные одежды кричащих расцветок. Демонически и свирепо смотрели они из темноты сквозь солнцезащитные очки.

Из темноты неба просочилась струйка темно-красного света и полилась вниз, по серым сборным стенам многоэтажного здания, башней высившегося над головой. Окна Лауры были наверху, на седьмом этаже. Чарли пыталась сообразить, где именно, но из-за предрассветной мглы не нашла.

Девица с торчащими волосами, в одежде готического стиля, видно только что снявшая ролики, чеканила шаг по мостовой, бурча себе под нос: «Мальчик-маньяк-маньяк-маньяк», как будто слово являлось ключом к тайнам вселенной.

Двое полицейских из своей машины, проезжающей мимо, всматривались внутрь ее «ситроена», и Чарли вспомнила, что предыдущей ночью она пила спиртное. Полицейский автомобиль покатил дальше.

Выбравшись из «ситроена», она прошла к входу в квартирную секцию, просмотрела панель со списком фамилий и нажала на звонок к Лауре. Их могло там и не быть, возможно, укатили куда-нибудь на выходные. Никто не отвечал. Чарли собиралась нажать на кнопку снова, когда послышалось потрескивание, а потом слишком усталый голос Лауры, едва узнаваемый, спросил:

– Кто там?

– Чарли, – ответила она.

Последовало молчание, а затем щелчок замка и жужжание механизма. Чарли толкнула стеклянную панель двери и, пройдя через фойе, нажала кнопку лифта.

Двери лифта открылись немедленно, с резким металлическим звуком, эхом разнесшимся в тишине. Бряцая у каждого этажа, лифт остановился на седьмом. Чарли подошла к двери Лауры и негромко постучала.

Задребезжала предохранительная цепочка, и дверь открылась. В мягкой ночной рубашке, с растрепанными волосами стояла Лаура. Кожа у нее была серой, цвета овсяной каши.

– Мне надо поговорить с Томом, – сказала Чарли.

– Его здесь нет, – ответила Лаура.

Чарли с недоверием посмотрела на нее.

– Хочешь войти?

Лаура закрыла за ними дверь, и они прошли в кухню. Чарли глянула вдоль коридора на открытую дверь спальни в поисках какого-нибудь движения или звука. Не прячется ли где-нибудь Том?

– Кофе?

Чарли кивнула. Лаура включила чайник.

– Его здесь нет, я тебя уверяю.

Зашипел чайник. Чарли устало села за кухонный стол. Лаура уселась напротив нее, и в течение некоторого времени они в молчании таращились друг на друга.

– Мне надо поговорить с ним, – повторила Чарли.

– Я не знаю, где он.

– Я думала… – Чарли покрутила свое обручальное кольцо. – Я думала, что ты…

Лаура вытерла руками лицо.

– Господи, – сказала она. – Я себя ужасно чувствую. – Вода закипела, и чайник выключился сам. – Что за напасть такая…

Чарли внимательно наблюдала за ней, и сквозь ее страх и усталость теперь поднимался гнев. Разлив кофе, Лаура достала из холодильника бутылку с молоком. Чарли оглядела кухню, надеясь обнаружить хоть какие-то признаки присутствия Тома – авторучку, галстук или еще что-нибудь.

– Не знаю я, что ты там думала, – сказала Лаура, передавая Чарли чашку и садясь обратно.

Чарли промолчала. Уставившись в свою чашку, Лаура продолжала:

– Извини меня. Я вовсе не хотела этого, как, наверное, не хотел никто из нас. Не знаю, как все объяснить. – Она положила палец на край чашки. – Я была так несчастна в последнее время… последние несколько месяцев… Все было так чертовски дерьмово. Боб вел себя мерзко, да и в магазинчике дела шли плохо. – Она фыркнула. – Я выставила себя настоящей дурой. Как и Том. – Она пожала плечами. – Это не ахти какое оправдание.

– Где Том? – Чарли пристально посмотрела в чашку, но ей не хотелось пить.

– Не знаю. Мы провели вместе две ночи… в среду и в четверг… после того, как он… ушел от тебя. – Улыбка, похожая на судорогу, пересекла ее лицо. – Это было совершенно ужасно. Мне жаль. В самом деле, мне жаль.

Чарли встала. Слишком многое проносилось в ее сознании, чтобы справиться с этим. Она заметила, что Лаура смотрит на ее шею, и

отвернулась, разглядывая почтовую открытку с видом Танжера, прижатую магнитиком к дверце холодильника. Она не хотела, чтобы Лаура думала, что она не в состоянии справиться, что она способна попытаться… повеситься?!

Занятая собственными мыслями, она не могла придумать, что бы еще сказать. Ей не хотелось сейчас никакой ссоры, не хотелось и выслушивать исповедей. Она испытывала чувство облегчения, что не нашла здесь Тома. Не говоря уже о том, что она была в оцепенении.

– Я лучше пойду, – сказала она и пошла по коридору.

Лаура проводила ее до дверей и положила руку на плечо.

– Мне жаль, Чарли. Мне правда жаль, – повторила она.

Около частной лечебницы Чарли остановилась и выпустила Бена из машины. Под темно-красными прожилками пробивающегося рассвета они прошли в парк на противоположной стороне улицы.

Бен жизнерадостно носился вокруг, а она села на влажную от росы скамью, закрыла глаза и крепко обняла себя руками. Воздух был мягким, но она ощущала пронизывающий холод, который никак не уходил. Ее голова поникла, и она немного подремала, пока Бен не разбудил ее, тыкаясь в руки своим влажным носом.

Ее белые комнатные туфли насквозь промокли от росы. Чарли погладила Бена, завалилась на бок и расслабилась. Кто-то прошел с собакой, но Чарли держала глаза закрытыми, стараясь отдохнуть, посмаковать дремоту, стиравшую в ней на время страх и боль.

В половине восьмого она встала, пристегнув Бену поводок, посадила его обратно в «ситроен» и перешла через дорогу к частной лечебнице. Ночная сиделка удивилась, увидев ее, Чарли ответила слабой улыбкой, понимая, что выглядит не очень хорошо, а потом с некоторым усилием поднялась по лестнице. В тихой и темной палате ее матери занавески на окнах все еще были задернуты.

Осторожно закрыв дверь, она постояла, прислушалась к спокойному дыханию, такому спокойному, что оно звучало как шуршание трубы кондиционера. Чарли хотелось, чтобы эта постель была побольше, и тогда она тоже прилегла бы на нее и поуютнее прижалась к старухе, как делала это девочкой, когда боялась темноты, то и дело приходя в комнату матери и засыпая в ее объятиях. В безопасности.

Чарли села в кресло рядом с постелью, вдыхая знакомые запахи свежевыстиранного белья и застоявшейся мочи. В безопасности. Она уснула.

Что-то зазвенело, может быть, где-то упал поднос. Медленно пробуждаясь, Чарли озиралась, сбитая с толку. Шея ее безумно болела, как и спина, настолько закостеневшая, что Чарли едва могла двигаться.

Черт возьми! Плита. Она забыла засыпать в плиту кокс. Теперь плита остынет, и Чарли придется заново разжигать ее, а эта дрянь так плохо разгорается.

Сиделка, поставив поднос с завтраком на столик рядом с кроватью, усаживала ее мать.

– Рановато вы пришли, – сказала она бодро. – Скучаете по маме?

Чарли кивнула.

– Моя мама лежала в одной богадельне. Иногда я спала с ней в комнате. – Сиделка улыбнулась. – Никогда ведь не подумаешь, что отпущенное время почти вышло, пока не наступает… Не хотите перекусить? Могу принести для вас немного каши и яйца.

– Сок, – сказала Чарли. – Было бы замечательно.

Сиделка держала стакан с апельсиновым соком, пока мать пила крошечными глотками.

– Приятно завтракать в компании, не так ли, миссис Бутс?

Мать невидяще смотрела перед собой.

Когда сиделка вышла, Чарли прошла в небольшую ванную и посмотрела в зеркало. Бог мой! Настоящее привидение. Косметика поблекла, желтые глаза налились кровью. На шее были красные отметины и ободок синих кровоподтеков. Она все еще надеялась, что все-таки это был безумный сон. Что вот она проснется поутру, и тот халатик снова окажется в хозяйственной сумке, и все будет замечательно, и вокруг ее шеи не окажется никаких отметин.

Она умылась холодной водой, легкими касаниями полотенца вытерла лицо и подняла воротник блузки. Элмвуд. Сбежала из дома. Сбежала из-за… сумасшествия? Все это из-за сумасшествия?

Бедняжка, разумеется, она не могла справиться с тем, что муженек бросил ее, спихнул ее за борт.

Должно быть, ужасно ей досталось – это ж надо, повеситься в собственной комнате таким вот манером.

Эти голоса звучали в ее голове, как обрывки разговоров в автобусе.

Выйдя из ванной, Чарли поцеловала мать, погладила ее мягкие седые волосы, поправила выбившиеся пряди.

– Поговори, мама, поговори со мной. Давай поговорим сегодня, поболтаем. Сегодня же воскресенье. Помнишь, как мы, бывало, ездили за

город по воскресеньям?

Сиделка принесла поднос.

– Я прихватила немного каши и гренок – на тот случай, если вы голодны.

Поблагодарив, Чарли поела немного и почувствовала себя чуточку лучше. Потом выпила свой сок, снова села рядом с матерью и взяла ее руку.

– Кто я такая, мама?

Не было даже малейшего намека на ответ.

– Кто же я?

С улицы донесся лай, потом еще. Должно быть, Бен в машине. Ей придется скоро выпустить его.

– Кто мои настоящие родители?

Молчание. И снова заунывный лай.

– Что ты тогда имела в виду? *Смертельная ложь! Правда. Возвращайся?* Ты хотела сказать, что раньше не говорила мне настоящей правды?

Старуха шевельнулась и села чуть-чуть прямее. Ее веки замигали, глаза расширились. Открыв рот, она уставилась на Чарли, но тут же опять стала смотреть перед собой. Рот ее закрылся, и челюсть ослабла так, как бывает, когда люди заканчивают говорить. Она опустилась на подушку, словно была измождена этим усилием.

Чарли хотелось знать, что происходит в голове у матери. Уж не считает ли мама в своем сумеречном состоянии, что она и в самом деле ей ответила?

– Я не расслышала, что ты сказала, мамочка. Не могла бы ты повторить?

Но старуха была неподвижна, глаза ее опять стали часто мигать, будто внутри нее заработал прежний механизм.

29

– Я не записана на прием, – сказала Чарли. – Нет ли хоть какой-нибудь возможности попасть к доктору Россу?

– Я уверена, миссис Уитни, что доктор Росс сможет найти для вас время.

Эта секретарша в приемной – хорошо сохранившаяся блондинка лет сорока с небольшим – всегда напоминала Чарли о персонаже из киноэпопеи о Джеймсе Бонде, мисс Манипенни. Она покачала своими волнистыми волосами и одарила Чарли сердечной улыбкой.

– Он не заставит вас слишком долго ждать.

Через темную приемную Чарли прошла в комнату ожидания, еще хранящую следы былой роскоши. Какая-то мамаша сидела с маленьким мальчиком у самой двери. Все те годы, которые Тони Росс был ее врачом, комната ни разу не отделывалась заново. Гипсовые лепные украшения крошились и трескались, уродливая хрустальная люстра свешивалась над обеденным столом из красного дерева, заваленным журналами, а стены, по которым не мешало бы пройтись краской, были беспорядочно заставлены самыми разными стульями. Опущенные скользящие окна позади несвежих кружевных занавесок пропускали в помещение дым и грохочущий рев уличного движения с Рэдклиф-роуд.

– Нет!

– О, пожалуйста!

Мальчик молотил кулаком по груди матери, и та шикала на него, бросая в сторону Чарли смущенные взгляды.

– Нет!

– Ах ты Билли, мой дружок, с длинной штукой между ног…

– Фи, как грубо!

Мальчишка захихикал и посмотрел через всю комнату на Чарли, ища одобрения. Но она не обращала на него внимания, вся уйдя в свои мысли, ставшие для нее чем-то вроде кокона. Она чувствовала себя оборванкой, все еще одетая в то, что натянула ранним воскресным утром. Дома она не была. Джинсы, так и липнувшие к ее ногам, казались тяжелыми и колючими.

Чарли оставалась в частной лечебнице все воскресенье, слишком истощенная, чтобы ехать обратно домой, оказаться лицом к лицу с его пустотой, со своим больным сознанием.

Или встретить что-то в доме.

Ей следовало поехать обратно, надо было проявить волю именно сейчас, если уж она хотела, чтобы Том вернулся. Ну не ушел же он из-за того, что они занимались любовью лишь раз в месяц. Возможно, это было одной из причин, но были и другие, столь же важные. Главной из них была та, что, по его мнению, она сходила с ума.

Возвращения в прошлое раздражали его, как и все эти постоянно меняющиеся курсы лечения от бесплодия. Увиденный же ею призрак мужа Виолы Леттерс вовсе вывел его из себя. Эти конюшни. Этот автомобиль в амбаре. Медальон. Ее возрастающее умственное расстройство в некотором роде способствовало, по его мнению, тому, что она ошпарила пса Виолы Леттерс до смерти.

А если уж она съедет из дома сейчас и не станет присматривать за рабочими, то это станет для него последней каплей. *Извини, Том, пришлось съехать и поселиться в гостинице, потому что какое-то привидение в доме пыталось повесить меня*.

Она должна вернуться, остаться там и держаться молодцом. Она должна показать свою силу себе, равно как и Тому.

Секретарша пригласила мальчишку с матерью. Служащие частной лечебницы хорошо отнеслись к Бену и позволили ему войти. Сиделка принесла ему миску с водой, а попозже еще и немного печенья и консервную банку с собачьим кормом.

А вечером ночная сиделка принесла в палату раскладушку. Было странно спать в палате, слыша спокойное дыхание матери. Чарли как бы снова ощутила себя девочкой.

Весь вчерашний день и минувшую ночь она решала, правду ли ей сказала Лаура. Если Том и Лаура не были вместе, то в каком-то смысле Чарли легче принять его уход. Она радовалась, что его не оказалось в квартире Лауры, радовалась задним числом. Это было глупо. Желать казаться сильной, продемонстрировать, что он ей безразличен, – и потом появиться вдруг посреди ночи у его порога! Да, она будет сильной, как бы тяжело это ни оказалось. Она ненавидела Лауру едва ли не сильнее, чем Тома.

В коридоре Тони Росс прощался с мальчишкой и его матерью. Мягкий заботливый голос Тони был пронизан искренним интересом и воодушевлением: он прилагал все усилия, чтобы каждый его пациент чувствовал себя неповторимой личностью.

– Чарли! Счастлив видеть тебя! Давай, заходи!

На нем был серый костюм в клеточку, достойный принца Уэльского,

галстук с перекрещивающимися теннисными ракетками, а на ногах – кроссовки фирмы «Адидас». Серо-голубые глаза посверкивали на тощем лице, а рот почти беспрерывно улыбался. Серые с проседью волосы, остриженные аккуратно и коротко с боков, переходили в лысину на макушке, прикрытую слабым пушком. Он прямо-таки излучал уверенность, энергию и дружелюбие.

– Ну, как ты? – Он крепко пожал ее руку и подержал некоторое время. – Рад видеть тебя! Честное слово! Как Том?

– Отлично. – Она сглотнула.

– Я рад!

Чарли прошла за ним в крохотный кабинет.

– Спасибо, что принял меня.

– Извини, что тебе пришлось немного подождать. Я получил вашу записку. Сельская жизнь, да? Везет же вам.

– Мы все же хотим, чтобы ты остался нашим врачом.

– Разумеется, я был бы счастлив… Хотя вам следует зарегистрироваться у кого-то из местных на всякий случай. Выходит, Том у нас теперь землевладелец, а ты землевладелица?

Она пожала плечами:

– Нормально.

– Всего лишь нормально! – Его лоб наморщился, бровь приподнялась. – А в чем проблема?

– В нескольких вещах. – Она посмотрела себе под ноги. – Например, в том, что я постоянно чувствую запахи – либо очень сильный запах духов, словно кто-то надушенный ими входит в комнату, либо запах горелого, самый настоящий, кошмарный запах горелого. – Она нахмурилась. – Я где-то читала, что если чувствуешь запах горелого, то это симптом мозговой опухоли.

Его глаза изучали ее.

– Ты ощущаешь запахи в конкретных ситуациях?

– По-разному.

– А голова у тебя не кружится? Зрение не затуманивается? Головная боль?

– Головная боль.

– Резкая или тупая?

– Тупая. Голова как бы раскалывается.

Он достал из нагрудного кармана серебряную авторучку и нацарапал что-то на каталожной карточке.

– Что еще?

– Такое ощущение, как будто мой термостат разладился. В какой-то момент я замерзаю до костей, а в следующее мгновение – кипящая жара. И кажется, это не имеет отношения к тому, какая на самом деле температура.

Он сделал еще одну пометку.

– Меня очень часто тошнит.

– Что-нибудь еще?

– Порой бывают странные ощущения дежавю.

– То есть ты думаешь, что уже была где-то раньше?

– Да.

Он заметил отметины на ее шее и чуть-чуть наклонился вперед, рассматривая их.

– Это очень странно. А еще я хожу во сне.

– Диету ты не меняла?

– В общем нет.

– А тебе не хочется какой-нибудь еды, непохожей на обычную?

Тот сырой бифштекс, от которого она откусила кусочек. *Китайская коробочка. Ну как же, Тони, конечно, да. Мне хотелось закопать жестянку, полную червей, и откопать ее недельки этак через две, чтобы обнаружить там одного здоровенного червяка. Восхитительного на вкус!*

– Особенного – нет. Разве что пью иногда чуть побольше чая и кофе.

Серебряная авторучка Тони сверкнула, когда он сделал еще одну пометку. По стенам поплясывал крошечный белый шарик отраженного солнечного света.

– Как часто ты прогуливалась во сне?

– Я не уверена точно. Думаю, раза три.

– И ты просыпаешься?

– Нет.

– А Тома это не будит?

Она поколебалась.

– Нет.

Он помолчал.

– А это не твое воображение?

– Нет. Определенно нет.

– Как ты спишь в других случаях?

– Плохо.

– Ты чувствуешь себя усталой, просыпаясь по утрам?

Она кивнула.

– Испуганной?

– Да.

– Днем ты тоже чувствуешь себя испуганной?

– Да.

– Как насчет желудка? Все нормально?

– Все в порядке.

– А не мочишься хоть немного больше обычного?

Она пожала плечами:

– Точно не уверена.

– Какой у тебя вес?

– Прибавила немного с тех пор, как мы переехали. Я не ходила на тренировки и совсем не каталась на велосипеде.

Он ободряюще улыбнулся:

– А как у тебя с менструациями?

– Все так же.

– Такие же беспорядочные?

– Да.

– Когда была последняя?

Чарли попыталась припомнить.

– Около месяца назад.

– Не принимала ли ты таблеток, чтобы упорядочить менструацию?

– Мой иглоукалыватель хотел, чтобы я прекратила это.

– Ты ходишь на иглоукалывание?

– Да. – Она покраснела.

Росс улыбнулся:

– А почему бы и нет, Чарли? Попробуй все. Я слышал хорошие отзывы об иглоукалывании. – Он мельком просмотрел свои записи. – Сколько менструаций было за последние полгода?

– Точно не уверена. Две… а может, и три.

– Вы с Томом до сих пор пытаетесь завести детей?

Том. Том. Одно упоминание этого имени обжигало, как ядовитый укус.

– Да.

– А ты не собираешься снова попробовать имплантацию из пробирки?

– Не знаю. Не думаю, что я смогла бы перенести мысль об еще одной внематочной беременности.

– Тебе просто не повезло, Чарли. Шансы на вторую внематочную беременность очень малы.

– Но у меня осталась только одна труба.

– Еще есть время, и тебе не следует очертя голову принимать решение.

Он отложил авторучку и закатал рукава над волосатыми запястьями.

– За последние несколько лет тебе пришлось через многое пройти,

ведь так? – спросил он.

Почувствовав желание расплакаться, Чарли изо всех сил сдерживала слезы. Она посмотрела в окно на маленький садик, на лужайку с грядкой роз под высокой кирпичной стеной и на пожарный выход из здания. В помещении было тихо, и Чарли почти не слышала шума уличного движения.

Росс снова смотрел на ее шею. Расскажи ему! Расскажи ему!

Том, это Тони Росс говорит. Думаю, тебе следует знать, что Чарли свихнулась, пытаясь повеситься.

– Переезд из дома в дом – очень большая травма, Чарли. Вероятно, все твои симптомы можно просто отнести на счет стресса, но мне бы хотелось провести несколько тестов. Я возьму у тебя анализы крови и мочи, а еще, думаю, имело бы смысл повидать психоневролога и сделать электроэнцефалограмму… просканировать твой мозг.

– Тони, – сказала она, – я могу у тебя спросить кое-что?

– Разумеется, конечно.

Она покраснела.

– У тебя хоть когда-нибудь были пациенты, которые… которые считали, что они воплощены в жизни заново?

– Да, их было несколько за долгие годы, – сказал он, кладя авторучку в карман. – Сейчас у меня есть женщина… слегка чокнутая, с болями в спине без видимой причины. Так она убеждена, что это, мол, потому, что в какой-то предыдущей жизни она попала в аварию на дилижансе.

– И ты веришь ей?

– Я доктор медицины, Чарли, а не парапсихолог. Думаю, это чушь собачья. А почему ты спрашиваешь?

– Я… да просто любопытно. Как ты считаешь, есть что-то, что могло бы объяснить с медицинской точки зрения… все вещи, которые со мной происходят?

– Безусловно, и это куда более убедительно, чем какая-то предыдущая жизнь. – Он самонадеянно улыбнулся. – Никакая это не опухоль мозга, об этом тебе не стоит беспокоиться, но есть одна возможность, которую мне хотелось бы исключить. Ты не знаешь, не было ли в твоей семье случаев эпилепсии?

– Эпилепсии? Нет, не знаю.

– Разумеется, нет, бедняжка. Эти проклятые законы об усыновлении так глупы. Существует так много наследственных вещей, которые очень полезно знать.

– Эпилепсия, – повторила она.

– Поверь мне, Чарли, у тебя нет никаких серьезных причин для беспокойства.

– А разве эпилепсия – это не серьезно?

– Только не в наши дни. Я не хочу тревожить тебя, Чарли. Все симптомы соответствуют стрессу, и это наиболее вероятная причина, но я обязан исключить другие. Ты всегда страдала от стрессов, а переезд просто обязан был добавить еще один. Думаю, что с тобой происходит именно это, но некоторые из симптомов соответствуют легкой форме эпилепсии, временной и ограниченной эпилепсии. Температурные изменения тела, галлюцинации чувств, обонятельные иллюзии, то есть запахи духов и горелого, потом, дежавю, ощущение страха, подавленность, хождение во сне… Эпилептики со временной и ограниченной формой часто совершают какие-то действия бессознательно – либо ходят во сне, либо, когда просыпаются, делают что-то, не осознавая.

Возбужденная речью Росса, Чарли смотрела на него в упор.

– Делают вещи, не осознавая их?

– Мы все время что-то делаем, не осознавая. Разве тебе никогда не приходилось ехать по какому-нибудь шоссе и вдруг обнаружить, что ты прокатила миль десять-пятнадцать, ни в малейшей степени не заметив этого?

Чарли смахнула со лба несколько выбившихся прядей волос.

– А можно сделать что-нибудь вредное для себя, также не осознавая этого?

Уголки его глаз наморщились, и он покачал головой.

– В человеческом теле есть сильное чувство самосохранения. И если бродящие во сне лунатики подходят к какой-либо опасности, они обычно просыпаются.

– Но не всегда?

– Ну конечно, есть загадочные случаи падения с лестниц или с балконов. Нет никакой гарантии, что люди сами не хотели причинить себе вред. Но такое происходит не часто.

– А ты никогда не слышал о… – Чарли поколебалась, – о том, что кто-то пытался убить себя во сне?

Их взгляды встретились, и его серо-голубые глаза показались ей такими кристально чистыми, словно он вытаскивал их наружу и отполировывал.

– Нет, – ответил он.

– Как ты считаешь, возможно ли такое?

– Я считаю, что нет. – Он уже открыто посмотрел на ее шею. – А

почему ты спрашиваешь об этом?

– Да без всякой причины. Просто любопытно.

Он встал.

– Давай-ка сходим в смотровую комнату и поработаем с тестами. – Он вышел из-за письменного стола и положил руку ей на плечо. – Что-нибудь случилось, Чарли? У тебя на шее скверные отметины.

– О… – Она пожала плечами. – Это я стукнулась… о багажник машины… Распаковывала кое-какое барахло, а крышка сорвалась – и…

Он мягко стиснул ее плечо.

– Ведь ты бы рассказала мне, если бы что-нибудь было не так, правда?

Чарли кивнула, не в состоянии посмотреть ему в лицо, не в состоянии говорить, боясь разразиться слезами. Ощущая его взгляд на своей шее, она чувствовала себя так, будто он исследовал отметины своими пальцами.

30

Следуя за Эрнестом Джиббоном наверх, Чарли едва волочила ноги по скрипучим ступенькам, пахнувшим вареной капустой и душистым освежителем воздуха. Она смотрела на знакомые стены с пейзажами Швейцарии, пока он приостановился, переводя дух, на площадке второго этажа.

Кожа лица его сегодня была особенно дряблой, а глаза за толстыми стеклами очков глубже погрузились в глазницы. Он дышал короткими одышливыми глотками, словно проколотый мячик. Подойдя к комнате матери, он легонько постучал в дверь.

– У меня тут пациент, мама. Я там оставил обед и запер входную дверь.

Они прошли дальше наверх, и Чарли легла на кушетку в мансарде. Над ней возвышался микрофон.

– Спасибо, что приняли меня так быстро, – сказала она.

Он опустился в кресло и, наклонившись, осмотрел записывающую аппаратуру. Потом записал для пробы голос Чарли и тут же его прослушал.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Неважно.

– Вы не ощущаете себя готовой пройти через это… до самого конца?

– Мне это необходимо.

– Да. Это уж точно. – Он посмотрел на нее так, как будто знал, что произошло. – Вам придется проявить силу. Раньше, когда вы начинали кричать, я всегда вытаскивал вас оттуда. На этот раз я не стану этого делать. Вас это устраивает?

Она куснула кожу над ногтем и почувствовала в горле какой-то ком.

Джиббон выключил верхний свет.

Остановившись, разгоряченная, уставшая и испытывающая жажду после долгого путешествия, она прислонилась к кирпичным перилам ревущей запруды и посмотрела вниз, на дом в ложбине, в сотне ярдов от нее. Дом женщины, которая разрушила ее жизнь.

Отерев пот с бровей, она наслаждалась прохладными снопами брызг, поднимавшимися от запруды. Одновременно затуманенным слезами взглядом рыскала по поместью в поисках признаков жизни. Она смотрела на водяную мельницу, которой не пользовались, на конюшни, искоса

взглянула на амбар с безмолвной, пустой собачьей конурой снаружи и с медным кольцом около нее.

Черный спортивный автомобиль стоял на подъездной дорожке. Хорошо. Значит, он здесь. Где-то рядом. Она скользнула рукой в сумочку и потрогала холодное стальное лезвие ножа.

Поговорить. Просто хочу поговорить. Только и всего.

Она снова пристально посмотрела на дом, ища движения в разделенных перегородками окнах, какие-нибудь лица, хоть шевеление занавески…

– *Вы узнаете место, где находитесь?* – услышала она чей-то ровный отдаленный голос.

Лучи садящегося прямо позади дома солнца жалили ее глаза, мешая смотреть, отбрасывая в ее сторону длинные черные тени вверх по берегу.

– *Вы в том же самом месте, что и раньше?* – Голос был слабым, вроде отдаленного эха.

Рассеянно размышляя, откуда он исходит, она медленно проходила через столбы ворот, вступая на хрустящий гравий дорожки. Ребенок внутри нее больно колотился ножками, ощущая ее страх, будто пытался предостеречь ее, просил не ходить дальше… Она прижала руку к своему большому животу и легонько пошлепала его.

– Все хорошо, – сказала она. – Поговорить. Просто хочу поговорить. Только и всего.

Она остановилась у нижней ступеньки, ведущей к парадной двери, и тыльной стороной ладони вытерла со лба пот. Отсюда дом казался куда больше, куда непристойнее. Поочередно она осмотрела каждое из маленьких темных окон, пытаясь уловить какой-нибудь звук в недвижном воздухе теплого вечера, который не был бы ее собственным натужным дыханием или ревом воды.

Она кинула взгляд через мельничный лоток на конюшне и дальше – на амбар, на мельницу, снова на автомобиль. Взлетел ввысь дрозд с извивающимся в клюве червяком. Послышался отдаленный хлопок выстрела дробовика, потом еще один, блеяние овцы и лай собаки.

Поднявшись по ступенькам до входной двери, она приостановилась, нервно разглядывая сверкающую львиную голову на дверном кольце, которая угрожающе и свирепо смотрела на нее. Толчком она распахнула слегка приоткрытую дверь, всматриваясь в прихожую.

Ничто не говорило о чьем-либо присутствии. Поколебавшись, она вошла в дом. Из зеркала на стене, украшенного блестками, ее затененное отражение отвечало пристальным взглядом сквозь мрак. Впереди

поднималась лестница, рядом с ней шел коридор с дверями по обе стороны. Запах полированной мебели и крепких мускусных духов создавал в доме неприятную атмосферу женственности и элегантности.

Сверху донесся крик, и она замерла. Добрую минуту стояла она в молчании, но так ничего и не услышала, кроме тиканья часов и собственного натужного дыхания. Слева от себя она подняла железную рукоятку дверной защелки.

Комната оказалась пустой. Рассеянные лучи уходящего солнечного света сквозь высокие застекленные окна-двери омывали интерьер мягкого персикового цвета. Здесь было так роскошно, так прекрасно, что это едва не заставило ее повернуться и выбежать вон. Великолепная мебель в грациозном довоенном стиле модерн, картины на стенах, изображавшие главным образом элегантных женщин в роскошных одеждах, – чужой и недоступный для нее мир.

Над пустым камином, на полке угрожающе ухмылялся бронзовый бюст какого-то придворного шута, будто подстрекая ее повернуться к дивану и посмотреть на вмятины в округлых диванных подушках. Казалось, что шут смеется над ней.

Потом она заметила блокнот на письменном столе с записью, сделанной крупным небрежным почерком черными чернилами:

«Гектор и Дафна, коктейли 20-го авг.?»

Ну и корова! Собирается на вечеринку, а ей приходится… Почерк был знакомым. Она видела его раньше.

– *Это женский почерк?* – спросил все тот же отдаленный голос. – *Вы можете прочесть мне, что там написано?*

Она прошла через холл, по темному коридору, в кухню с красивым коричневым линолеумом на полу, ярко-желтыми стенами и с газовой плитой, выложенной кафелем. На столе лежали грязные тарелки, грязные блюда побольше были свалены в кучу вокруг раковины.

Неряха, подумала она, бредя обратно по коридору. Неубранные остатки трапезы на двоих покрывали большой обеденный стол в столовой. На буфете стояла наполовину опустошенная бутылка красного вина, снова закупоренная, а на столе – две рюмки, обе с остатками вина. В комнате пахло дымом от сигар. От его сигар.

Взобравшись по крутой лестнице, она остановилась, задыхаясь от напряжения и страха. В доме было тихо. Она осмотрела темную лестничную площадку, повернула направо и вошла в дальнюю комнату.

Там на подиумах стояли два портняжных манекена – один обнаженный, со словом «Стокман», выписанным по трафарету на его груди, а другой – частично одетый в блестящую бирюзовую тафту, пришпиленную к нему булавками. Два других простеньких манекена, обычные для витрин магазинов, были обнажены, а еще два таких же одеты в сногсшибательные вечерние туалеты: один – в свободном, без пояса, платье с блестками и в черных перчатках, а другой – в платье из мерцающего черно-муарового шелка. Никогда не видевшая ничего подобного, кроме как в магазинной витрине на одной фешенебельной лондонской улице, она была ошеломлена непривычной элегантностью платьев.

Ее сердце упало. Лондон. Это название уже само по себе нагоняло чувство уныния. Лондон, в котором она жила, в том покрытом грязной сажей здании. Лондон. Жила там как узница.

Она прошла по коридору, миновала второй пролет лестницы и помедлила, колеблясь, перед закрытой дверью. Медленно открыв ее, увидела спальню с гигантской низкой кроватью. Простыни на ней были взбиты дыбом. Сильно пахло мускусными духами, застоявшимся сигаретным дымом и душистым мылом. На тумбочке у кровати стоял черный блестящий телефон, а рядом с ним – пепельница, полная окурков, перепачканных губной помадой.

Неряха.

Она открыла двери огромного кленового гардероба, где висели шикарные платья, верхняя одежда и меха. Пышно, ничего не скажешь. Истинное великолепие. Невозможно представить, как все это можно купить.

У туалетного столика она заглянула в зеркало, пристыженная собственной неэлегантностью, толстой кожей, спутанными волосами, своим дешевеньким миткалевым платьем для беременных.

На столике стояла бутылочка из толстого хрусталя с духами. Она коснулась ее, пробежала пальцами по контурам стекла, приподняла бутылочку, ощущая ее вес, вытащила пробку, налила немного духов на оба запястья и растерла их. Духи больно обожгли палец, и она заметила тонкую царапину. Должно быть, порезала его о тот нож, подумала она, но не обратила особого внимания, так как боль утихла. Легкими касаниями она надушила шею за ушами и дотронулась до груди. Запах окутал ее. Она вытряхнула из бутылочки еще духов, потом еще, потерла ими лицо, побрызгала одежду, волосы, трясла и трясла, пока бутылочка не опустела.

Она отнесла бутылочку в пристроенную к спальне ванную и постояла

там. Тишина. Затем вынула зубные щетки из стакана на умывальнике, приспустила панталончики и помочилась в этот стакан. Осторожно держа бутылочку из-под духов над раковиной, она наполнила ее содержимым стакана, снова заткнула ее, обтерла фланелевым полотенцем для лица и поставила обратно, на туалетный столик.

Теперь она чувствовала себя получше, посильнее.

Когда она спускалась вниз, снаружи радостно заржала лошадь. Поспешив к входной двери, она выглянула наружу. Две все еще оседланные лошади были привязаны около конюшен. Ее сердце заколотилось. Их не было там, когда она пришла. Одна из лошадей заржала снова – Джемма.

Она пробежала по подъездной дорожке, по траве, пересекла украшенный резьбой деревянный мостик над мельничным лотком и побежала вверх по склону, к конюшням.

Теперь оттуда послышался новый звук, перекрывающий рев воды: наполовину крик, наполовину стон, вылетавший из конюшен. Вот еще один стон, а потом женский голос пронзительно завопил:

– О да! Твой кинжал! Дай мне твой кинжал!

Она остановилась. Солнце опустилось ниже, тень повисла над ложбиной. По ее телу разливался холод, а вместе с ним возникло и ощущение тошноты под ложечкой.

– Еще! Еще! О господи, еще!

Несколько секунд она стояла как в параличе, не в силах пошевелиться. Потом побежала.

– О бог мой, еще! Твой кинжал! Твой великолепный кинжал! Ну, еще! Еще! Еще же! Ох! Ох!

Она добежала до двери и потянула ее на себя.

– Пронзи меня! Пронзи меня! Про-о-онзи меня…

Голос женщины дошел до визга, эхом отдаваясь от соломы, отвлекая от запаха лошадей, бензина, мускусных духов. Она зашла внутрь, в душное помещение, набитое газонокосилками, канистрами военного образца, жестянками поменьше с бензином и керосином, мешками с конским кормом, стогом сена, принадлежностями для верховой езды, висящими на крючках на кирпичной стене, и штабелем бревен вместе с топором и пилой, прислоненными к стене рядом с дровами.

Через дверной проем впереди, ведущий в темные стойла, она смогла разглядеть то, что поначалу приняла за два бревна, но, когда глаза пообвыкли, сообразила, что это мужские ноги, высовывавшиеся из стойла. Его брюки и трусы были спущены на лодыжки, туфли с носками оставались на ногах.

– Ох! ох, ох, как сладко!

Почувствовав, как что-то сочится из нее, она начала дрожать мелкой дрожью от ярости, все сильнее и быстрее, пока все вокруг не превратилось в расплывшееся пятно. Она открыла застежку сумочки и провела пальцами вдоль лезвия ножа.

Нет! Она вытащила руку и закрыла сумочку. Поговорить. Просто хочу поговорить. Только и всего.

– О, твой кинжал! Ох! Ну, глубже! Проткни меня еще!

Она прошла через дверной проем, миновав первое пустое стойло. Отсюда они оба были отчетливо видны ей: обнаженные волосатые ноги Дика и ягодицы; его рубашка, наполовину задранная на спину; согнутые в коленях стройные белые женские ноги, поднятые по обе стороны от него. Вцепившись в его плечи, она безумно мотала головой, тряся черными волосами. Задница Дика работала, как насос, вперед-назад все быстрее и быстрее…

– Ох! Ох!

Она видела между его ног черный куст, красные губы, протискивавшееся в них древко. Посмотрев на лицо женщины, безжалостное и прекрасное, с закрытыми глазами, на волосы, отброшенные назад, она увидела, как глаза вдруг открылись и уставились на нее.

Казалось, время остановилось. Потом глаза вспыхнули злобой, испугавшей ее.

Дик тоже ощутил ее присутствие и повернулся. Волосы его были взъерошены, лицо же, потное от напряжения, постепенно становилось красновато-коричневым от ярости.

– Господи Иисусе! – закричал он. – Какого черта ты здесь делаешь? – Он поднялся на ноги. – А ну-ка, пошла вон отсюда, ты! Убирайся прочь, сучка! Корова! Корова уродливая! Ты меня слышала?

Пошатываясь, он двинулся к ней, не делая ни малейшей попытки натянуть брюки, и врезал ей оплеуху, потом другую.

– Нет! Пожалуйста… пожалуйста, мы же должны…

Он пихнул ее, отбросив через дверной проем, в складское помещение. Она упала на спину, и ее голова с размаху ударилась о что-то твердое.

– Ну давай-давай, вали отсюда, коровища! Выметайся немедленно, поняла? Убирайся! Оставь нас в покое!

Она пристально смотрела на него, ошеломленная.

– Поговорить, – выдавила она из себя, но звука не получалось. – Поговорить. Просто хочу поговорить. Только и всего. Мы же должны поговорить, посмотри же на меня, посмотри на мой живот, ведь уже восемь

месяцев, ну пожалуйста, ты же должен помочь. Пожалуйста…

Женщина вышла из стойла в одной расстегнутой шелковой блузке.

– Если ты когда-нибудь явишься сюда снова, – сказала она, – я засажу тебя в тюрьму.

Она оперлась рукой, чтобы встать, но что-то под ней просело. Она почувствовала боль и услышала клацанье вращающихся лезвий газонокосилки, а потом упала спиной на эту машину.

Женщина захохотала.

Поднявшись, она плюнула женщине в лицо, а затем во внезапном неистовстве набросилась на нее и принялась тузить. Вызывая обжигающую боль, женщина вцепилась в нее ногтями. Ее поволокли куда-то за волосы. Она вывернулась и, ухватив жестяной ящик, швырнула его. Когда ящик врезался в стену позади Дика, его крышка отскочила, и из него с бульканьем полился бензин.

– Ах ты, корова сумасшедшая!

Он закричал, ударил ее ногой по лодыжке, по бедру. Сжавшись в клубок, она закрыла руками живот, отчаянно пытаясь защитить своего младенца. Его нога врезалась в ее бедро, в плечо. Она отползла в сторону и каким-то образом сумела снова подняться на ноги, ухватив из-за спины попавшуюся под руки пилу. В бешенстве она замахнулась на него, и громадные зубцы впились в его шею, выбив струю крови и опрокидывая его на землю. С размаху она влепила пилу в лицо женщине и глубоко порезала ее щеку. Женщина с криком отлетела к стене.

Увидев поднимающегося Дика, она схватила топор, ударила им его в грудь, потом между ног, и он скрючился, вереща и схватившись за пах. Кровь хлестала из него, как из лопнувшей трубы. Она снова размахнулась топором, но врезала острием по электрической розетке на кирпичной стене за спиной Дика. С неистовым треском полетели во все стороны искры, послышалось какое-то «пух!», словно зажглась газовая плита, – и дорожка огня промчалась по полу прямо к сену, взорвавшемуся огненным шаром.

Упав спиной в этот шар, Дик завизжал и задергал ногами. Женщина попыталась было отползти в сторону, но огонь поймал ее шелковую блузку, зажег, и в одно мгновение на этом месте возникла сплошная завеса пламени.

Снаружи ржали лошади. Она побежала к двери. Джемма и другая лошадь вставали на дыбы, дергали за привязи, пытались высвободиться. Уворачиваясь от копыт, она отвязала лошадей. Поводья хлестнули по ее рукам, когда они пустились галопом к берегу. Позади нее стоял оглушительный шум. Спотыкаясь, она доковыляла по берегу к дому,

поднялась по ступенькам и вошла в парадную дверь.

Телефон.

Она побежала в гостиную, озираясь, но не могла найти ни одного аппарата.

Телефон. Был же он здесь, был где-то. Тут она вспомнила и поднялась по лестнице в спальню. Он стоял на тумбочке около кровати. Она схватила трубку и несколько раз постучала по рычажкам. Пожалуйста. Пожалуйста. Быстрее же. Ответь. О господи, ответь же!

За окном слышались рев и треск огня. Она снова похлопала по рычажкам. Ну пожалуйста. Очень надо.

В зеркале туалетного стола она заметила собственное отражение. Ее лицо было испещрено полосами крови и черными пятнами.

– Оператор слушает, – сказал женский голос.

– Пожар! Элмвуд-Милл. Пожар! Пожалуйста, приезжайте поскорее.

– Соединяю вас с пожарной бригадой.

Перед глазами у нее все расплывалось. Непонятная фигура показалась в двери за ее спиной, принеся с собой запах дыма, прогоревшего дерева, прогоревшей соломы. И обуглившейся плоти. Она видела глаза, только глаза, как бы недогоревшие, смотревшие из почерневшей кожи.

Послышался звон. Взорвалось паутинообразными трещинками зеркало. Большой зазубренный осколок упал к ее ногам.

Она закричала.

– *Оставайтесь с этим, Чарли,* – сказал чей-то голос, неясный, слабый. – *Попытайтесь остаться с этим.*

Она повернулась. Держа в руках, с которых капала кровь, винтовку, женщина тщетно пыталась открыть затвор. Обрывки ее сожженных волос напоминали щетину. Черное лицо покрылось пузырями, блузка прилипала тлеющими пятнами к почерневшей плоти. Завывание, подобное звуку сирены, вырывалось из ее рта.

Опустив телефонную трубку, она отступила. Раскачиваясь и едва удерживаясь на ногах, женщина делала отчаянные усилия. В открывшемся затворе звякнула пуля и с глухим стуком упала на пол.

Она шарила по туалетному столику за спиной, ища, чем себя защитить, сшибая на пол щетку для волос, опрокидывая ту бутылочку с «духами». Заметив у ног осколок стекла, она подняла его и бросилась вперед, налетая на винтовку и валясь с ног вместе с женщиной.

Пальцы женщины вдавились ей в глаза, на секунду ослепив. Женщина была сильнее, чем она предполагала, и казалось, она получала новую силу,

раздирая ее ногтями, плюясь, прижимая свое покрытое отвратительными пятнами, обгоревшее лицо к ее лицу, и она ощущала мерзкое зловоние, как если бы оно шло из легких женщины. А та уже взобралась на нее, придавливая к полу, выкручивая осколок из руки.

Отчаянно отбиваясь, она видела красные глаза, способные свести с ума, видела яркий блеск осколка в обуглившейся руке женщины. Вот он быстро проскользнул вниз, и она ощутила мучительную боль где-то глубоко у себя в паху.

– Ребенок! – закричала она. – Мой ребенок! Мой ребенок!

Снова вспышка. И этот яркий блеск.

– Не надо. Мой ребенок! *Мой ребенок!*

Обуглившаяся рука опустилась вниз. Боль была такой, как будто раскаленная докрасна кочерга расплавлялась, разливалась внутри ее живота, а теперь вот еще и извивалась там в разные стороны.

В черноте лица женщины появилась тоненькая полоска белого цвета.

Она улыбнулась.

И боль расплылась, а когда снова начала палить и жечь, она приподнялась и испустила такой вопль, который, как она успела подумать, должен был бы разорвать ее горло.

И тут она потеряла сознание.

31

В карете скорой помощи все тряслось и дребезжало. Оглушительный гул выхлопной трубы разносился по стальным стенам, мешая, вместе с просачивавшимся внутрь дымом, санитарам и полицейским, изо всех сил поддерживавшим в ней жизнь.

Бутылочки в металлических штативах бешено вибрировали, над ее головой раскачивался кожаный ремешок, каждый раз ударяясь о стойку с мягким чмоканьем, словно боксерская перчатка. Она скользила вперед, когда «скорая помощь» резко тормозила, потом ее бросало вверх, к борту, когда машина поворачивала, и покрышки завывали под ней, тоже испытывая, наверное, боль.

Четыре минуты. После того как умрет беременная женщина, у вас есть только четыре минуты, чтобы извлечь из нее младенца, прежде чем он тоже умрет. Именно об этом и думал санитар. Она понимала, что читает его мысли, и могла прочитать мысли всех, пока парила наверху, рядом с крышей кареты скорой помощи, поглядывая вниз, на свое тело, ну, в точности, как если бы наблюдала какую-нибудь пьеску с театрального балкона. Все, казалось, происходило далеко-далеко внизу, и тем не менее ей слышно было каждое слово, она чувствовала каждую мысль. Чувствовала все, кроме боли. Здесь, наверху, никакой боли не было, и это было хорошо.

Не возвращайте меня обратно, подумала она. Пожалуйста, не возвращайте меня обратно, в это вот тело. Спасите ребенка, но дайте уйти мне. Не хочу больше никакой боли. С шеи санитара, нащупывающего ее пульс, свешивался стетоскоп. Полицейский одной рукой держал прижатой к ее носу и рту кислородную маску, а другой прижимал толстый кусок бинта к ее паху. Поперек ее груди, вздувавшегося живота и верхней части правой ноги, на которой краснело пятно, лежали полоски марли. Из раны в ее боку сбегали на подстилку под ней ручейки крови.

– Становится слабее, – спокойно сказал санитар. – Она уходит от нас.

«И никакой боли, – подумала она. – Это было бы лучше всего».

Полицейский ослабил давление, теплая красная струйка брызнула на его рукав. В испуге он снова прижал руку.

Санитар прислушался к биению ее сердца и положил на рану еще один кусочек марли.

– Как случилось, что она так долго оставалась в доме? Ведь два часа назад мы приезжали за обгоревшей женщиной, – поинтересовался он.

– Да не сообразили, что кто-то еще мог быть в доме, пока я не обшарил его, – отозвался полицейский. – Обгоревшая женщина была в слишком тяжелом состоянии, чтобы много говорить… она лежала у основания лестницы.

Что-то сжало ее, и ее глаза на мгновение открылись, уставившись на полицейского бессмысленно и невидяще, словно глаза рыбы со сковородки.

Полицейский слабо улыбнулся:

– Все хорошо, дорогая, с вами непременно все будет хорошо.

– Да, она еще борется.

Еще одно сжатие, потом еще, гораздо свирепее, и внезапно между ее ног полилась вода. Автомобиль накренился.

– Ведро. Поставьте под нее ведро, – сказал санитар, не отрывая глаз от своих часов. Он наклонился вперед и просунул голову через переборку, отделяющую от них водителя.

– Схватки каждые три минуты, воды уже отходят.

– Я делаю все, что могу.

Санитар снова пощупал пульс, и волнение передалось ему, поскольку пульса не было. Ее глаза были закрыты, а лицо стало цвета мела. «Уходит, – подумал он. – Она уходит от нас». «Скорая помощь» замедлила ход и остановилась. Сквозь раскрывшиеся задние двери показалась уже дожидавшаяся их тележка на колесиках.

Она внимательно наблюдала, как они выдвигают ее тело, перекладывают на тележку, а сама так и оставалась над ними, плавая там, словно в теплом пруду. Тем временем они катили ее тело через двери в бледно-зеленую приемную больницы.

– Раны от ударов холодным оружием, – сказал главный врач. – Некоторые глубокие, с сильным внутренним кровотечением. Ей необходимо перелить как минимум литра три с половиной.

– У нас есть только литр группы 0 с отрицательным резусом, – сказала медсестра.

– И это все? – Он отошел от тележки, пересекая комнату в сопровождении медсестры. – Она не выдержит. В таком состоянии. Свяжитесь с Лондоном и добудьте немного крови. Ее могут привезти «скорая помощь» или полицейские. Введите этот литр немедленно и подсоедините ее к капельнице с пятипроцентным раствором декстрозы.

В открывшуюся дверь вбежал мужчина. Поверх его рубашки и теннисных шорт была накинута белая куртка. Он смотрел на ее бледное холодное тело широко открытыми глазами, пытаясь постичь сразу все. Он

осторожно приподнял окровавленный бинт, лежавший на ее паху, и кровь снова забила оттуда струей. Он кивнул сиделке, чтобы та подержала бинт, пока он исследовал влагалище.

– Утробный плод, – сказал он спокойно, словно читая запись из блокнота. – Ребенок преждевременный, крошечный. Утробный плод, то есть ребенок лежит вперед не головой, а задом, плотно сжатый ее тазом. Шейка матки расширена на четыре пальца. – Он приставил стетоскоп для плода к ее матке и прислушался. – Ребенок жив. Плацента сзади. Лезвие может и не пройти, но мы не можем рисковать. Мы проведем полную лапаротомию немедленно. Ей очень недостает крови… ей необходимо по меньшей мере три с половиной литра, прежде чем делать анестезию.

– Нет у нас крови, – сказал главный врач. – Всего литр. Пытаемся раздобыть еще немного.

– Тогда анестезия убьет ее.

– Значит, и ребенка тоже.

– Мы можем перекинуться словечком наедине?

Она внимательно наблюдала сверху, как профессиональный акушер и главный врач вышли в коридор и закрыли за собой дверь.

– Я не думаю, что мы будем в состоянии спасти их обоих, – сказал акушер.

– Что это означает?

– Мы должны принять решение. Выбирать между ними.

– Либо мать, либо ребенок?

– Да.

Главный врач покачал головой:

– В какой же момент?

– Немедленно. Если вы хотите, чтобы эта женщина осталась жива, нам придется ликвидировать ребенка.

– Мы не можем этого сделать!

– Если мы будем принимать роды, то у матери восемьдесят шансов из ста умереть. Вы хотите взять это на свою совесть?

– А вы чего хотите?

Их глаза встретились, и каждый понимал, о чем думает другой. Она, по всей вероятности, уже слишком далеко. Вот пускай себе и уходит. Дадим ей уйти и спасем ребенка. Но они знали, что у них нет полномочий принимать такое решение.

– Вызовите дежурного анестезиолога, – сказал акушер.

Сначала появился задик ребенка в пленке и в крови. Главный врач закрепил пуповину, а акушерка отсосала слизь у младенца изо рта.

– Выглядит здоровой и нормальной, – сказал акушер. – Кажется, потеря матерью крови на младенца не повлияла. Два поверхностных пореза от ударов холодным оружием надо будет зашить. – Он показал на глубокие порезы на левой стороне животика младенца и на его правом бедре, а потом посмотрел в огромный разрез в животе матери. – Еще зажимы. И тампон.

Она стала понимать, что кровотечение прекратилось и то, что было там, внутри, стало темно-синим. Ее тело затрепетало, а лицо меняло цвет, становясь из красновато-коричневого густо-багровым. Хирург посмотрел на анестезиолога, и тот пожал плечами. Багрянец стал блекнуть, превращаясь в синевато-серый цвет, и зрачки ее глаз сильно расширились.

Еще переливание крови. Нужен еще литр.

Но было поздно.

Люди, стоявшие над ней в зеленых халатах и масках, смотрели на уровень жидкости в стеклянной бутылочке, наблюдая, как он опускается в красные резиновые трубочки, ведущие к ее венам. Стрелка кровяного давления упала до мертвой точки и дважды колыхнулась. Впечатление было такое, будто люди в комнате могли ощущать, как из нее ускользает жизнь.

«Свобода, – подумала она. – Теперь свобода. И больше никакой боли». Темнота сомкнулась вокруг нее, мягкая теплая темнота, как в летний вечер. Все превратилось в длинный темный туннель с крошечными булавочками света в конце. Свет притягивал ее, становился все ярче, теплее, все золотистее, наполняя ее пылким ощущением радости и любви. Она вытянула руки, и теперь свет ослеплял ее, а она улыбалась и смеялась, как дитя. Но потом возникла тяга холодного воздуха, и она почувствовала, что скользит назад, почувствовала, как что-то тянет ее назад и вниз.

Нет. Пожалуйста. Дайте мне уйти.

Темный ледяной смерч, закружившись водоворотом, завертел ее волчком, с шумом поволок вниз, словно скоростной лифт. О, пожалуйста, нет! Она наливалась тяжестью. Свет над ней сморщивался в крошечную точку, а потом исчез.

Страх поднимался по ее телу, охватывая холодом, заключая ее в объятия, затуманивая сознание. В глаза начал просачиваться свет, грубый расплывчатый свет, холодный, враждебный, наполненный неясными зелеными очертаниями, странными звуками. Она ощутила острый укол в своем животе, потом еще один… От ужаса она закричала.

– Ничего, ничего! Все в порядке! Все в порядке!

Лица. Глаза из-за масок.

– Ничего, ничего! Все будет хорошо!

Кто-то держал в воздухе иглу. Мужчина взял ее. Опустил ее вниз. В ее паху снова возникла неистовая пронизывающая боль, и она снова закричала.

– Все хорошо! Все хорошо!

Лица растворились, превратившись в одно лицо. Глаза за толстыми стеклами. Одно лицо, омытое тусклым красным светом, неподвижное, немигающее, изучающее ее. Эрнест Джиббон.

Ей казалось, что она находилась под водой, на целые мили под водой, и слой воды давил на нее. Она попыталась пошевелиться, но тело словно налилось свинцом. Мертвая. Она была мертвой. Он знал, что она может умереть, и она это тоже знала.

Он продолжал изучать ее не двигаясь. Она посмотрела на него, на того, кто так или иначе мог бы оживить ее. Он знал ключ, знал, как снова сделать ее живой, знал эту команду, это кивок, этот рывок, эти слова, которые должны вернуть ее обратно, вытащить ее оттуда. Но он все молчал и молчал.

Она поинтересовалась, который же теперь час. Темно, казалось, что слишком темно. Голова у нее раскалывалась, и она не могла припомнить, когда пришла сюда, давно ли здесь находится. Ей хотелось, чтобы он заговорил или улыбнулся, а может, и кивнул. Прошла добрая минута, прежде чем она сообразила, что умер-то именно он.

32

На похоронах Виолы Леттерс Чарли сидела на скамье в церкви, зажатая между Хью и Зоэ. Подальше, в том же ряду, сидели Вик с женой. Несколько других лиц тоже показались ей знакомыми – по матчу в крикет, по встречам в магазинах в деревеньке Элмвуд.

Она разглядывала отпечатанные слова похоронной службы, изо всех сил боролась с желанием зевнуть, потому что спала всего лишь два часа. Ее наряд, темно-синий костюм, купленный в прошлом году, был ей тесен. Чарли надеялась, что он достаточно траурный.

Частицы наших тел имеют электромагнитные заряды. Когда наши трупы разрушаются – путем ли кремации или похорон, – все это тем или иным образом возвращается обратно, в землю, совершает новый цикл развития. У каждой частицы сохраняется своя память, как и у крохотного кусочка видеокассеты.

Слова Хью эхом отдавались в ее сознании.

Лицо Эрнеста Джиббона внимательно смотрело на нее. Неподвижное. Мертвенно-бледное.

Посмотрев на дубовый гроб с медными ручками и с цветами наверху, Чарли опять задумалась, была ли какая-либо связь между тем, что так расстроило Виолу Леттерс на той фотографии, и ее смертью.

Глупости какие. Просто несчастный случай.

На мгновение она пришла в замешательство, подумав, не Эрнест ли Джиббон лежит в том гробу на подмостках, перед алтарем, в этой маленькой церкви с настенными фресками, датированными временами норманнов,[15] как кто-то рассказал ей.

Пели «Иерусалим». Чарли держала перед собой книгу с псалмами и негромко подпевала. Это был ее любимый псалом. Обычно она находила его воодушевляющим, но сегодня все исполняли его будто в другой тональности.

Тот сеанс ретрогипноза начался сразу после часа дня и должен был продолжаться часа два-три. Было десять вечера, когда она пришла в себя, вышла из транса и увидела, что Эрнест Джиббон сидит мертвый. Она коснулась его и захныкала в страхе, понимая, что она пробыла в трансе час, а может, два, три или даже больше, пока он сидел там уже мертвый. Она не знала, вышла ли полностью из транса, и до сих под была напугана тем, что ее не вывели из него надлежащим образом.

Она спустилась вниз и постучала в комнату его матери. Ответа не последовало, и она вошла внутрь, увидев пожилую, болезненного вида женщину в постели; глаза ее были прикованы к телевизору.

– Миссис Джиббон, – сказала она, – нам необходимо вызвать скорую помощь.

– Он с пациентом. Его нельзя беспокоить, – ответила старуха, не поворачивая головы. – Ничто не должно беспокоить его.

– Это крайне срочно.

– Его не разрешено беспокоить. Это слишком опасно.

Старуха походила на приемную мать Чарли на ранних стадиях болезни, признаки которой уже были знакомы Чарли. Спустившись вниз, она отыскала в гостиной телефон и вызвала скорую помощь. Потом выпустила Бена из машины и изумилась тому, что он еще не напачкал.

Бригада скорой помощи была рассержена, приехав туда. Эрнест Джиббон умер по меньшей мере шесть часов назад, и ей следовало вызвать врача, чтобы выписать свидетельство о смерти. А не их.

Мать Джиббона вышла из своей комнаты в ночной рубашке, из которой выглядывала иссохшая грудь, и сказала им, что ее сын занят с пациентом и его не разрешено беспокоить. Когда Чарли попыталась объяснить врачам скорой помощи, что она находилась в гипнотическом трансе в комнате с мертвецом, они подумали, что, должно быть, она такая же чокнутая, как и старуха, и, вызвав полицию с полицейским врачом, уехали.

Она дождалась полиции, понимая, что мать Джиббона не в состоянии понять происшедшее, и в итоге ей пришлось утихомиривать истерику старухи, когда та наконец увидела тело сына и истина стала очевидной.

Потом вдруг появилась женщина-полицейский и стала заниматься старухой, а Чарли, после пяти утра, в конце концов уехала. Когда она добралась домой, было светло, и это обстоятельство ее порадовало.

Автоответчик записал три сообщения от Тома. Одно поступило рано утром в воскресенье, он передавал телефонный номер и номер комнаты в гостинице, как она поняла. Второе сообщение было оставлено утром в понедельник. Том сказал, что весь день будет на службе. А третье пришло вечером в понедельник: он собирался в Шотландию по делу об опеке и обещал позвонить и сообщить свой адрес, когда доберется туда.

Чарли легла в постель и хотела уснуть, но события минувших двух дней прокручивались в сознании вместе с ее возвращением в прошлое – столь живым, что каждый раз, когда она пробуждалась, обливаясь по́том, была убеждена, что все это еще продолжается. Была убеждена, что та

женщина с прогоревшими до щетины волосами и почерневшим лицом все еще стояла в дверном проеме и пристально смотрела на нее; что она, Чарли, находится в карете скорой помощи и умирает, но они не дадут ей умереть, нет, не дадут ей умереть…

Эпилептичка. *Некоторые из твоих симптомов соответствуют…* Прекрасно, значит, этим все и объяснялось. Временная и ограниченная эпилепсия. Иллюзии. Галлюцинации.

Прихожане опустились на колени для последней молитвы, и служба завершилась. По проходу между церковными скамьями прошла первой одна супружеская пара: невысокий и полноватый пожилой мужчина, лицо которого смутно напоминало Виолу Леттерс, напряженно выступал рука об руку с элегантной женщиной с мертвенно-бледным лицом. За ними последовали нарядно одетые детишки с передних скамей и вполне взрослые люди, непохожие на местных жителей, заехавшие сказать своей подруге последнее прости.

– Хэлло, вы миссис Уитни, не так ли? – спросил приходской священник довольно веселым голосом, который, как показалось Чарли, больше подходил бы для венчания. Он энергично пожал ей руку. – Вы ведь здесь, в деревне, недавно живете, не так ли? Я все собирался заглянуть к вам и представиться.

Из портика храма Чарли вышла в унылое серое утро, в скопление людей и галдеж.

– Он слишком быстро протараторил службу, вам не кажется? – прошептала ей Зоэ.

Чарли рассеянно кивнула, припоминая, как Виола Леттерс жаловалась на этого священника. Они присоединились к процессии скорбящих, тянувшейся за тащившими гроб носильщиками. Небо было угольно-серым, и ветер продувал кладбище. На ковре из зеленого сукна покоился на канатах гроб.

– …мы теперь предаем ее тело земле, земля к земле, прах к праху, пыль к пыли, в уверенности и безусловной надежде на воскрешение к вечной жизни волею Господа нашего Иисуса Христа, который изменяет наши низменные тела на…

Изменение. Воскрешение к вечной жизни. Вечной жизни здесь, на земле. С вечными воспоминаниями. Вечное изменение, вечные воспоминания, вечное преследование призраками прошлого.

– …милость Господа нашего Иисуса Христа и любовь Господня и братство Духа Святого да пребудет с нами всеми во веки веков. Аминь.

Бессвязные мысли проплывали в сознании Чарли, когда она побрела

прочь от толпы, мимо могильных камней, мимо мраморных надгробий, присыпанных спереди гравием… Исписанные резными письменами надгробия – то в форме раскрытых книг, то в виде плит с ангелами на них; новые надгробия, яркие и блестящие; старые надгробия, пострадавшие от времени, с въевшейся грязью, с едва различимыми надписями, сильно накрененные, сидевшие глубоко в земле и зараставшие травой и лишайником. При некоторых были вазы со свежими цветами или венки, кое-где пустые урны, они забыты – не осталось никого, чтобы позаботиться об этих могилах.

Чарли поднялась по некрутому склону, обходя кругом плиты в окружении гравия, едва ли замечая что-либо, кроме случайных имен и надписей.

«Эрнест Артур Лэмб почил в бозе».

«Есть земля, где те, кто любили друг друга, вновь соединятся в любви».

Запах осени в воздухе вполне подходил холодным камням смерти.

«Джон Роув Бэкмастер. Смиренный в жизни и безмятежный в смерти».

«Барбара Джаретт. Ум. 12 августа 1953 г.».

«Элис Маделейн Уэллс».

Чарли остановилась. Шагнула назад и снова прочитала надпись на простеньком могильном камне: «Барбара Джаретт. Ум. 12 августа 1953 г.».

12 августа 53-го… Она родилась в этот день.

Чарли пристально рассматривала этот простой могильный камень, настолько простой, что она едва не пропустила его.

Дорогой Камень, я люблю его. Пожалуйста, верни мне его. Барбара.

Записка в том медальоне. *Д. любит Б. Дж.*

Б.Дж.

Кто-то подошел и встал позади нее. Это был Хью.

– Мы приглашены на поминки, они устраивают небольшой стол в «Георгии».

– Хорошо.

– Не хотите, чтобы я вас подождал?

– Нет. Идите. Я тут немного побуду.

– С вами все хорошо?

Она кивнула.

– Могу я угостить вас обедом вечерком? Взбодрить вас немножко?

– Только угощаю я, – сказала она решительно, не сводя глаз с могильного камня. – Моя очередь.

Хью посмотрел на камень:

– Кто-то из знакомых?

– Возможно.

Когда он отошел, она вздрогнула. Бессмыслица. Совпадение, только и всего. Она повернулась и внимательно посмотрела, как Хью подстраивается к последнему из скорбящих, гуськом проходивших в покойницкое помещение. Слышались скрежет лопаты и стук земли. Звук как из банки для сбора церковных пожертвований. Мать-природа снова собирала пожертвования.

– Вы знаете, как добраться туда? – прогремел чей-то голос. – Давайте за нами.

Барбара Джаретт. Ум. 12 августа 1953 г.

Перед этим могильным камнем росла трава. Никакой ограды, чтобы не подпускать собак, никаких трогательных надписей, никаких херувимчиков, ни урн, ни цветов. Ни «Люблю и помню…», «Горячо любимой жене от…». Ничего. Только имя и дата.

В другой раз, дорогая. Мы поговорим об этом в другой раз.

Она подумала о том старике в коттеджах шорников, захлопнувшем дверь у нее перед самым носом. *Убирайся. Оставь нас в покое. Ты нам здесь не нужна.*

Двое стариков. Виола Леттерс заметила что-то на фотографии, а Артур Моррисон – в ее лице.

Камень вдруг посветлел, как будто кто-то осветил его фонарем. Она отшатнулась, а потом почувствовала себя глупо. Это был солнечный луч, отыскавший в туче прогалинку.

У основания ступенек стоял довольно изящный фургончик электромонтера, и Чарли испытала облегчение оттого, что в доме кто-то был. Одна из белых лент, все еще протянутых через пешеходную тропку, отвязалась и развевалась при порывах ветра, словно вымпел. На поминках констебль Тайдимен сказал ей, что именно они отвечают за приведение берега в порядок. Это общественная пешеходная тропка, так что вскоре все должно быть сделано.

Было трудно поверить, что все волнения позади. Она помнила ощущение, что чего-то ей здесь не хватало. Тех конюшен. Если не считать того, что теперь все вернулось на место. Конюшни стояли там, по другую сторону мельничного лотка, где они всегда были, нарядные белые конюшни. И голова гнедой лошади выглядывала из одного из денников. Джемма.

Чарли моргнула.

Конюшни по-прежнему были там.

Она резко повернулась. Ее автомобиль исчез. Фургончик электромонтера исчез тоже. Вместо них стоял черный «триумф» с опущенной крышей, поблескивая краской и хромированными частями. Оконные рамы дома были свежевыкрашены, кирпичная кладка четко прорисовывалась. Снова повернувшись к запруде, она не заметила никаких белых лент, никакого здоровенного куска земли, который бы отваливался от берега.

Ее кровь сочилась по венам, как песок в песочных часах. Чарли закрыла и открыла глаза. В конюшнях радостно заржала лошадь. Песок все еще струился, только стало пошумнее, и она расслышала слабый шипящий звук. Она сообразила, что это ревела запруда, только и всего.

«Попала не в тот дом, – подумала она. – Я приехала не к тому дому, повернула, видно, не в ту сторону…»

Здесь все контролировать пытаюсь я. Если вам становится слишком неудобно или страшно, я могу быстро вытащить вас оттуда. Если же вы начнете путешествовать в прошлое сами по себе, где-нибудь далеко отсюда, и эта фигура в зеркале возьмет контроль в свои руки, то тогда…

А с чего бы такое случилось? Ведь это происходит всего лишь в моей памяти.

Я не знаю, только ли это память.

Она снова моргнула. Черный «триумф» исчез. Исчезли и конюшни. Белые ленты вернулись на место, а половина берега снова пропала. Дом выглядел старым и обшарпанным, и пластиковое покрытие колыхалось над грудой материалов, оставленных строителями. Сбоку к дому были прислонены две длинные лестницы. И внутри лаял Бен. Чтобы успокоиться, Чарли коснулась борта «ситроена». Испуганная тем, что Джиббон не вернул ее оттуда окончательно, она с жадностью хватала губами воздух, словно только что проплыла несколько ярдов под водой в бассейне.

С тобой все в порядке, все замечательно, ты вышла из транса естественным путем. А теперь ты просто устала и шок еще не прошел. У людей часто бывают загадочные галлюцинации, когда они переутомлены.

Она вошла в дом. Подпрыгивая, примчался Бен, и, когда Чарли наклонилась, чтобы потрепать его, она заметила уголком глаза что-то двигающееся, спускающееся по лестнице.

Электрик. Это был электрик, сходивший медленно, до странного медленно, с бледным как полотно лицом и широко открытыми, словно от пережитого потрясения глазами. Этот коротенький подагрический

мужчина, обычно такой деятельный, такой энергичный, осторожно ступал по запыленному листовому железу, цепляясь за лестничные перила подобно старику.

– Это вы? – сказал он. – Это вы его включили?

– Простите?..

Он прижал руку ко рту, а когда убрал ее, Чарли разглядела черную отметину, идущую через его ладонь.

– Ток, – сказал он. – Это вы снова включили ток?

– Да я только что вошла.

– И вы не спускались в подвал?

– Нет.

– Значит, это какой-то шутник. Я вырубил главную линию, ведь точно же вырубил, чтобы поменять проводку к розеткам в вашей спальне. А кто-то снова включил его. – Он протянул руку. – Глядите, какой ожог.

– О господи! У меня есть немного бинтов в кухне…

– Да ладно уж.

Его глаза метались вокруг.

– А не сделал ли это кто-то из строителей?

– Их тут сегодня не было. – Он внимательно рассматривал ожог. – Не понимаю, что происходит. Я поменял всю проводку и осмотрел все приборы. – Он пососал свою рану. – Позвольте мне показать вам кое-что, миссис Уитни. – Он немного прошел по коридору и остановился у настенного выключателя. – Посмотрите-ка получше.

На стене вокруг выключателя виднелись отметины ожогов, а его пластиковый корпус частично расплавился.

– И то же самое во всех комнатах. Проводка снова плавится. Как и в прошлый раз. Я-то считал, что по вине того парня. Ну, взял я тогда нового паренька и оставил тут делать основную работу. Я думал, что он, должно быть, пристроил какое-то подключение, но он тут ни при чем.

– В конце недели я оставила несколько лампочек включенными. Я… я уезжала.

– Да это не имеет никакого значения, что вы их оставили.

Электрик открыл дверь в подвал, и сквозь запах угля, сырости и плесени Чарли почувствовала еще один слабый и едкий запашок – пережженных электрических проводов. Он включил свет, и она последовала за ним вниз, на сырой кирпичный пол, и дальше, мимо темного отверстия в стене, к коробке с пробками. Несколько мотков проводов лежало под этой коробкой, а на ней самой, большой и белой, были коричневые отметины ожогов. Слышался низкий гудящий звук.

Электромонтер внимательно озирался. Он перешел через темное отверстие, и она подождала, пока он вернется. А гудящий звук становился все громче и разносился по помещению.

Он слегка похлопал по стеклу счетчика. Внутри крутился плоский металлический диск, причем настолько быстро, что расплывался в глазах. Над ним было несколько циферблатов, как в миниатюрных часах, стрелки одного из них так же быстро вращались.

– Видите, с какой скоростью потребляется здесь ток? – сказал он. – Если бы вы включили в доме весь свет и все приборы, а потом даже еще что-нибудь, то и тогда ваш ток не потреблялся бы на десятую долю этого ритма. А вы ничего и не включали. Только вот холодильник, таймер для парового котла и часы-радио. Оплата счетов может обойтись вам в небольшое состояние, не говоря уж об опасности. – Он протянул руку вверх и толкнул главный выключатель. Послышался щелчок, и подвал погрузился в темноту. Электрик включил фонарик. – Вот так я все здесь и оставил.

– И кто-то включил его? – спросила она дрожащим голосом. – А вы убеждены, что это не могло как-нибудь взять и снова включиться само собой?

Луч фонаря осветил счетчик. Теперь диск вращался медленнее, гудение превратилось в шаркающий звук.

– Не понимаю, что тут творится.

– Вы ведь собирались поговорить с управлением энергоснабжения. Вы предполагали, что могут быть какие-нибудь кабели или еще что-то, что влияет…

– Да, я взглянул на схемы энергосистем всего района. Ничего такого поблизости нет. – Он щелчком включил свет. – Нам нужно, чтобы сюда приехал какой-нибудь инженер из управления. Ударило меня, надо же! Никогда раньше ни с чем подобным не сталкивался за все годы работы.

– А что еще могло бы быть?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Может быть, что-то, связанное с водой… с прудом… только я не могу понять, что именно. В этом нет никакого смысла. Думаю, для безопасности нам надо отключить ток и так его оставить, пока не выяснится.

– Все электричество?

Он кивнул.

– Я не хочу этого делать.

– Тогда дом может загореться.

– Я думаю, что вам следует поставить современные пробки. Том говорил, что он просил вас установить самую безопасную систему.

– Так я установил. Именно ее я и установил.

– Тогда откуда же риск пожара?

– Эти пробки не расцепляются. И я не могу понять почему.

– Ток мне необходим.

– Лучше всего вам было бы побыть в гостинице, пока мы тут разберемся.

– Я… я не могу этого сделать. Мне нужно быть здесь. Ну сделайте что-нибудь.

Она услышала отчаяние в своем голосе.

– Не знаю, что еще я мог бы тут сделать. Я проверил все. Поменял проводку, вытащил ее всю, снова поменял… – Он ухмыльнулся. – Может, у вас тут завелось привидение.

Его улыбка исчезла, и он посмотрел на нее с тревогой, словно прочитал в ее лице нечто такое, что испугало его.

– Я попытаюсь прислать сюда кого-нибудь в ближайшие два дня. Скажите им, что здесь крайне необычная и опасная ситуация. Будьте бдительны. Перед уходом из дома выключайте главную линию. У вас есть что-нибудь в холодильнике или в морозильнике, что могло бы испортиться?

– Ничего важного.

– Я попытаюсь еще разок. Только не знаю. В самом деле не знаю.

– Спасибо, – почти шепотом сказала она. Они поднялись по лестнице. – Чашку чая не хотите?

– Очень хочу.

Подхватив небольшую стопку почты, сваленную на стол, Чарли отнесла ее в кухню. Там было холодно. Это из-за выключенной плиты, сообразила она. Какая-то поздняя осенняя муха прожужжала мимо нее. Чарли наполнила чайник водой и, развязав бело-голубой шарф вокруг своей шеи, присела, включив запись автоответчика.

«Том, старая ты развалина, что означает твой переезд в деревню? А я-то думал, что смогу тебе как-нибудь вечерком на этой неделе задать хорошую трепку на теннисном корте. Позвони мне. Это Тим, Тим Паркер».

«М-м-м, доброе утро. Это мистер Уэст из отдела доставки. Я звоню мистеру Уитни. Вещи, которые вы заказали, уже прибыли. Будьте любезны, дайте мне знать, когда было бы удобно их вам доставить».

«Дорогая, это я. Пожалуйста, позвони мне. Я в Эдинбурге. В гостинице у меня номер 031-556-7277. Я в номере 420-м. Ты можешь застать меня в рабочее время по тому же коду, а дальше – 332-2545. Буду

здесь до среды».

Кассета крутилась дальше, а Чарли даже не пришло в голову записать эти номера. На лице ее была легкая улыбка. Голос-то у него становится все тревожнее.

«Миссис Уитни, говорит секретарь доктора Росса. Доктор Росс хотел бы повидать вас как можно скорее. Подойдет ли вам завтрашний день, в три часа? То есть среда, три часа. Если вы нам не перезвоните, мы будем вас ожидать. Спасибо. Сейчас двадцать минут третьего, втор…»

Голос резко оборвался, и огонек на аппарате погас. Ток. Электрик, должно быть, снова отключил его.

А Тони Росс ни минуты не тратил зря, сразу получил результаты тестов. Уж не потому ли, что он был обеспокоен больше, чем делал вид? Эпилепсия? Или что-то похуже? Не солгал ли он насчет опухоли мозга?

Осенняя муха билась о стекло. В почте оказались главным образом счета. Она попыталась сообразить, что за материал они заказывали в отделе доставки. Планы, планы… Чарли почувствовала волну грусти, когда подумала о тех планах, которые они с Томом строили по поводу дома. По поводу их новой жизни здесь.

Дорогая, это я. Пожалуйста, позвони мне…

Да пошел ты в жопу!

Надорвав следующий конверт, Чарли увидела новый бланк Главной регистрационной службы. Требовались подробности из ее свидетельства об удочерении при рождении. А где оно было? В каком-то конверте вместе с ее паспортом, со свидетельством о прививках и разными прочими клочками и листочками. Она положила его в надежное место, когда они переезжали. Черт подери! Она не могла сосредоточиться. Кажется, в одной из больших картонных коробок. Но в какой? В мансарде.

Барбара Джаретт. Ум. 12 августа 1953 г.

Кто же ты была? Кто ты была такая, Барбара Джаретт?

Дорогой Камень, я люблю его. Пожалуйста, верни мне его. Барбара.

Так это ты?

Чайник молчал, никакого тока, разумеется, нет, а газовая плита тоже была выключена. Она подошла к верхушке лестницы, ведущей в подвал.

– Простите, но я не могу приготовить чай при отключенном токе, – крикнула она вниз.

– Включу минут через десять, – прокричал он.

Она забралась по лестнице и толчком распахнула дверь мансарды. Из маленького окна в дальнем ее конце, справа, вливалось как раз достаточно света, чтобы видеть все вокруг. А вот слева становилось все темнее. Чарли

с трудом различила резервуар с водой. Дыры в крыше заделали, и света теперь не было. Пыль щекотала нос, и Чарли подавила позыв расчихаться. Потолок был ниже, чем она его помнила, да и стены поуже. Помещение казалось большим и в то же время вызывало чувство страха.

Деревянные упаковочные ящики и большие картонные коробки были в беспорядке свалены грузчиками около окна, и Чарли пришлось несколько минут все это упорно подвигать, прежде чем она отыскала нужную коробку. По двум ее сторонам виднелась надпись фломастером: «ЛИЧНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ».

Она наступила на что-то мягкое, издавшее хрустящий звук. Это была дохлая мышка с частично уже разложившейся мордочкой. В желудке у Чарли забурлило, и она отпихнула мышку ногой за упаковочные ящики, чтобы Бен не смог до нее добраться.

Порыв ветра сотряс окно в раме, и что-то покатилось по крыше. Содрав пленку с крышки нужной коробки, Чарли открыла ее. Верхняя половина была полна старой одежды, странной старой одежды в пластиковых мешках, сохранившей запахи прошлого. К одежде, аккуратно отглаженной и сложенной, были пришпилены английскими булавками квитанции из чистки. Эту одежду Чарли не носила долгие годы, она была припрятана для… какого-нибудь дождливого дня? Для вечеринок в маскарадных костюмах? Или ее припрятали потому, что в ней скрывались ее родовые корни?

Чарли отыскала расклешенные джинсы, мини-юбку, маленькую деревянную коробочку, полную бусинок и модных среди хиппи колокольчиков, высокие белые пластиковые сапожки, вельветовую шапочку, пластиковую сумку, полную значков типа: «НИКСОН ЗАСЛУЖИЛ ИМПИЧМЕНТ!», «УЗАКОНИТЬ МАРИХУАНУ!», «Я БАЛДЕЮ!»…

Послышался звук, как будто шаркнула чья-то нога, и Чарли внимательно посмотрела на тени в дальнем конце мансарды, в темном конце, с вырисовывавшимся там силуэтом емкости с водой, но так ничего и не разглядела.

Порывшись в коробке, она нашла полиэтиленовый мешок, обмотанный несколько раз эластичной высохшей лентой, разорвавшейся, когда Чарли разматывала ее. Она перевернула упаковку вверх ногами, полиэтилен стал растягиваться, и она смогла заглянуть внутрь. Письма и открытки. Одна из открыток была покрупнее остальных. Этакая валентинка[16] с угрюмым маленьким человечком на передней стороне, державшим в руках огромное красное сердце. Внутри открытки почерком

Тома было написано: «Моей вечной Возлюбленной».

Слезы соскользнули с ее щек, и, сложив открытку, она опустила ее в мешочек.

Что-то задержало ее взгляд в этой тени. Какое-то движение. Она отступила назад. Что-то там двигалось в тени.

Потом она сообразила, что это была ее собственная тень, потому что она стояла в лучах света.

Это произошло быстро, неожиданно. Раздался щелкающий треск, вроде удара кнутом, – и ее правая нога провалилась сквозь пол до самого бедра. Чарли упала вперед, звучно ударившись подбородком о прогнувшиеся под ней доски пола.

Испуганная, пытаясь сообразить, что же произошло, она оперлась руками об пол и пригнулась сильнее. Доска снова издала оглушительный треск. Теперь Чарли задыхалась в панике. Рывком выдернув ногу из дыры и не пытаясь подняться, она перекатилась по доскам к двери, где пол был вроде бы прочным, и поднялась на ноги. Потирая поцарапанную ногу, она обнаружила, что колготки разорваны в клочья.

Внезапно Чарли почувствовала запах духов. Мансарда прямо-таки воняла ими. Крепкие, едкие мускусные духи. Повеяло сквозняком. Электрик прокричал снизу:

– Эй, миссис Уитни? Я собираюсь снова включить ток.

33

В стеклянном подсвечнике на столе горела свеча. Она расположилась у большого неразожженного камина с серой мраморной облицовкой, напоминавшей могильный камень. В маленьком ресторанчике было тихо. Кроме них в зале сидели еще две парочки и шепотом переговаривались.

Чарли зевнула, прикрыв лицо своим меню: усталость накатывала на нее волнами. Хью, в отличие от нее, выглядел бодрее, чем обычно. Сегодня вечером, казалось, он особенно тщательно приводил в порядок свою внешность: волосы были причесаны, чистые ногти, по которым явно долго гуляла щетка, и, наконец, отутюженная одежда.

В течение получаса смущенная и возбужденная Чарли решала, в чем ей пойти, надевала и снимала то одно, то другое, желая выглядеть привлекательнее. Она почувствовала себя гораздо лучше и увереннее после того, как приняла душистую ванну, сделала макияж, надела красивый топ на бретельках, брюки и белую атласную курточку, открытые туфли и массивное, похожее на цепь, ожерелье. Теперь, после новой порции джина с тоником, ей стало почти совсем легко на душе.

– Что-то вы сегодня очень спокойны, – сказал Хью. – Должно быть, сильно испугались, обнаружив, что ваш гипнотизер умер таким вот образом… это просто ужасно.

– Да уж. И еще похороны миссис Леттерс…

– Вы до сих пор вините себя?

Она кивнула:

– Я буду скучать по этой старенькой девушке. Она мне в самом деле нравилась.

Он взял свою рюмку и подребезжал кубиками льда.

– Но это был несчастный случай. И ничто иное.

Чарли очень хотелось поверить ему.

– А если бы вас спросили, где хранятся записи о захоронениях? – спросила она. – Вот если вы увидите какое-нибудь имя на могильном камне и попытаетесь разузнать об этом человеке, то где надо смотреть?

– По поводу какой-то недавней могилы?

– Начала 50-х.

– Ну, я бы сказал, что регистрационная служба графства в Льюисе будет вполне подходящим местом. – Он заглянул в свою рюмку, а потом снова посмотрел на Чарли: – Эта та могила, у которой вы остановились

после похорон?

– Да.

Он осторожно поглядывал на нее, но она видела в его глазах теплоту и доброжелательность. Впервые с тех пор, как Чарли познакомилась с ним, она почувствовала, что он смотрит на нее не только из любопытства. Она покраснела, а он улыбнулся, приподнял рюмку и с легким звоном коснулся ее рюмки. Выпив еще немного, Чарли почувствовала себя в полной безопасности, даже подумала, что, быть может, однажды все в ее жизни наладится.

– Вы никогда не пытались восстановить свои отношения с женой? – спросила она.

Хью снова позвенел кубиками льда.

– Кто-то сказал однажды, что брак – это нечто вроде рюмки. Если она разбивается, то, конечно, можно склеить ее кусочки, но вечно будут видны трещины.

– Вы уже готовы сделать заказ? – Официантка улыбалась, своим неподдельным добродушием напоминая студентку из колледжа.

– Еще несколько минут, – сказал Хью, улыбаясь в ответ и как бы заигрывая, отчего Чарли почувствовала внезапный укол ревности. Он все изучал свое меню. – А вы с Томом соединились бы снова?

Чарли пожала плечами:

– Не думаю, что впредь смогу хоть кому-то доверять.

Его большая рука скользнула по столу и слегка коснулась кончиков ее пальцев. А потом он твердо завладел ими.

– Вы должны во многом быть уверены.

Странные чувства поднимались в ней.

– Быть усыновленной или удочеренной – это довольно необычная вещь. Вы как бы не чувствуете себя в безопасности. Какова бы ни была причина, по которой вы кому-то отданы, – пусть даже ваши родители были убиты, – вы все равно знаете, что кто-то нашел чей-то подходящий, с его точки зрения, дом и отдал вас… И это заставляет вас всю жизнь чувствовать, что кто-то еще в этом мире тоже может вас кому-то отдать. Думаю, я только дурачила себя, полагая, что наш брак будет вечным. Ничто не вечно.

Он стиснул ее пальцы и сказал:

– Это зависит от того, что называть вечностью.

– А вы не считаете, что люди могут встречаться снова, в их следующих жизнях?

– Некоторые верят, что вот это-то и привлекает людей друг к другу. Вы

приходите, например, на многолюдную вечеринку – и вас мгновенно притягивает к незнакомому человеку. А все потому, что вы были знакомы с ним в другой жизни.

– Но мы об этом не помним?

– Некоторые люди это знают. Не многие.

– И такое возможно?

– Да.

Чарли поиграла со своей салфеткой.

– А вот мой врач считает, что у меня, возможно, эпилепсия.

– Врачи любят думать о вещах такого рода.

Их глаза встретились, и оба они улыбнулись.

– Вы еще не выяснили, кто был владельцем «триумфа»?

– Еще нет. Надеюсь приступить к этому завтра. Я поджидаю, когда на почту прибудут кое-какие запчасти. И уж тогда-то я вас прокачу.

– Что ж, было бы довольно необычно.

– Знаете, где-нибудь, скажем, в Эдинбургском университете, возможно, захотят провести с вами какое-нибудь исследование. На факультете парапсихологии…

– Нет уж, спасибо, – резко ответила она.

Чарли мельком пробежала меню. Она не была голодна и не особенно следила за тем, что ела. Просто в уме она подыскивала новую тему для разговора, способную его заинтересовать.

– Расскажите мне о пограничных линиях на лугах, – сказала она. – Что это, собственно, такое?

– Узкие магнитные поля, идущие прямыми линиями. Никто до конца не понимает, что это такое. В древности люди использовали их для создания святилищ. Римлянам приписывают строительство прямых дорог, но они лишь построили их вдоль этих древних линий. Такое впечатление, что электромагнитные поля исходят от залежей минералов, от пластов руды и подводных потоков.

– А поля могут влиять на электричество? – спросила она, и ее пульс забился чаще.

– На стыках между линиями находятся наиболее мощные силовые поля. И порой от них исходит электромагнитное возмущение.

– Какого рода?

– Дворец Александры в Лондоне построен как раз на стыке двух линий. И он трижды сгорал.

– В самом деле?

– Да. Наиболее распространенное явление на таких стыках – это

привидения, или то, что называют полтергейстом. Похоже, есть некоторые свидетельства того, что от подобных вещей духи и получают энергию. Древние люди строили все свои культовые места – кладбища, могильные курганы, священные камни – вдоль таких линий. Важнейшие из них находятся на перекрестках нескольких линий. Стонхендж стоит на таком перекрестке.

Чарли нахмурилась. Хью посмотрел на нее странным, испытующим взглядом, напомнившем ей об их первой встрече.

– И Элмвуд-Милл тоже, – добавил он.

Полная луна ярко горела над ними, когда они выбирались из «ягуара». Переливаясь через запруду, равномерно шумела вода. Чарли прислушалась, не лает ли Бен, но ничего не услышала.

– Знаете, что я вижу, когда смотрю на луну? – спросил Хью.

– И что же?

– Три мешка американской мочи.

– Мочи?!

Чарли вытащила большой резиновый фонарь, лежавший на заднем сиденье «ягуара», и они двинулись к ступенькам.

– Именно это они и оставили там… Ну, те первые люди. Когда они там высадились. Три мешка мочи.

Он обнял ее.

– Но зачем? – Ее голос дрожал.

– Официальная версия была такой: посмотреть, что с ней произойдет. Меня интересует, не было ли тут дело в чем-то ином, ну, вроде того, как собаки и кошки мочатся на новые места, чтобы пометить свою территорию.

Она рассмеялась. Его рука была нежной, и это ее успокаивало.

– Выходит, техника все-таки не может уничтожить наши основные инстинкты, а?

– Что-то в этом роде.

Рев воды казался оглушительно громким в тишине дома. Она вставила ключ в замок и открыла дверь. Резкий белый свет фонаря промчался по коридору, подпрыгнул и прошел по лестнице. Словно пришпиленные к лучу, в нем плясали огромные тени. И никаких признаков присутствия Бена.

Чарли провела фонарем по широкой дуге и увидела, как его глаза сверкнули красным светом из темноты коридора.

– Малыш! Привет, малыш!

Бен не пошевелился. Чарли поспешила к нему, опустилась на колени и погладила. Он осел на задние лапы, холодный и дрожащий, его шерсть на

ощупь была почти колючей.

– Извини, малыш. Ты что, не любишь темноты? – Она крепко обняла его. – Ну пойдем, малыш, пойдем во двор!

Бен крадучись пошел к входной двери, но потом, когда сбежал со ступенек и помчался по траве, вроде бы воспрянул духом. Отперев дверь подвала, Чарли почувствовала, как холодный сквозняк охватил ее лицо, и спустилась вниз, радуясь, что рядом Хью. Главный выключатель поддался с громким щелчком, вспыхнул верхний свет.

Хью оглядывался, голова его почти касалась потолка. Чарли посмотрела вверх, на диск счетчика. Он еле двигался.

– Вы хорошо разбираетесь в электричестве? – спросила она.

– У вас установлена хорошая система новейшей, самой безопасной технологии. Я себе тоже такую поставил.

Они поднялись по лестнице, и Чарли закрыла дверь. Хью взял ее за плечи своими большими руками и осторожно держал их. Улыбнувшись друг другу, они поцеловались. Ее захлестнуло ощущение приятного кокетства. Его рот оказался мягче, чем она могла предположить. Они поцеловались снова, уже дольше, значительно дольше, минут пять, а может, и дольше, пока их не прервал Бен, подбежавший к ним, лая и прыгая. Хью засмеялся и сказал, что пес, похоже, сделал какое-то замечательное открытие.

Они снова поцеловались в коридоре, на холодном сквозняке из все еще открытой входной двери, и Чарли почувствовала, как руки Хью скользят вверх под ее курткой, под ее кофточкой на бретельках и мягко движутся вдоль обнаженной кожи ее спины.

И, вытаскивая полы его рубашки из брюк и пробегая руками по его теплой мощной спине, Чарли не слышала, как в подвале возникло низкое гудение.

Тяжело дыша, Хью смутно ощущал, что лежит не на том конце кровати. Холодный липкий пот подсыхал на его теле. Хью подумал, что лунный свет, неприятно освещавший его лицо, пожалуй, достаточно силен для загара. Слышалось глубокое ритмичное дыхание Чарли, аромат ее духов, запах ее пота, ее плоти, и он снова начал возбуждаться.

Во рту у него был отвратительный привкус чеснока, бренди и табака. Он захотел отодвинуться, но что-то держало его, крепко давило на него, какая-то живая тяжесть поперек груди. Вытянув руки, он почувствовал что-то твердое и гладкое. Ее нога. Он осторожно приподнял ее и выскользнул из-под нее, потом прошлепал по комнате к открытому окну и постоял,

вслушиваясь в ночь, в шум ревущей воды, в писк какой-то твари, в одинокое уханье совы…

Потом прошел в ванную и пошарил на умывальнике, ища зубную пасту. Отвинтив колпачок, выжал немного пасты с резковато-свежим мятным запахом себе на палец и потер им зубы. Прополаскивая рот, он уголком глаза заметил фигуру, шедшую через дверной проем прямо к нему. Какую-то неопределенную, туманную фигуру, возникшую из темноты.

Чарли. Внезапно его наполнила энергия и взрыв вожделения, когда он увидел серебро лунного света, плещущееся на ее груди, увидел длинные обнаженные ноги. Он захотел, чтоб она вошла сюда, захотел посадить ее на этот вот умывальник и…

Она провела пальцем по его спине, пройдясь по его ягодицам, вниз по бедру, а потом вверх, медленно вверх, вот она завладела его поднявшейся плотью и начала ласкать взмахами тонких пальцев, легкими взмахами, едва касаясь его. Хью улыбнулся, и она ответила странной неестественной улыбкой.

А потом он увидел блеск стали.

Увидел тень ее опустившейся руки, после чего в его восставшую плоть врубился нож, прожигая его насквозь горячей и мучительной болью. Фонтан крови жуткими темными струями захлестывал во мраке его лицо, покрывая ее груди, живот, бедра, забрызгивая все ее ухмыляющееся бледное лицо.

Нож промелькнул снова, опалив ему живот. Полоски боли разорвались в нем, а нож все извивался, исторгая из его горла мучительные вопли.

– Перестань! – заорал он, вцепляясь руками в лезвие.

Но она вырвала его, раскроив кожу на пальцах до костей. Нож снова погрузился в его живот, провернулся там, подняв его вверх с невероятной, сверхъестественной силой, а потом он упал на лезвие, и оно распороло его, словно длинный мясницкий нож.

– Перестань! Чарли! Бога ради…

Он завывал, молотил кулаками, бешено дергаясь и пытаясь отодвинуться. Он ударился в стену, мягкую, упруго и нежно подбросившую его.

Лицо Чарли пылало светом, ослепительным белым светом. Белым светом луны.

Луна.

Хью пристально смотрел в окно на луну, жадно глотая воздух. В комнате было тихо. Он слышал только рев мельничного лотка за окном и тяжелые удары своего сердца. Он поискал Чарли, но коснулся лишь пустой

подушки.

В комнате стоял резкий запах духов, пьянящих мускусных духов. «Должно быть, Чарли надушилась ими, – подумал он, – чтобы освежиться». А запах, казалось, становился все сильнее, будто она была в комнате и приближалась к нему. Но в комнате не было ни души. Он услышал, как открылась дверь, повернулся и увидел затененную фигуру Чарли, входящую в лунном свете.

Что-то блестело в ее руке.

Его кожа сжалась. Рывком он отодвинулся назад, упираясь ладонями в матрац, подтягивая ноги. В безрассудном ужасе, прокатившемся по нему волной, он отодвигался вдоль кровати, скатываясь с нее.

– Привет, – сказала она. – Я принесла тебе стаканчик воды.

Он остановился, сердце его грохотало, сотрясая все тело. Хью с опаской смотрел, как Чарли движется к нему, как лунный свет ярко поблескивает на предмете в ее руке. Когда плотное стекло коснулось его губ и он почувствовал вкус свежей воды, он расслабился и стал пить с благодарностью, жадно, как ребенок. Когда он напился, она взяла стакан и приблизила к нему свои губы.

Они поцеловались, и она игриво откинула голову назад, запустив пальцы в его волосы.

– Ты пахнешь очень мило и свежо. Зубы, что ли, почистил?

Утром они снова занимались любовью, и она ощущала сокрушительный вес Хью, теплую силу мужского тела и щекотание его бородки.

Вглядываясь в его серо-голубые глаза, расплывавшиеся на близком расстоянии, она почувствовала себя в безопасности. С ним было надежно. Надежно и хорошо. За окнами прочирикала птичка. Послышалось лязганье велосипеда мальчика, развозившего газеты, и лай Бена на первом этаже.

– Через минуту я собираюсь вышвырнуть тебя, – сказала она.

– Ну да? – Он куснул кончика ее носа.

– Скоро сюда явится электрик, да и строители тоже. Не думаю, что это было бы здорово, если…

– Я могу тебя увидеть сегодня вечером?

Он перекатился и с усилием приподнялся, отталкиваясь от передней стенки кровати. Она улыбнулась:

– Да, пожалуйста.

Его глаза посерьезнели.

– Чарли, а ты не будешь сильно возражать, если я сделаю кое-что?

Перемена в тоне его голоса встревожила ее.

– Что же?

Он покраснел.

– Ты поняла, что я говорил прошлой ночью об этих пограничных линиях… о перекрестках?

Она молчала.

– Я… не знаю точно, что это такое, но здесь что-то странное в доме… здесь какая-то атмосфера… – Он улыбнулся, но улыбке не удалось скрыть беспокойство, внезапно проступившее на его лице. – Я думаю, что, по всей вероятности… электромагнитное вмешательство, вызванное этими пограничными линиями… вот это почти наверняка и вызывает проблемы с электричеством.

– Но почему они только сейчас начали вызывать проблемы, а раньше их не было?

– Тебе это неизвестно. Твоя предшественница была совершенно чокнутой, и она, возможно, знать не знала об этих проблемах.

– Или, может быть, они-то и свели ее с ума.

– При осмотрах нельзя выявить эти линии, мало кто из геодезистов в них верит и вообще осведомлен о них. Я знаю одного человека, который бредит этими вещами и который, может быть… – Его голос стих.

– Я считала, что ты и сам знаток.

– Я знаю о линиях не много, только он…

– Что он?

Он выглядел смущенным.

– Но… ну, ты бы назвала его экстрасенсом.

– Экстрасенсом… Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, вообще-то он вроде меня, только там, где я ищу научное объяснение, он находит несколько иное, так я полагаю.

Чарли нахмурилась. Он говорил уклончиво, и она забеспокоилась.

– Нет, я не согласна.

Он поднял прядь волос с ее лба и поцеловал.

– Я думаю, что кто-нибудь, разбирающийся в таких вещах, должен взглянуть. Мне кажется, тебе не следует оставаться здесь в одиночестве.

– Я должна остаться, – сказала она.

– Ты можешь побыть у меня. Я уверен, что смогу уговорить его заглянуть сюда через денек-другой.

– Твоего экстрасенса?

– Да.

У нее возникло ощущение чего-то неотвратимого, словно грозовая туча повисла над ее головой. Том, Виола, Джиббон, Перегрин, этот

терьер…

Предательство. Всего несколько минут назад ей было так хорошо…

– Ну и что будет делать экстрасенс?

– Он сам расскажет.

Она куснула жесткую кожу пониже ногтя большого пальца и посмотрела на туалетный столик. Туалетный столик с медальоном в форме сердечка в консервной банке в дальнем углу верхнего ящика справа.

– Что он мне расскажет?

– Он расскажет, что происходит в доме, – сказал Хью. – Нет ли здесь чьего-либо присутствия.

34

Чарли припарковалась у площадки с картинами уличных художников, под стенами замка, и двинулась пешком вверх по Хай-стрит. У дорожного знака-карты, на котором были обозначены все общественные учреждения, кроме того, которое ей было нужно, она остановилась.

Какой-то мужчина в ладно скроенном костюме широкими шагами проворно шел ей навстречу, размахивая плотно свернутым зонтиком, несмотря на моросящий дождик. Чарли решила спросить у него.

– Регистрационная служба графства? – любезно переспросил он, поворачиваясь на каблуках с металлическими набойками. – Вон туда, до самого верха, потом надо повернуть направо, а там идите до самого конца. Это в бывшей солодовне… у них там еще голубая дверь.

Миновав сводчатый проход, выведший ее на тихую улицу, Чарли взобралась на крутой, вымощенный булыжником холм. За несколькими хорошо сохранившимися зданиями в георгианском стиле, выстроенными из суссекской кремниевой гальки и красного кирпича, высоко наверху стоял замок. Пытаясь разобраться в собственных мыслях, она внезапно испугалась. Ей стало страшно идти дальше. Ведь в случае…

В случае, если она обнаружит…

Мелкий дождичек усиливался. Одна часть ее существа хотела вернуться назад, к автомобильной стоянке, и забыть о регистрационной конторе. А другая заставляла Чарли двигаться все дальше, преодолевая сопротивление ветра.

Впереди стояла невысокая солодовня из кремниевой гальки, с высокой крышей и голубой дверью. Медная вывеска гласила: «Совет графства Восточный Суссекс. Регистрационная служба».

В небольшом вестибюле пахло полировкой для мебели и сырыми зонтами. Какая-то жизнерадостная девица сидела за секретарским столиком перед стеллажом от пола до потолка с переплетенными в кожу томами, помеченными «Смерти, 1745–1803 гг.».

– Где я могла бы найти записи о погребениях при храме Всех Святых в Элмвуде?

– В комнате номер три. Идите прямо вперед до самого верха лестницы.

Комната номер три занимала едва ли не все пространство под крышей здания. Это была продолговатая мансарда с маленькими слуховыми окнами и яркими лампами дневного света. Справа от нее шла низкая стойка, а

слева – металлические стеллажи, на которых располагалась картотека с алфавитным указателем и еще ряд коробок с микрофонами. Унылого вида столы и стулья заполняли остальную часть комнаты.

Было утро, всего половина десятого, и Чарли удивилась, сколько людей уже здесь собралось. В помещении господствовала обстановка деловой суеты. Люди прокручивали микрофильмы, перелистывали подшивки старых газет, разворачивали пожелтевшие архитектурные планы, делали торопливые записи. В дальнем конце мансарды группа студентов теснилась вокруг женщины, приглушенным голосом что-то с энтузиазмом рассказывающей им.

Засунув руки поглубже в карманы плаща, Чарли подошла к стойке и дождалась, пока одна из служащих подняла голову от алфавитных карточек и посмотрела на нее.

– Да-да? Чем я могу вам помочь?

– Я хотела бы посмотреть записи о человеке, похороненном при церкви Всех Святых в Элмвуде.

– Журнал погребений? А вы заполнили формуляр?

Она показала небольшой блокнот. Чарли покачала головой.

– Вам нужен номер места. – Она показала на пустой стул. – Вот тот подойдет. Скажите мне его номер.

Чарли прошла через комнату и, посмотрев номер стула, вернулась обратно.

– Номер 11-й.

Женщина вручила ей бланк.

– Заполните его и укажите свое имя и адрес. А у вас есть регистрационный номер?

– Нет. А он мне нужен?

– Ну, если вы проводите исследование… или это только одна справка?

– Только одна.

Чарли достала из сумочки авторучку.

– Здесь разрешается пользоваться только карандашом, – сказала женщина. – Я могу продать вам его за двенадцать пенсов, если у вас нет своего.

Чарли заплатила за карандаш.

– Хотите просмотреть записи за конкретный год?

– За 1953-й.

– Тогда напишите «Элмвуд, журнал погребений, 1953», а потом идите на свое место, и кто-нибудь принесет его вам.

Чарли села за стол напротив нарядной, делового вида женщины лет

около тридцати, просматривавшей толстый, переплетенный в кожу том и делавшей беглые пометки в стенографическом блокноте. Рядом с ней муж с женой, которым было явно за сорок, сосредоточенно изучали комплект чертежей домов.

Чарли думала, сколько же это займет времени. Ей необходимо уйти до четверти первого, чтобы быть уверенной, что она успеет на поезд и не опоздает на прием к доктору Россу.

Приблизилась женщина и, положив перед Чарли объемистый том в кожаном переплете кремового цвета, молча удалилась. На переплете, под рельефным позолоченным щитом с гербом, был приделан белый ярлычок, где литерным и тоже выпуклым шрифтом были набраны слова «Журнал погребений».

Чарли уставилась на него. «Брось ты это, – подумала она. – Отдай им его назад. Оставь все в покое».

Она открыла том, осторожно переворачивая толстые страницы и слушая, как они падают с легким похрустыванием. Заголовки колонок, расползавшиеся поперек обеих страниц, были отпечатаны, а отдельные записи под ними аккуратно написаны авторучкой, при этом почерк и цвет чернил менялись каждые несколько страниц. Некоторые имена Чарли узнала – Натали, Флетчинг, Дейнхил, но были и такие, о которых она и не слышала. 51-й… 52-й… 53-й. Она остановилась, мельком взглянула на заголовки: «Имя», «Дата кончины», «Место или церковный приход, где наступила смерть», «Место захоронения». Ее глаза пробежали вниз, по колонке имен. И нашли.

«Барбара Джаретт. 12 августа. Больница Кэкфилд. Церковь Всех Святых, Элмвуд».

И это было все. Она перелистала еще несколько страниц, но там было то же самое. Чарли прочитала запись снова и почувствовала разочарование. Она направилась обратно к стойке. Сотрудница посмотрела на нее:

– Ну как, помогло это вам?

Чарли кивнула, не желая обижать ее чем-то вроде: «Спасибо. Вообще-то я хотела выяснить чуточку больше кое о ком, похороненном в Элмувде. Она есть в журнале, но это мало что мне говорит».

– А что именно вы хотели узнать?

– Я… хотела бы узнать, кем она была, посмотреть, не смогу ли я разузнать о ней хоть немного.

– Вам известна дата ее рождения?

– Нет.

– Это не указано на надгробии?

– Нет.

– Если бы это было известно, то вы могли узнать из журнала крещений имена ее матери и отца и точную дату ее рождения. И тогда двинулись бы дальше, отыскав их адреса в журнале избирателей.

– Я не имею никакого представления, когда она родилась.

– Совсем никакого?

– Все, что мне известно, – это дата смерти.

– В этой деревне, по всей вероятности, есть кто-нибудь, кто сумел бы помочь вам, кто помнит ее. Вы не пытались поискать? Часто довольно хорошим источником сведений бывают трактиры. Или кто-то из старых владельцев магазинов.

Лицо Виолы вспыхнуло в ее памяти. И того старика из трактира, Артура Моррисона, захлопнувшего свою дверь перед ее носом…

– И конечно же объявления в местных газетах могут дать вам кое-что, – сказала служащая. – Вы могли бы проверить колонки с сообщениями о смертях. Вам известно, как она умерла?

– Нет.

– Если это какого-то рода несчастный случай, то вполне возможно, что были репортажи… это дало бы вам ее адрес.

Слова женщины эхом отдавались в голове Чарли. *КАКОГО-ТО РОДА НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.* Ее последнее возвращение в прошлое. Горящие конюшни, схватка. Карета скорой помощи. Стремительно кружащаяся палата… Чарли оперлась о стойку, чтобы не упасть, поскольку ощущала тяжелые удары в груди. Эта запись в журнале погребений под заголовком «Место или церковный приход, где наступила смерть». Больница Кэкфилд.

Больница!

– Вы хорошо себя чувствуете? – услышала она голос служащей.

– Извините, – прошептала Чарли.

Больница. Успокойся. Это ничего не значит. Миллионы людей умирают в больницах.

– «Суссекс экспресс», – сказала женщина. – Это была местная газета, в ней сообщали обо всех смертях.

Чарли вернулась на свое место и подождала, пытаясь расслабиться, но адреналин в ее крови теперь как будто качали помпой. Женщина делового вида, что сидела напротив, бросила на Чарли раздраженный взгляд. Уж не грохот ли ее сердцебиения рассердил соседку? Да, оно было громким. Вроде барабанного боя.

– Ну, вот и они. Тяжеловатые.

Служащая положила перед ней массивный том поверх журнала погребений. Когда Чарли подняла кожаную подшивку, запах старой высохшей бумаги поднялся от пожелтевших листов газет.

«СУССЕКС ЭКСПРЕСС И КАУНТИ ГЕРАЛЬД. Пятница, 2 января 1953 года». Объявление в правом верхнем углу гласило: «Пластиковые макинтоши от Бобби, с вшитыми капюшонами». Пониже шел заголовок: «ЛЬЮЭС ПОЛУЧАЕТ ДВОРЯНСКОЕ ЗВАНИЕ!»

Несколько колонок было заполнено поздравлениями по случаю Нового года, остальные же новости чисто местного характера. Какая-то автомобильная катастрофа. Успех благотворительного бала накануне Нового года. Чарли была немного разочарована: эта газета выглядела такой устаревшей, ее макет – столь небрежным, объявления – робкими, а информация – почти сплошь местная… В этом было нечто уютное. Она переворачивала разом по нескольку страниц газет, настойчиво пробираясь сквозь месяцы. Главный заголовок еженедельной газеты почти всегда извещал о местных новостях, а национальным и международным событиям придавалось меньшее значение.

«В КЭКФИЛДЕ СОЧЕТАЛСЯ БРАКОМ ГЕРОЙ ВОЙНЫ».

«УМЕР СТАЛИН».

«СОВЕТ ГРАФСТВА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБВОДНОГО КАНАЛА».

«МЯТЕЖНИК ФИДЕЛЬ КАСТРО ЗА РЕШЕТКОЙ!»

Пятница, 7 августа. «ПЯТЬ ТРУПОВ В ВОЛНЕ».

Чарли перелистала страницы новостей, объявлений, спортивных сообщений. «ПЛЯЖНЫЕ ПОЛОТЕНЦА ОТ БОББИ ЯРКИХ РАСЦВЕТОК!»

А потом – пятница, 14 августа. Заголовок гласил: «НОВОБРАЧНЫЙ ПОГИБАЕТ В УЖАСНОМ ПЛАМЕНИ».

Понадобилось мгновение, чтобы усвоить это. Чарли с трудом осознавала, что все это ей не пригрезилось. Она попыталась прочитать снова, но шрифт расплывался в глазах. Чарли зажмурилась изо всех сил, но стало только хуже. Сообразив, что текст расплывается оттого, что дрожат ее руки, она положила газету на стол.

Под заголовком черно-белая фотография совершенно сгоревшего здания, узнать которое было просто невозможно. Подпись гласила: «Остатки конюшен».

Рядышком подверстана фотография поменьше, с изображением Элмвуд-Милла, снятого сбоку; видны дом и водяная мельница. Подпись

гласила: «Старинный дом-мельница, частное владение».

Потом она прочитала эту историю.

> «Обугленное и изувеченное тело местного жителя Ричарда Моррисона, 32 лет, было обнаружено в сгоревших остатках конюшен при его доме в деревне Элмвуд вчера вечером, после того как он подвергся неистовому нападению женщины с ножом, которая, как полагают, еще недавно была его невестой.
>
> Эта женщина, опознанная полицией как мисс Барбара Джаретт, 20 лет, скончалась при родах в результате ран, которые она сама получила во время нападения, в Кэкфилдской больнице. Доктора спасли жизнь ее преждевременно родившейся девочке.
>
> Супруга мистера Моррисона, на которой он женился менее двух месяцев назад, известный в обществе модельер Нэнси Делвин, 35 лет, также подвергшаяся жестокому нападению, прошлой ночью была в критическом состоянии доставлена в ожоговое отделение больницы в Ист-Гристеде. Полиция ожидает возможности допросить ее.
>
> Нападение произошло в стоящем в уединении доме-мельнице мистера и миссис Моррисон, в котором менее двух месяцев назад они устраивали пышный прием по случаю своей свадьбы, удостоенной посещения некоторыми известными представителями британской моды, включая королевских модельеров мистера Харди Эймиса и мистера Нормана Хартнелла.
>
> Мистер Моррисон, который имел свое собственное дело – платные конюшни в Дейнхилле – и был единственным сыном элмвудского работника при ферме Артура Моррисона и его супруги Моуд, проживающих в коттеджах шорников на ферме Крэмптона, женился на мисс Делвин после стремительного как вихрь романа. Они познакомились всего несколько месяцев назад, когда мисс Делвин арендовала на лето идиллическое поместье Элмвуд-Милл.
>
> Живущая по соседству вдова, миссис Виола Леттерс, заявила, что в последние недели она несколько

раз видела заметно беременную мисс Джаретт, идущую к мельнице, и что по виду та была в возбужденном и угнетенном состоянии. Мисс Джаретт, проживавшая в общежитии для матерей-одиночек в Лондоне, не так давно приехала из Флетчинга. Она была единственным ребенком лесника при парке Харстгейт Боба Джаретта, награжденного орденом „За отличную службу“ во время последней войны. Мистер Джаретт и его супруга были слишком расстроены вчера, чтобы прокомментировать случившееся (продолжение см. на странице 5, колонка 2)».

Чарли попыталась перевернуть страницы, но ее пальцы тряслись так сильно, что она никак не могла справиться с задачей. Перевернув чересчур много, она отбросила несколько страниц обратно и в волнении чуть надорвала бумагу.

А потом она увидела фотографии.

Сначала она рассмотрела свадебную: молодожены выходили из элмвудской церкви. Невеста в белом, жених одет в щегольской утренний костюм. Развязная улыбка на жестком лице мужчины, высокомерная улыбка женщины… Это были они. Те двое, которых она видела во время своих возвращений в прошлое.

Пониже были помещены большие фото каждого из них в отдельности. Мужчина верхом на лошади, женщина в пышном наряде, с падающими ей на глаза черными волосами. Та самая женщина, которая натравила на нее собаку, женщина, с которой Дик[17] Моррисон занимался любовью в конюшнях, которая пришла в спальню и набросилась на нее с осколком зеркала.

Потом глаза Чарли потянулись вниз, к другому изображению, поменьше, да и менее отчетливому. Ошеломленная она уставилась на нее.

«Барбара Джаретт – брошенная любовница?»

Хорошенькая девушка пристально глядела ей прямо в глаза. Девушка лет двадцати.

Тепло, казалось, уходило из тела Чарли. Ее кожу как будто царапали какие-то шипы.

Прическа была другая – длинные, взбитые волосы, в стиле 50-х… Но только и всего. Это – единственное отличие.

Чарли казалось, что она видела свою старую фотографию.

35

Тони Росс был таким же доброжелательным и энергичным, как всегда, когда он втискивался за свой крошечный стол.

– Ну, Чарли, как ты себя чувствуешь?

– Очень странно.

– О? – Он поднял брови. Его мерцающие глаза заставили ее подумать, уж не пьян ли он, чего, правда, она совсем не могла представить. – Получены результаты тестов и анализов крови и мочи.

Она угрюмо кивнула.

– Я хотел бы провести срочное внутреннее исследование, чтобы быть абсолютно уверенным. Думаю, ты останешься весьма довольна моим диагнозом.

Он вскочил и подержал дверь открытой для нее, а потом провел ее через вестибюль в смотровую комнату. «Мисс Манипенни», тоже ухмыляясь, бросила на них взгляд от своего столика. Чарли опять подумала, не пьяны ли они оба и не потому ли выглядят столь легкомысленно.

Тони Росс попросил Чарли раздеться и прилечь на кушетку. Сбросив туфли, она стянула вниз хлопковую юбку, опустила трусики и расстегнула блузку. Лежа на чистом большом листе бумаги на кушетке, она внимательно следила за ним, пока он натягивал на руки хирургические перчатки, выдавливал немного специального желе. Потом его пальцы скользили вверх внутри ее, заставив ее поморщиться от прохлады этого желе.

Она следила за движением его глаз, высматривая хоть след сомнения или беспокойства, но он только кивал и продолжал улыбаться. Проверяя, нет ли алкоголя в его дыхании, она потянула носом, но не распознала ничего, даже когда он наклонился прямо к ней. Наконец, закончив, он стянул перчатку и бросил ее в мусорное ведро. Затем вымыл под краном руки.

– Ты говорила, что последняя менструация была у тебя месяц назад.

– Да.

– Ты в этом уверена?

Он вытер руки бумажным полотенцем.

– Да. Ну, может, недель пять-шесть. Дела шли сумбурно, этот переезд…

– Одевайся, и пойдем в мой кабинет.

Раздраженная той игрой, которой он, казалось, наслаждался, она оделась и прошла в кабинет, где он делал пометки в медицинской карточке. Он отложил авторучку.

– Выходит, ты не можешь точно припомнить, когда у тебя была последняя менструация, но определенно не позже чем пять-шесть недель назад, так?

– Определенно.

Он просиял еще более широкой улыбкой и откинулся в кресле.

– Что ж… ты беременна!

Прошло какое-то время, прежде чем до нее дошел смысл этого слова. А потом оно ударило ее, словно отброшенная волнорезом волна. Неистово прокатилось по ней, завертело. В изумлении она смотрела на него, потеряв дар речи.

– Часто бывает, что у беременных женщин менструации продолжаются еще долго, – продолжал он. – За пределами двух месяцев это уже необычно, но все же и такое случается. Я сказал бы, что ты беременна примерно шестнадцать недель.

Беременна. Шестнадцать недель. Эти слова с грохотом мощного прибоя обрушились куда-то внутрь головы.

– На ощупь в матке все прекрасно, все на своем месте. Нам надо будет провести несколько тестов с учетом твоего возраста… Но я не стал бы беспокоиться. Мы организуем ультразвуковое сканирование как можно скорее.

– Шестнадцать недель?!

– Не ощущаешь ли ты внутри себя какого-то движения? Скоро ты начнешь чувствовать. – Он перевернул карточку и слегка постучал авторучкой по зубам. – Сильно удивилась?

– Но как… как это может продолжаться так долго, а я ничего не знаю?

– Это случается. У меня была толстая пациентка, которая добралась до семимесячного срока – и ничего не знала.

Беременна…

Это слово успокоило ее.

НОВОБРАЧНЫЙ ПОГИБАЕТ В УЖАСНОМ ПЛАМЕНИ.

– Ты выглядишь не очень-то счастливой. А я-то думал, ты будешь прыгать от радости.

– Я не понимаю. Все эти тесты, все эти штуки… Да мы даже и не пытались целые месяцы. Этот иглоукалыватель хотел, чтобы мы подождали, пока равновесие в моем теле…

Врач помахал авторучкой.

– Знаешь ли, Чарли, медицина – довольно забавная штука. И очень не точная наука. Я не могу сказать, почему ты не почувствовала этого раньше, равно как и не могу сказать, почему ты забеременела сейчас, а не пять или десять лет назад. Существует так много факторов, и психологические столь же важны, как и физические… А порой и более важны. – Он вытащил из стола блокнот и стал писать. – Я собираюсь дать тебе попринимать кое-какие вещи, железо и всякие диетические добавки. Алкоголь надо исключить совершенно, и ты должна избегать любых лекарств. Ты не принимала ничего последние несколько месяцев?

– Нет.

– У меня было совершенно четкое ощущение относительно того, что означают твои симптомы, но я не говорил, чтобы не возбуждать у тебя надежды, пока не был уверен.

– Так ты знал?

– Не наверняка. Это могло быть и временной ограниченной эпилепсией, но я так не считал. Том будет ужасно доволен. Позвонить ему не хочешь?

Он подтолкнул к ней телефон. Чарли покачала головой.

– Хочешь сказать ему позже? Устроить сюрприз по возвращении домой?

Она промолчала.

– Да не смотри ты так мрачно! Никогда не видел будущую мамашу, выглядящую так угрюмо, когда я сообщал ей приятные новости.

– Это не приятные новости, – сказала она. – Совсем не приятные новости.

Он нахмурился и наклонился вперед.

– Не приятные новости?

Она укусила губу, потом дернула кожу на своем большом пальце.

– Ты хочешь сказать, что *все* симптомы, которые у меня есть, могут быть объяснены моей беременностью?

– Да.

– Выходит, я определенно не эпилептичка и не что-нибудь еще?

– Я абсолютно уверен, что твои симптомы вызваны твоей беременностью… Беременность вызывает гормональные изменения, могущие влиять на людей как физически, так и эмоционально.

Она теребила ноготь на другом пальце.

– Да, медицина – очень удобная вещь, – едко сказала она.

– Что ты имеешь в виду, Чарли? – удивился он.

– Ею можно объяснить все, не так ли? Изящно. И все очень кстати.

– Врачи именно это и пытаются сделать.

Она встала, расстегнула свою блузку и показала на маленькую, едва заметную ребристую линию, длиной дюйма три, на левой стороне своего живота. Потом она приспустила вниз свою юбку и указала на похожую линию на внутренней стороне бедра, пониже паха.

– А как ты объяснишь все эти родимые пятна? – спросила она.

Он вышел из-за стола и внимательно рассмотрел линии.

– Это не родимые пятна, – сказал он. – Это шрамы.

– Шрамы? Это родимые пятна. Моя мать всегда мне это говорила.

– Это было зашито, причем очень и очень давно. Должно быть, после несчастного случая, когда ты была совсем маленькой. Очень аккуратные линии. Тебя могли порезать каким-нибудь ножом или стеклом.

Чарли подтянула свою юбку и села, застегивая блузку.

– Ты уверен в этом?

Он тоже уселся.

– Да. При старом способе наложения швов оставались такие вот отметки, теперь зашивают значительно лучше.

Чарли помолчала, ощущая на себе его обеспокоенный взгляд.

– Тони, а еще неродившиеся дети способны воспринимать то, что происходит вокруг, когда они находятся в утробе? То есть я хочу спросить… можем ли мы… ну, что-то вроде… как бы жить жизнями наших матерей так же, как и они, и потом вспоминать что-нибудь?

– Вспоминать какие-то вещи, которые делали наши матери, пока мы были в утробе?

– Да.

Он откинулся в кресле.

– Что это значит, Чарли? Кажется, что-то по-настоящему мучит тебя. В прошлый раз ты спрашивала о перевоплощении, а теперь спрашиваешь о внутриутробных воспоминаниях. – Глаза его сузились, и он задумчиво кивнул. – Еще неродившиеся дети могут реагировать на раздражители, это доказывают тесты.

Чарли все терзала ноготь.

– Значит, нет ничего… сверхъестественного… если мы, возможно, вспоминаем вещи… которые, может, происходили, когда мы были еще в утробе?

– Пятимесячный зародыш может слышать, как закрывается дверь в двенадцати футах от него.

– А ты веришь в привидения?

Он ухмыльнулся:

– Послушай, я хочу быть откровенным. Я знаю, что у беременных женщин бывают ненормальные страхи, но ты уже хватила через край. Тебе надо расслабиться. Ты нормальный здоровый человек, и я совершенно уверен, что в тебе развивается вполне нормальный и здоровый ребенок. Очень уж ты завелась по поводу всех вещей, которые с тобой творятся и которых ты не понимаешь. А теперь ты знаешь, в чем их причина, и тебе больше нет необходимости бояться. Не о чем тревожиться. Просто наслаждайся беременностью. В противном случае твоему бедному ребенку предстоит родиться нервной развалиной.

Чарли услышала чей-то слабый голос в себе, эхом отдававшийся будто в замкнутом пространстве.

Выглядит здоровой и нормальной. Кажется, потеря матерью крови на младенца не повлияла. Два поверхностных пореза от удара холодным оружием надо будет зашить.

Холодный поток воздуха прокатился по ее шее. Он породил чувство столь глубокого и сильного страха, что крошечное существо в ее утробе тоже могло ощущать его.

Оно толкалось ножками.

В сумраке Чарли въехала на их улочку. Она была потрясена и теперь пыталась свести услышанное воедино, отыскать в нем какой-то смысл. «Ситроен», подпрыгивая, протискивался по глубокой рытвине мимо «башен юных дарований».

И прежде бывали случаи, когда менструации приходили у нее поздно, и она надеялась… Представляя себе выражение лица Тома после того, как расскажет ему новость. Ах, счастливые времена.

У Розового коттеджа убывающий свет, кажется, стал поустойчивее. Автомобиль Виолы Леттерс исчез с подъездной дрожки. Чарли была настолько погружена в свои мысли, что лишь в последний момент заметила фигуру, возникшую прямо перед ней.

Она ударила по тормозам, колеса повело по рыхлой поверхности, а ее швырнуло вперед. Накренившись, автомобиль остановился. Чарли осторожно коснулась живота, беспокоясь о младенце, и посмотрела через ветровое стекло.

Какой-то мужчина с прекрасной осанкой в белой рубашке с шарфиком и кавалерийских твидовых брюках сидел у мольберта. Не обращая на нее внимания, он отклонил голову назад, приподнял кисть, прикрыл один глаз и присмотрелся к коттеджу, нанеся затем мазок на холст. Это был муж Виолы Леттерс.

Он повернулся, будто ощутив ее присутствие, и, не сгибаясь, встал. А потом поблек и исчез.

Свет стал чуточку ярче. Черной машины у коттеджа больше не было. На подъездной дорожке стоял «моррис-майнор» старухи.

Джиббон. Гипноз. Она все еще под его влиянием. Чарли едва осознавала, где находится. Уж не вообразила ли она себе и визит к Россу, не был ли он сном? В животе у нее снова возникло движение, слабое, как почесывание.

– Привет, – вяло сказала она. – Ну как ты там? Все нормально, правда? Ну и как же мы тебя назовем? Ты будешь мальчиком или девочкой? Думаю, ты мальчик. – Она нежно пошлепала себя по животу. – Тебе бы следовало оставаться там подольше. Тут снаружи столько ловушек.

За легкой дымкой голубоватых едких выхлопных газов, проплывавших над улочкой, послышался монотонный и резкий рев работающего двигателя. Чарли уже собиралась переключить передачу, когда увидела Зоэ с ее пойнтером, идущих навстречу. Зоэ зажимала пальцем нос.

– Господи, что за гадость! – Она отмахнулась от дыма. – Ну как тут не сказать: проклятый Хью!

– Так это оттуда все летит?

– Ну разумеется! Половину Суссекса отравляет! Я никак не возьму в толк, как он сам может в дыму работать: любой нормальный человек давно бы задохнулся. Я не забыла о том, чтобы пригласить вас с Томом, нет. Вот через денек-другой подберу дату.

Чарли покатила дальше. Голубоватые выхлопы дыма поднимались вокруг Хью, согнувшегося в мастерской над открытым двигателем «триумфа». Он, казалось, был совершенно поглощен закручиванием гайки, и ей захотелось остановиться, забежать туда и рассказать о своих новостях, но она покатила дальше, побоявшись, что новости вызовут у него отвращение к ней.

Беременна. Кому охота связываться с полоумной и беременной? Ребенок Тома. А собирается ли Том заботиться о нем? Поверит ли ей Хью, когда она покажет ему фотокопии газетной статьи?

Строители и электрик уже ушли, и Чарли с радостью услыхала лай Бена. Поспешив по гравию и вверх по ступенькам, она заметила нечто странное в лае: он звучал приглушенно и напряженно, не похоже на обычное приветствие Бена.

Сердится.

Она отперла входную дверь и нажала на выключатель в прихожей. Но свет не зажегся. Черт побери! Чарли принюхалась. В доме стоял запах

протухшего мяса. Возможно, из морозильника. Она побежала в кухню, потом в котельную. Там Бен лаял на потолок, лаял глуховато, будто охрип.

Повернув морду в ее сторону, он жалобно заскулил и посмотрел вверх, на потолок, и снова залаял, отчаянно, словно пытаясь сообщить ей что-то. Чарли смотрела на него, потом на потолок, черный потолок с покрытыми изоляцией трубами центрального отопления.

– Что стряслось, малыш?

Не обращая на нее внимания, он изогнулся дугой, лая на стену позади себя, потом зарычал и промчался через кухню и вдоль по коридору. Чарли следовала за ним. Бен остановился и, свирепо глядя вверх, зарычал.

– В чем дело, малыш?

Он отступил на пару шагов, и его шерсть поднялась почти вертикально.

Чарли поднялась на несколько ступенек. Запах протухшего мяса слышался здесь сильнее. На лестничную площадку снаружи налетел порыв ветра, и что-то соскользнуло по стене. Через открытую дверь и ее спальню были видны все еще приподнятые доски пола и прислоненный к плинтусу моток проводов, оставленный электриками. Запах тухлятины стал еще сильнее, и Чарли подумала, уж не от дохлой ли мышки, вроде той, в мансарде. Правда, для мышки запах слишком уж сильный.

Она пошла к спальне по незакрепленным, стучавшим под ногами доскам, стук эхом отдавался в тишине. Толчком она распахнула дверь и заглянула в комнату.

Консервная банка лежала на верхушке ее столика. Только она больше не была заржавленной, а выглядела абсолютно новехонькой. Такой же новехонькой и сверкающей, какой она когда-то принесла ее на холм во время первого сеанса ретрогипноза у Эрнеста Джиббона.

Кто-то отполировал ее.

Короткими резкими движениями она покрутила головой. Комната, казалось, смыкалась вокруг нее. И тут Чарли закричала.

Медальона не было. Исчез. Вместо него в банке лежало настоящее сердце. Оно было маленьким, вонючим, протухшим, почти целиком покрытым извивающимися белыми мясными личинками.

Она попыталась было отойти, но консервная банка двинулась за ней, и отвратительное зловоние, высвободившееся из банки, взболтало все у Чарли в желудке. Она ударилась в стену, сердце в банке затряслось, и несколько личинок свалились с него. Остальные, извиваясь, лезли через край банки и падали ей на руку, холодные и сухие. Их лапки впивались ей в кожу, пытаясь вцепиться в ее трясущуюся плоть, прежде чем кувырком

полететь на пол.

Одна из них, больше чем остальные, выползла на руку и взгромоздилась на ободок банки. Побалансировав, она перекатилась на запястье Чарли, куснула ее как бы в гневе за то, что прервали трапезу, а потом, кувыркаясь, полетела по воздуху. Это рука Чарли стремительно взлетела, и банка, поднявшись, врезалась в потолок, упала, с клацаньем подпрыгнула и выбросила это протухшее окровавленное сердце перекатываться к ножке туалетного столика, разбрасывая личинки.

Только Чарли уже не видела этого: она выскочила из комнаты, пронеслась вниз по лестнице и бежала к входной двери.

Бен, играя, радостно помчался рядом с ней по подъездной дорожке. По мере того как они приближались к дому Хью, оглушительный рев становился все громче. Звук двигателя был нервный, будто Хью то ускорял, то замедлял его, и каждые несколько секунд двигатель издавал стук, сотрясая всю машину.

Остановившись у порога мастерской, Чарли яростно закашлялась от выхлопных газов. Бен остался позади. Видно, здешние ароматы ему совсем не нравились. Внутри рев двигателя просто оглушал, отдаваясь от стен, все еще продолжая то ускоряться, то замедляться, но звучал все более неравномерно. В воздухе стояла густая голубоватая дымка. Мощный фонарь с металлической решеткой, подвешенный на длинном гибком шнуре, светил вниз, на капот «триумфа», открытый с одной стороны. Крышка капота висела в воздухе над ссутулившейся фигурой Хью, изучавшего что-то в двигателе, прилаживавшего и, казалось, даже кивающего самому себе. Отвертка грозила вот-вот выпасть из заднего кармана его куртки. Чарли подошла, но он не слышал ее, да и не мог услышать сквозь грохот. Выхлопы и пар поднимались вокруг него, и для нее было загадкой, как же он дышит этим ужасным воздухом в этой адской дыре.

– Хью! – прокричала она.

Он повернулся, продолжая склонять голову вниз, прислушиваясь к двигателю и все кивая. Всмотревшись внутрь капота, она отпрянула, встревоженная прямо-таки опаляющим жаром, испускавшим вверх мерцание сквозь дым и пар.

– Хью! – закричала она с ужасом в голосе. – Хью!

Она потянула его за рукав, но рука не пошевелилась. Он продолжал кивать.

– Хью!

Его рука была негнущейся, словно ее вставили в какой-то гипсовый

лубок. Чарли прошла дальше, вокруг широкого черного крыла, пытаясь увидеть лицо, но голова Хью находилась низко, внутри этого темного опаляющего котла стучащего металла, крутящихся шкивов, трясущихся проводов и черных труб-гармошек, которые вибрировали и пульсировали.

Его галстук был затянут прямо в двигатель, напряженный, как стальной трос: узел превратился в крохотный шарик, стянув воротничок его рубашки вокруг шеи. Чарли наклонилась еще больше и разглядела клинышек галстука, обернувшийся вокруг шкива вентилятора и застрявший там.

От лица и волос Хью шел дым. Чарли вцепилась в галстук, но тот был жестким как сталь. Она потянула его вверх что было силы, но галстук не шевелился и не рвался. Чарли кинулась к дверце «триумфа», рывком распахнула ее и ощутила спертый запах кожи, подобный свежему воздуху в атмосфере выхлопных газов. Она быстро осмотрела приборную доску и, найдя ключ, выключила.

Но ничего не изменилось.

Двигатель продолжал оглушительно реветь. Сквозь ветровое стекло она видела затылок Хью. Он все кивал, как будто был доволен тем, что двигатель работает, – кивал сам себе в знак одобрения.

Когда она подбежала обратно, двигатель закашлялся и смолк, а голова Хью резко дернулась. Мотор снова закашлял и снова заглох. Заклубился вверх дым, зашипел пар и послышался мурлыкающий хрип. Донесся сладковатый зловонный запах обгоревшей плоти, а потом – щелчок и бульканье воды. Чарли озиралась в поисках ножа или чего-нибудь острого. У своих ног она подобрала большую отвертку и рубанула ею по галстуку, но отвертка отскочила. Чарли провела ею поперек поверхности галстука, но отвертка оставила еле заметную отметину, и Чарли отбросила ее. Слезы струились из ее глаз – от шока, от дыма и пара, от ужаса.

Господи, ну должен же здесь быть хоть какой-нибудь нож! Она попыталась сдвинуть Хью, наклонить, чтобы ослабить узел, но не смогла. Дрожь вихрем закружилась в ней, будто крошечный и наглый дьявол скакал по ее венам. На полу Чарли заметила голубой металлический ящик с инструментами, с несколькими выдвинутыми поддонами, полный гаек, болтов, шайбочек, округлых гаечных ключей… И слесарную ножовку. Она попыталась провести ее лезвием по галстуку. Ножовка застряла. От галстука оторвался ряд нитей, пружинистых, словно спирали проволоки. Она толкнула ножовку вперед, потянула назад, и нижняя половина галстука отвалилась.

Хью сдвинулся всего на несколько дюймов, а его голова повернулась к

ней боком. Лицо Хью превратилось в бесформенную массу почерневшей плоти с широко открытыми, разбухшими, почти вылезшими глазами. Пока она смотрела на него в оцепенении, полоска кожи отслоилась, завернулась вверх, словно кожа цыпленка, которого чересчур долго поджаривали над жаровней.

36

Выбежав из мастерской, Чарли бросилась к парадной двери дома Хью. Ощущение ужаса охватило ее. Она повернула ручку – дверь была заперта. Чарли прошла к задней стороне дома и подергала дверь кухни, тоже запертой.

Чарли стояла в ослепительно-белом свете, выливавшемся из мастерской в сгущающиеся сумерки. Тело Хью по-прежнему склонялось над двигателем автомобиля. Стоящая вокруг тишина сдавливала Чарли. Привкус рвоты заставил ее желудок напрячься. Ей слышалось собственное одышливое пыхтение.

– Хью? – Это слово выскочило изо рта, как хныканье.

Сзади прошуршал по листьям куста какой-то зверек. Она шагнула к мастерской, откуда тянуло сильным запахом жареного мяса. Еще раз в изумлении она посмотрела на невидящее почерневшее лицо Хью и бросилась обратно по дорожке. Бен бежал вдогонку сбоку от нее, и вот уже Чарли вбежала в дверь собственного дома.

Остановившись в прихожей, она на мгновение застыла в замешательстве. Прихожая выглядела иначе, все в ней воспринималось совсем по-другому. Бюстик с крылышками свирепо взирал на нее со стола.

Телефон.

Чарли побежала в гостиную и вытаращилась, сбитая с толку, на цвета стен: нежно-персиковые, густые и сочные в теплых отблесках заходящего солнца. Комната была полна прекрасной мебели в духе модерна 20-х годов, и лампами в форме цветов.

Телефон.

Она прошла по комнате к бюро из орехового дерева. В это время в ее мозгу что-то крутилось, перестраивалось, пытаясь правильно расположиться. Чарли страстно желала, чтобы она исчезла, чтобы ее здесь не было.

Но она по-прежнему была в ее руке. Слесарная ножовка с красными и зелеными нитями на зубчиках. Нитями от галстука Хью.

Чарли сорвала беспроводный телефон с держателя, набрала номер и поднесла трубку к уху. Гудка не было. Она нажала на три цифры снова, услышала три электронных сигнала, а потом все стихло. Отключен. Электричество. Она не включила электричество. Может, беспроводный телефон без электричества не работает?

В комнате отвратительно запахло горелым деревом. Что-то шевельнулось в зеркале. Тень в коридоре. Кто-то входил в дверь.

Когда Чарли повернулась, телефон выпал из ее руки, громко шмякнувшись об пол. В ужасе она отступила назад, ударилась о кровать, бочком обошла вокруг нее, стараясь забраться подальше, в ужасе уставившись на возникшую перед ней фигуру, совсем обнаженную, если не считать расстегнутой шелковой блузки, с почерневшим лицом, с красными недогоревшими глазами, с волосами опаленными до щетины…

Перед Чарли, не шевелясь, уставясь на нее в жгучей ненависти, стояла Нэнси Делвин.

В ушах у Чарли хлопнуло, словно она поднималась вверх в самолете. Все звуки исчезли, кроме тупых ударов ее собственного сердца.

Я верю в привидения, только не знаю, что это такое.

Волны дрожи прокатились по спине Чарли. Становилось все холоднее. Из ее рта клубами вырывался пар.

Я не знаю, есть ли у привидений какой-либо рассудок, какая-либо свободная воля, способны ли они по-настоящему проделать что-нибудь еще, кроме все новых и новых появлений в одном и том же месте, повторений одних и тех же движений, словно полоска повторяющейся киноленты. Слова Хью барабанным боем отдавались внутри звуконепроницаемой коробки, которой стала ее голова.

Я не уверен, может ли привидение по-настоящему причинить кому-то вред, разве что перепугать своим появлением.

Видение подняло руку. Что-то ярко блестело в этой руке. Чарли, защищаясь, прикрыла свой живот, отступила и упала, ударившись головой. Послышался звук раскалывающегося стекла: вокруг нее падали осколки зеркала.

Рука Нэнси Делвин поднялась еще выше.

Чарли боролась со страхом, дыша короткими порывистыми глотками, она давила в себе сильное желание заорать, отвернуться и беззащитно сжаться в клубок.

Ты всего-навсего призрак. Обрывок памяти. Ты – пустое место.

Не отводя взгляда, Чарли поднялась на ноги. Иллюзия. Она сделала шаг в сторону. *Ты всего лишь иллюзия.* Видение не пошевелилось. Его рука повисла в воздухе. Бен сердито ворчал. Чарли сделала еще шаг.

И с каждым шагом становилось холоднее. Она ощущала, как дрожит вся ее кожа. Вокруг черепа призрака была обмотана лента, натянутая, как проволока, и от этого казалось, будто миллион личинок ползает по скальпу. Чарли пристально посмотрела видению в глаза. Разъяренным взглядом

ответили ей глаза Нэнси Делвин.

Иллюзия, ты не можешь причинить мне вред.

Все расплывалось, как бы покрываясь глазурью. Движения Чарли, казалось, замедлялись, и каждый шаг отнимал вечность, словно она проталкивалась через что-то плотное, подобно ныряльщику, бредущему по дну океана. Холодно, очень холодно. Ужас кружился в ней, ветер овевал ее волосы, лицо, врывался под ее одежду, проникая под самую кожу.

Она чувствовала, что не должна кричать, не должна показывать своего страха. Не должна останавливаться.

Внезапно она оказалась снаружи, на лестничной площадке. Давление исчезло. Она продолжала идти, все быстрее, вниз по ступенькам, через прихожую, вон из входной двери. Было темно. Холодный воздух дул ей в спину. По коже еще ползли мурашки.

Господи, помоги мне! Она баюкала свой живот. «Все хорошо, – безмолвно сообщала она своему малютке. – Все хорошо».

Ведь только в спальне не работал телефон. Не работал потому, что был беспроводным и нуждался в электричестве, а вот с телефоном в кухне все должно быть нормально. Она уставилась в черноту дома, прислушалась и двинулась по коридору в кухню. Стол оказался ближе, чем она ожидала, стул с визжанием заскользил по полу, когда она с силой ударилась в него. Она вцепилась в телефон и подняла трубку.

Линия молчала.

Чарли похлопала по рычажкам, глядя в дверной проем, в страхе, что видение опять покажется в нем. Огонька на автоответчике не было. Электричество. А разве телефоны используют электричество? Она побежала в прихожую и подняла фонарь из-под стола. Потом открыла дверь в подвал и, охваченная трепетом, спустилась вниз.

Слышалось низкое равномерное гудение. Пошарив в темноте лучом фонаря, Чарли осветила коробку с пробками. Главный выключатель стоял в положении «ВЫКЛЮЧЕНО», но диск на счетчике вращался. Она потянула выключатель вниз. Гул стал громче. Чарли попыталась повернуть выключатель, но он не двигался с места.

Что-то на стене зашипело, послышался ряд коротких хлопков, и проводка взорвалась ослепительными вспышками, яркими, словно грозовая молния. Едкий дым наполнил ее ноздри. Крошечный кусочек горящего пластика, вроде жала осы, обжег руку. Она стряхнула его, кашляя от дыма. Внезапно похрустывание и вспышки оборвались.

Чарли посветила лучом на главный выключатель. «ВКЛЮЧЕНО». Послышалось шипение и слабый щелчок, когда включился свет под

потолком – тусклое желтое мерцание, вроде свечи на сквозняке. Она снова попыталась отключить главный выключатель, но к нему невозможно было прикоснуться – так он нагрелся. Чарли обернула его носовым платком и попыталась еще раз. Выключатель не шевельнулся. А гудение становилось все громче.

Шатаясь, она поднялась в кухню. Огонек автоматически мигал. Она схватила трубку телефона.

Но тот по-прежнему молчал.

Чарли постучала по рычажкам. Позади нее послышалось шипение, и кольцо голубоватого дыма поднялось от выключателя на стене. Какой-то бурый волдырь расползался вокруг него во все стороны.

Она побежала в коридор. Из подвала поднимался такой густой дым, что она не смогла дышать. Ослепленная дымом, Чарли шмякнулась о стену. Давясь от удушья, она бешено разгоняла его руками, кашляя, пытаясь что-то придумать.

Помчаться вверх по улочке к Зоэ и воспользоваться ее телефоном? Слишком долго. Сперва надо остановить огонь. Вода. Необходимо достать воды. Она помчалась в кухню, повернула холодный кран и выхватила ведерко из-под раковины. Стена вокруг выключателя неистово горела. Вода закапала в ведро. Чарли смотрела, чем можно воспользоваться. Надо вытаскивать вещи из дома. Надо спасти вещи, документы, ценности…

Бена.

– Бен! – завопила она, и горло ее мучительно заболело. Она побежала в прихожую. – Бен!

Бросившись наверх по ступенькам, Чарли пробежала по лестничной площадке и ворвалась в спальню. Бен съежился за постелью.

– Ну, давай же, малыш! Надо уходить. – Она попыталась потащить его, но он совсем не желал двигаться. – Пошли же!

Она нежно потрепала его и потянула за ошейник. Похныкивая, Бен посмотрел на нее.

Пол подпрыгнул, как будто кто-то тяжело ударил по нему снизу, и тотчас клочки дыма стали подниматься сквозь доски пола. Она дернула ошейник, но Бен упорно сидел, оцепенев от страха. Чарли потянула сильнее, и его лапы проскользнули немного по голым доскам пола.

– Да иди же ты! – завопила она.

Пелена пламени стремительно поднималась по стене, окрашивая черным окно. Взорвалось стекло. Бен вырвался из цепкой хватки Чарли и стрелой умчался на лестничную площадку. Она побежала за ним и в ужасе остановилась.

Пламя плясало все выше и выше по всему лестничному отсеку.

Бен повернулся в панике, зарычал на пламя, на Чарли. Треск огня становился оглушительным, жар опалял лицо Чарли. Спальня за ее спиной уже извергала пламя, и Бен понесся по ступенькам, ведущим в мансарду.

– Бен! Нет! Нет! Вниз, надо идти *вниз!* – Слезы струились из ее глаз, когда она бежала за ним вверх. – Да вернись ты, идиотская собака! – орала она.

Он был в дальнем конце мансарды, лая на маленькое окно.

Из дыры, которую она пробила, когда провалилась ногой сквозь пол, поднимался дым.

– Бен! – кричала она.

Тут ей показалось, что весь дом целиком сдвинулся, изогнулся, и пол лестничной площадки под ней стал проваливаться в пламя.

Чарли со стуком захлопнула дверь мансарды и, подбежав к Бену, нажала на задвижку окна, но та заржавела. Чарли надавила на нее сильнее, и рычажок с лязгом отломился. Когда она протаранила стекло своим плечом, вместе с ним треснула трухлявая рама, и Чарли ухватилась за подоконник, удерживая равновесие. Тут она ощутила какой-то сквозняк, и воздух охладил ее лицо. Задыхаясь, Чарли жадно глотала свежий воздух. Но он был полон дыма, и она закашлялась. Внизу – из-за дыма, темноты и слез в ее глазах – нельзя было ничего разглядеть.

Бен приподнялся и обхватил ее лапами, жалобно скуля и царапаясь. Высунувшись наружу, Чарли сложила руки рупором вокруг рта и заорала:

– Помогите! Помогите! Пожар! На помощь!

Ее голос сник до хриплого карканья, утопая в треске и реве пламени. Пол накренился, и она упала на горячие доски. С потолка дождем сыпалась штукатурка и прогнившее дерево.

Наружу. Надо выбираться наружу. Чарли проползла по наклонявшемуся полу к упаковочным коробкам, порылась в той, которую она открывала раньше. Джинсы, еще одни. Связав вместе их штанины, попробовала на прочность. Становилось все жарче. Порывшись в поисках чего-то крепкого, нашла свою старую борцовскую куртку и привязала ее рукав к одной из штанин джинсов.

Бен, лая, понесся к дверному проему. Кто-то стоял там, сквозь дым виднелся лишь силуэт. Это была помощь. Пожарная бригада. С ней будет все в порядке, с ними обоими все будет в порядке. Чувство облегчения разлилось по ней.

– Сюда, – закричала она. – Идите вот сю…

Дым заглушал ее голос. Оставив одежду, Чарли бросилась к двери.

Когда дым развеялся достаточно для того, чтобы можно было что-то разглядеть, она замерла в полном ужасе. Там стояла стройная элегантная женщина в костюме для верховой езды, без шляпы, с черными волосами, небрежно свисавшими на лицо.

Нэнси Делвин.

Стройная и элегантная Нэнси Делвин.

Бен завыл, заскреб лапами, будто пытаясь отступить назад, но не мог. Вверх вокруг него струей повалил дым. Двинувшись в его сторону, Чарли почувствовала, что пол прогибается.

– Бен! – пронзительно завопила она.

Послышался громкий треск, а потом – звук раскалывающегося дерева. Бен посмотрел на Чарли.

– Бен!

Пес накренился, пьяно качнулся в сторону Чарли а потом ринулся сквозь пол, в вулкан пламени. Чарли и сама бросилась вперед.

– Нет! Бен!

Пол опустился на несколько дюймов. Пламя перепрыгнуло на стропила, промчалось вдоль балок и прочертило полосу над головой у Чарли, осыпав ее ливнем горячих искорок.

Заколебавшись, пол прогнулся еще больше, словно был подвешен на тонких нитях. Нэнси Делвин скользила по направлению к Чарли, в то время как пламя пожирало пол за ее спиной.

– Моя собака! – пронзительно закричала Чарли в бешенстве. – Забрала мою собаку, ах ты сука!

Чарли оттолкнулась руками и коленями подальше от пламени к стене. Поднявшись на ноги, она вперилась злобным взглядом в Нэнси Делвин. Даже сквозь дым и пламя Чарли ощущала запах сладковатых мускусных духов.

Иллюзия. Видение. Ты ничто. Ничто.

Нэнси Делвин улыбнулась и подошла поближе.

– Чего ты хочешь? – спросила Чарли.

Еще ближе. И тут Нэнси Делвин заговорила. Холодным и надменным голосом, который Чарли слышала и раньше, в дверях Элмвуда, во время своего возвращения в прошлое.

– Ты убила мою собаку.

Еще ближе.

– И моего мужа.

Все ближе и ближе.

– Ты разрушила мою жизнь.

Воспоминания и переживания накатились на Чарли мучительной волной, больнее, чем эта жара, куда больнее. Чарли заскрежетала зубами от боли.

– Это была не я. Это была моя мать.

Нэнси Делвин стояла рядом.

– Ты и есть твоя мать.

Она улыбнулась, и пламя поглотило ее, и она исчезла.

Пол наклонился, опрокинув Чарли. Неистово вцепившись в подоконник, она повисла на нем. Языки пламени жалили ее тело, словно удары бича. Когда Чарли забралась на подоконник, ее глаза выкатились от ужаса при взгляде на землю, освещенную сквозь задымленную темноту отблесками пламени. До земли было далеко-далеко. Одежда ее тлела. Держась за подоконник, Чарли начала спускаться наружу, пытаясь уменьшить высоту, с которой она будет прыгать. Ее ноги раскачивались и скреблись, стараясь отыскать опору на шершавых стенах, но не находили. Горячий подоконник рассыпался под руками. Чарли закрыла глаза. В любую секунду ей придется сделать это.

А потом чей-то голос завопил:

– Чарли! Подожди! Дорогая! Не прыгай! Держись!

Голос Тома.

Ее пальцы скользили, руки болели… Боль, огонь, этот удушающий дым. Проще отпустить руки, упасть, проще умереть. Ее хватка ослабла.

Она услышала стук лестницы и снова голос Тома. Подоконник обжигал ей пальцы. От шагов Тома лестница вибрировала. Чарли почувствовала его руку на своей ноге, направляющую ее на верхнюю ступеньку лестницы. Из окна над ней, скользнув в темноту, вырвалось пламя, будто разыскивая ее своими языками, но Чарли не заметила этого. Она вообще не видела ничего, совсем ничего, кроме лица Тома в ярком, ослепительном свете.

Эпилог

Алиса Хоуп Уитни родилась 14 февраля. Чарли с Томом решили дать ей второе имя Хоуп[18] потому, что в известном смысле ее рождение дало им обоим надежду на начало новой жизни.

Чарли подняла из ванночки плескавшуюся и булькавшую Алису, вытерла насухо и одела в пижамку. А потом понесла ее вниз, в кухню – изящную, прекрасно оборудованную. Чарли сделала ее как можно более отличной от той кухни, которую она хотела для Элмвуда. Все сгинуло в огне, все фотографии, одежда, вся мебель, книги… Примерно также, как если бы взяли да и уничтожили ее прошлое. Она не возражала. В некотором смысле она даже была рада.

Страховка за сгоревшее имущество была солидной, и они продали землю одному застройщику земельной собственности. Их новым жилищем стал большой особняк, пристроенный впритык к другому на улице Варне с трехрядным движением, вблизи от реки. Ни Чарли, ни Том не испытывали никакого желания снова жить в сельской местности.

Включив в гостиной телевизор, Чарли уселась на диван и дала Алисе ее бутылочку. От Тома дочери достались волосы и серьезный характер. Временами девочка была даже чересчур серьезна, как будто она уже сейчас, в свои восемь месяцев, пыталась все разложить по полочкам. Интересно, не вспомнит ли и Алиса однажды события из прошлого, как было с самой Чарли.

Теперь уже миновал год, почти ровно год. Иногда казалось, что это было давным-давно, как стершийся в памяти сон, а порой – что все происходило лишь вчера. Разные мелочи приводили в движение воспоминания: запах табака от какой-нибудь трубки, склонившийся над капотом автомобиля мужчина, расцветка чьего-то галстука…

В спокойные минуты, вроде нынешней, когда за окном спускалась ночь и мерцал телевизор, Чарли часто думала, что же случилось в самом-то деле и сколько еще оставалось внутри нее, спрятанного под замком, что мог бы извлечь наружу гипнотизер. Но этому следовало оставаться там. То, что она когда-то с любопытством старалась узнать, теперь нужно было хорошенько забыть.

В иные ночи она просыпалась от кошмарного вопля, заново переживая прошлые ужасы. То на краю кровати сидел Эрнест Джиббон, державший в руке желтый плащ Виолы Леттерс. То появлялся Хью в своем отпиленном

галстуке, с выражением мучительной боли на почерневшем лице. Или вокруг нее топал Бен, а когда она протягивала к нему руку, бросался через доски пола в огненный ад. Временами она видела сквозь пламя Нэнси Делвин, а также то, как она сама, Чарли, когда пожарные машины заревели на их подъездной дорожке, вцепилась в Тома и закричала: «Не пускай их! Ты не должен их пускать! Пусть все сгорит!»

Худшей же частью происшедшего было расследование – по поводу Виолы Леттерс, а потом и Хью. И оба раза один и тот же следователь. Смерть Виолы Леттерс, как он заключил, была несчастным случаем. А вот по поводу Хью он был не столь уверен и зафиксировал это дело как еще ждущее решения.

Алиса допила молоко и срыгнула, и теперь сонно лежала на руках у матери. Чарли отнесла девочку наверх и устроила в кроватке. Алиса проснулась и протянула ручонки к мобилю, постоянно движущейся безделушке в виде пластиковых шмелей и бабочек, подвешенной над ней так, чтобы она не могла до нее дотянуться. Чарли раскрутила мобиль, и Алиса наблюдала, как вертятся все эти штучки, как свет отражается от них. Девочку очаровывало все, что сверкало.

Чарли включила розоватый ночник и сигнал тревоги на случай, если девочка заплачет, и пошла вниз готовить ужин. Том скоро должен вернуться домой. Она достала из морозильника несколько бараньих отбивных и положила на сковородку комочек масла. Из сигнального приемника донеслось потрескивание, бульканье, а потом дыхание Алисы, устойчивое и ритмичное. Заснула.

Сад вдруг осветился. Резкий яркий свет. Сработал датчик на случай самозваного вторжения. Глаза Чарли изучали лужайку, аккуратные цветочные грядки, оранжерею… Перепуганная кошка вспрыгнула на изгородь в конце сада, и Чарли улыбнулась. Зашипело масло на сковородке. Чарли снова выглянула в сад, свет там еще горел, и она испытала приятное чувство от обычности их сада. Его нормальности. В Элмвуде она никогда не чувствовала себя нормально, и, возможно, это было предвестием всего случившегося.

Она часто задумывалась, в самом ли деле она видела и привидение командира Леттерса в тот день, и призрак Нэнси Делвин в горевшем доме, или же это просто было обрывками воспоминаний о людях, которых видела ее мать, воспоминаний, ей передавшихся. Такова была теория Хью Боксера, и в одной газете на эту же тему появилась статья, которую Том вырезал для нее вместе с программой телевидения. Наука, кажется, оказывала предпочтение этому же доводу.

И все же, все же, все же… Никогда в жизни не узнать точно, нипочем не узнать наверняка. Чарли побывала в двух библиотеках и прочитала там все, что смогла найти, о перевоплощениях. Но чем больше ты ищешь, как она уже начинала понимать, тем неразрешимее становится загадка.

«Забудь ты об этом», – советовал Том. Возможно, природа помогала ей по-своему. Жизнь последний год была хорошей, уравновешенной. Какое-то равновесие было всегда. Случалось то хорошее, то плохое. Свет и тьма. И хорошее, казалось, всегда следовало за плохим. У Тома в его партнерской фирме дела шли нормально. Их брак уцелел, хотя Хью по-своему был прав, говоря, что надломленный брак – что-то вроде разбитой рюмки: осколки можно соединить и склеить, но ты всегда будешь видеть трещины.

Лаура снова собиралась замуж. Их дружба не восстановилась. С Джулианом и Зоэ они обменялись рождественскими открытками, и Зоэ приписала, что позвонит им на Новый год и пригласит на обед. Да так и не позвонила. Чарли испытала облегчение оттого, что последняя цепочка, связывавшая их с Элмвудом, оборвалась.

Из сигнального приемника снова донеслось потрескивание, а потом – резкий звон, будто кто-то сильно толкнул мобиль. Но ведь Алиса не могла до него дотянуться, он был на надежном расстоянии от нее. Послышался треск чего-то раскалывающегося. Алиса заплакала.

Чарли стрелой вылетела из кухни, взбежала по лестнице и ворвалась в комнату Алисы, щелчком включив верхний свет. Мобиль был разбит и свободно свешивался в детскую кроватку. Алиса вопила в испуге, размахивая во все стороны ручонками, запутавшись в хлопковых нитях и крошечных непрозрачных фигурках.

И когда Чарли наклонилась над кроваткой, говоря: «Все хорошо, все в порядке, мама пришла», правая ручонка Алисы резко дернулась прямо вверх, в воздух. Чарли ощутила опаляющую боль на лице и в испуге прижала руку к своей щеке. Отняв ее, она увидела кончики своих пальцев в крови.

Алиса лежала в кроватке неподвижно и глядела на мать. Чарли увидела вдруг в глазах Алисы нечто ужаснувшее ее, таившееся в черноте крохотных зрачков. Как будто они несли в себе непобедимое коварство и ненависть, прошедшие через поколения, пространствовавшие сквозь все времена.

Комната стала холодной, словно ребенок втянул в себя все ее тепло. Когтистые лапы пронзали кожу Чарли, кто-то стоял позади нее, толкая ее вперед, к этой кроватке. К этому существу, что было в ней.

– Нет, отпусти меня! – завизжала Чарли, поворачиваясь.

Сзади не было ни души. Только стена. Пот стекал с ее кожи, как вода с плит тающего льда. Глаза Алисы были закрыты, и головка лениво склонилась набок. Ее крошечные круглые кулачки разжались, и осколок разбитого пластика упал на простыню, пометив ее кровью.

Страх сковал горло Чарли, и некоторое время она стояла неподвижно, прежде чем смогла коснуться своей девочки. Она взяла Алисину ручонку, испуганная тем, что та может ухватить ее как клешней. Внимательно рассмотрела ее, но никаких отметин на ладони Алисы не было. Взяв осколок, Чарли распутала остатки мобиля и растащила их в стороны. Алиса заснула как ни в чем не бывало, ее дыхание возвращалось к устойчивому ритму.

Чарли прошла в ванную и выбросила кусочки в мусорную корзину. В зеркале она увидела узкую полоску крови, пробивающуюся по ее лицу. И еще страх в собственных глазах. И неверие.

Навоображала она это.

Ведь говорил Тони Росс, что этот шок должен продолжаться, должен проявить себя в необычном виде, со странными симптомами, и годы и годы пройдут, прежде чем все это исчезнет.

Навоображала все, выходит.

Она прижала полотенце к щеке и вернулась в спальню. Губки сонной Алисы сложились в довольную улыбку спокойствия и безмятежности. По мере того, как Чарли наблюдала за ней, выражение лица девочки изменялось, глазки деловито щурились, крошечный улыбающийся ротик скривился в хмурую мину, а потом – в вопрос. Алисино личико напоминало постоянно вращающийся калейдоскоп, словно она реагировала на то, что происходило глубоко внутри ее сознания.

Какие-то обрывки воспоминаний в ее генах. Только и всего.

Чарли очень на это надеялась.

---

notes

Примечания

1

Нейл Киннок – британский политик, ставший персонажем мультипликационного клипа.

2

Рэдфорд Роберт – известный американский киноактер, воплощение мужской красоты.

3

Игра слов: «кул» *(анг. cool)* – «невозмутимый», «хладнокровный», «равнодушный» и т. д.

4

«Спритсер» – напиток из белого вина с добавлением содовой воды.

5

Речь идет об английском короле Эдуарде VII, правившем в 1901–1910 годах.

6

Дежавю – психиатрический термин, в буквальном переводе с французского – «уже видел». Означает состояние, когда человек «узнает» места и события, которые никогда прежде не видел.

7

Тейт Шарон – американская кинозвезда, зверски убитая вместе со своими родственниками в 1964 году.

8

Китайская коробочка – малоизвестная в России, но популярная в других странах безделушка, устроенная по принципу русской матрешки: ряд коробочек уменьшающегося размера вставляются одна в другую.

9

Вплоть до начала XX века женщины сидели на лошадях, свесив обе ноги в одну сторону (как правило, влево).

10

Индиана Джонс – бесстрашный археолог, герой популярного американского кинофильма. Он ищет и находит Священный Грааль – чашу, дарящую бессмертие.

11

В Средние века испанский флот считался самым могущественным и именовался Непобедимой армадой. В 1588 году во время экспедиции для захвата Англии этот флот попал в бурю и погиб, хотя англичане до сих пор приписывают эту «победу» не погоде, а себе.

12

Леммон Джек – известный американский киноактер, комик.

13

Герберт Джеймс – английский писатель, автор мистических романов.

14

В отличие от России в большинстве зарубежных стран трупы принято транспортировать в наглухо застегнутых на «молнию» пластиковых мешках.

15

В 1066–1154 годах в Англии правила норманнская династия, происходившая из Нормандии (ныне – территория Франции).

16

В ряде зарубежных стран (в основном – католических) валентинками называют открытки, а порой и другие предметы, которые влюбленные дарят друг другу в День святого Валентина – 14 февраля.

17

Дик – уменьшительный вариант полного имени Ричард.

18

Хоуп по-английски означает «надежда».

Содержание

Питер Джеймс Возлюбленная
Благодарности
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

34
35
36
Эпилог
Примечания
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18